

Лауреат премии Эдгара По

Джесс Уолтер

Над
осевшими
могилами

роман

Annotation

В городе, где полиция целыми днями разве что разнимает пьяные драки и отлавливает мелких наркодилеров, происходит череда зверских преступлений. Расследуя серийные убийства городских проституток, разуверившаяся в себе детектив Каролина Мейбри, ее бывший наставник, увлеченный теоретик полицейской работы детектив Алан Дюпри, два аналитика из ФБР и вся полиция города Спокана, штат Вашингтон, месяцами охотятся на подозреваемого, который представляется им воплощением всех земных пороков. И однако, как обычно и бывает в жизни, подлинная картина гораздо сложнее, чем кажется, пороки бывают разные, а чужие поступки мы ради собственного удобства чрезмерно упрощаем и подгоняем под готовые трафареты.

Джесс Уолтер, автор «Великолепных руин», финалист Национальной книжной премии и лауреат премии Эдгара Аллана По, в своем дебютном романе повествует о мире, где не существует отчетливых границ между добром и злом, где у всякого преступления и всякой жестокости есть обратная сторона, а хороших и плохих парней не бывает в принципе, – о мире, постижение которого не приносит человеку утешения, но хотя бы позволяет в итоге сделать правильный выбор.

- [Джесс Уолтер](#)
  -
  - [Часть первая](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [Часть третья](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
- [Часть четвертая](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
- [Часть пятая](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)

- [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
-

Джесс Уолтер

Над осевшими могилами

OVER TUMBLED GRAVES by Jess Walter
Copyright © 2001 by Jess Walter

Перевод с английского Александра Сафронова

Книга издана с разрешения автора и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Напряженный, умный и глубокий дебютный роман.

The Dallas Morning News

Самобытный и увлекательный образчик детективного жанра.

Philadelphia Inquirer

Первый роман Джесса Уолтера – полноценное погружение в психологию. Очень удачный дебют.

Booklist

Умный, увлекательный и взаправду страшный роман.

Otto Пензлер, The Mysterious Bookshop

Первоклассная проза мчит нас порогами непредсказуемых поворотов сюжета к завораживающему финалу.

Oregonian

Будоражит душу. Тонкая восприимчивость автора расцветает горькой метафорой.

New York Times Book Review

Великолепно. Увлекательно. Напряженность действия не уступает эмоциональному накалу.

The Washington Post Book World

Мощный дебют Джесса Уолтера – уникальный роман в обширном ряду детективов о серийных убийствах.

The Seattle Times

Стремительный сюжет этого триллера тащит за собой, точно морские течения, и полнится штормами.

Sun Sentinel

Джесс Уолтер (родился в 1965 году) не новичок в писательстве, в его послужном списке шесть детективов, но начинал он как репортер, и известность к нему пришла после его скандальных статей о роли американских спецслужб в историях, связанных с терроризмом и организованным криминалом. Один из детективов Уолтера получил премию Эдгара По.

Часть первая

Апрель. Погребение усопших

*Над осевшими могилами
В тусклом свете луны
Что-то шепчет трава.*

Т. С. Элиот «Пустошь»

Водопад завораживал. В паршивом настроении Каролину Мейбри всегда тянуло к реке. Желание забыться приводило ее к каменистым стремнинам, бурлившим в самом центре города. Спокойная в верховьях, изобиловавших безмятежными омутами, здесь Спокан ярилась и пенилась, безумствуя в водопаде.

Удивительно, как река притягивала. Бывало, Каролина спешила по делам, или утром бегала трусцой, или катила на велике, но вдруг оказывалась на пешеходном мосту, разделявшем водопад и плотину на Монро-стрит. И тогда, замороженная водяным каскадом в сердце города, постигала размах потока, проникаясь верой в иное предназначение реки, нежели транспортная артерия или источник энергии. Водный поток очищал город, унося прочь его мусор, пороки, самоубийства. Река промывала длинную серую рану цивилизации. Со временем Каролина стала приносить сюда собственные хронические хвори – внезапную одинокость, регулярное отчаяние и затворничество. Стремнина полностью не исцеляла, однако зазубренные тревоги тонули в белых барашках вокруг валунов, торчавших из воды, словно переломанные кости сквозь кожу

Каролина постояла на мосту и, глянув на часы, покатила коляску в парк, где народ возлежал на подстилках, метал фрисби и пинал хэки-сэк^[1]. Парк на берегу речного рукава, плотиной отделенного от стремнины, был хорош для уток, влюбленных парочек и для тихого созерцания. Здесь река, серая и спокойная, текла, точно расплавленный металл. В гулком рокоте водопада Каролине было уютнее, чем в парковой тиши. Страхнув задумчивость, она выкатила коляску на тропу. Потом заняла позицию и стала ждать.

В свои тридцать шесть Каролина Мейбри выглядела на десять лет моложе, но чувствовала себя на десять лет старше. Круглые зеленые глаза и короткие каштановые волосы смягчали ее облик атлетической дылды. Поставив коляску на въезде широкого моста, она привалилась к столбу и перевязала шнурки новых кроссовок. Подняла голову, установила визуальный контакт с бомжем в новых кроссовках, весь день слонявшимся на другом берегу. Потом, действуя по протоколу, потянулась, сделала наклон, оправила синтетический спортивный костюм, проверила младенца в коляске, надела темные очки и оглядела парк.

Впечатление странное, но привычное, будто рассматриваешь

настенную карту, где флажками отмечены основные фигуранты. Промелькнуло и дежавю (Каролина всегда считала его сродни безумию), придававшее смысл всякой бессмысленной мелочи. Оглядывая парк, Каролина внушала себе, что *все вокруг* — фрисби, собаки, даже река и уж тем более она сама, молодая мамаша, в солнечный денек отправившаяся на прогулку, – нереально.

На другом берегу джентльмен на скамейке отвлекся от позавчерашнего номера «Уолл-стрит джорнал» и, перехватив взгляд Каролины, улыбнулся. Собственные мысли оглушали Каролину, будто все могли их прочесть и поинтересоваться, откуда ей известно, что джентльмен торчит на скамейке весь день и почему сей господин, она сама и вышеупомянутый бомж обуты в девяностодолларовые кроссовки одной фирмы.

Вся троица – Каролина с ребенком на одном берегу, бомж с рюкзаком и бизнесмен с газетой на другом – расположилась таким треугольником, обрамлявшим мост. В середине треугольника (сразу за мостом, на стороне бизнесмена и бомжа) маячил жилистый чернокожий парень в мешковатых джинсах с уймой карманов, белой футболке, незашнурованных кроссовках и бейсболке с логотипом «Нью-Йоркских гигантов». Каролина знала, что зовут его Кевин Хэтч, кличка Паленый. Если б кто и впрямь подслушал мысли Каролины, он бы очень удивился ее Познаниям, уподоблявшим ее близорукому божеству, которому ведомо все, кроме ближайшего будущего.

В ухе Каролины просипел голосок: «Мы готовы. Берем на сделке».

Каролина села против моста и открыла книгу в мягкой обложке. Примерно раз в минуту она переворачивала страницу. Через пять страниц встала, заглянула в коляску и вновь села, привалившись к столбу. Минут через десять к Паленому подошел человек. Лет сорока, длинноволосый. Штаны хаки, черная футболка, темные очки. Каролина поняла, что ничего о нем не знает. Паленый настороженно поздоровался, но потом улыбнулся, словно человек помянул общего приятеля. Незнакомец что-то говорил, Паленый слушал, изредка кивая.

Вокруг ворковали парочки, канючила детвора, о чем-то трепались мужчины в костюмах. На другом берегу бомж поднялся с газона и лениво зашагал к мосту. Сквозь жиденькую облачность, озарив реку и парк, пробилось солнце. Будто на сцене подняли занавес.

Агенты ждали, когда отработанным жестом Паленый подаст руку незнакомцу в хаки. Первое рукопожатие – передача наркотика, второе – денег. Но этого не случилось, треп продолжался. В основном говорил незнакомец, иногда Паленый вставлял словечко. Наконец он полез в карман. В тридцати футах от него бизнесмен сложил старую газету,

поднялся с лавочки и сунул руку под пиджак.

Каролина тоже изготовилась, но ее перебило приглушенное знакомое треньканье. Не выключила мобильник, что ли? Телефон лежал в коляске. Каролина огляделась и, помешкав, цапнула мобильник, нечаянно прихватив край одеяльца. Резко выпрямилась, и сверток с младенцем вылетел из коляски, точно выпущенный из рогатки. Или подброшенный батутом.

Вся картина сложилась уже позже, ибо в тот миг Каролина утратила всякую способность к восприятию. Разрозненные фрагменты громоздились друг на друга, не оставляя времени на осмысление.

Вокруг закричали. Младенец взмыл в воздух. Какой-то человек попытался его поймать, но промазал. Сверток перелетел через перила. Народ кинулся к мосту, вероятно еще сам не зная зачем – поглазеть или помочь. Спеленутый сверток шмякнулся в воду, почти не оставив кругов, и на спинке поплыл по неспешной серой глади, прорезавшей парк. Точно Моисей.

Крики всполошили пушера Паленого и его потенциального клиента в хаки. Они прервали разговор и увидели, как копы, замаскированные под бомжа и бизнесмена, но уже с пистолетами в руках, застряли в толпе, спешившей выручить утопающего либо поглазеть на утопленника.

На своем берегу Каролина застыла у коляски.

– Не надо! Это... – крикнула она, но закончила фразу уже после того, как парень в джинсах и футболке, перемахнув через перила, сиганул в воду, – ...кукла! – Вновь зазвонивший мобильник, словно добавил реплике восклицания.

«Объекты уходят!» – завопил голос в наушнике.

Каролина глянула на мост. Паленый и его клиент продирались сквозь толпу зевак, следом – отставшие детективы. Каролина потянулась к пистолету в кобуре за спиной, но сочувствующий народ хватал ее за руки, желая успокоить. Подельники прошмыгнули мимо, Каролина успела лишь вцепиться в рубашку покупателя, но тот вывернулся и ударил ее по шее. Каролина упала.

К ней склонился подоспевший сержант Лейн в наряде бизнесмена.

– Все нормально. – Каролина потеряла шею и кивнула вслед преступникам. Лейн, слава богу, кинулся вдогонку. Вновь затренькал мобильник. Каролина сообразила, что все еще сжимает его в руке. Очумело посмотрела на дисплей. Потом встала, отряхнулась и поднесла телефон к уху: – Да.

– Привет, малыш.

Джоэл.

– Как там облава?

Каролина выключила мобильник.

Из фургона выскочили еще два детектива, но они слишком замешкались, да и были совсем в другой стороне. Наблюдать за провалом операции больше не было сил, и Каролина отвернулась к безмятежной реке. Герой уже спас куклу, предназначавшуюся в подарок Каролининой племяннице, и греб к берегу, держа пупса за пластмассовую ручку. Зрители на мосту все равно наградили его аплодисментами, а он смущенно поежился.

Каролина догадывалась, какие мысли его обуревали: герой он или нет, если ребенок не всамделишный? Для нее вопрос стоял еще острее: ладно, младенец, коляска, тренировочный костюм – все липовое, камуфляж, а как насчет одиночества и тоски по чему-то иному? Они-то настоящие?

Прибрежный парк, раскинувшийся по берегам реки, охватывал сотню акров вокруг Споканских водопадов, включая холмистый остров посреди каменистого протока. Для выставки «Экспо-74» бывшую сортировочную станцию преобразовали в парк, которому было не суждено стать сердцем города, как горькому пьянице не судьба завязать. Остался просто парк с дорожками и пешеходными мостиками, бельведерами и аттракционами, подъемником, часовой башней и старомодной каруселью. Когда в этом оазисе покоя, весьма популярном у горожан, наркодилер стал сбывать свой товар, детективы из особого отдела решили, что после однодневной слежки легко арестуют злодея.

Но операцию изгадили, и парк стал головной болью. Холмистый, утопавший в зелени массив предлагал дюжину лазеек, через которые его можно было спокойно покинуть, и потому преступников искали малыми силами и не слишком рьяно. Через час сержант Дэрил Лейн дал отбой, но сам, все в том же тесном деловом костюме, еще около часа бродил по парку. Каролина боялась посмотреть ему в глаза. Первыми отбыли патрульные, затем прикомандированные в помощь сыщики из других отделов. Остались сержант Лейн в пропотелом костюме и бомж Геррати. А еще Каролина. Она сидела на ступенях карусели и смотрела на стариков, кормивших уток. Волоча ноги, подошли Лейн и Геррати.

– Ты не виновата. – Тон сержанта подразумевал обратное. Лейн невидяще уставился мимо Каролины, потом встряхнул головой. – Мы сваливаем. Я не стал вызывать собак.

Он и Геррати попятнулись, словно боясь заразиться.

– Слушай, не бери в голову, – помолчав, добавил сержант. – Ну и хрен с ним, что целый день промаялись.

Каролина не ответила. Помявшись, Лейн зашагал прочь, следом Геррати в засаленных штанах и рубашке. Мальчик обожал облик ханыги. Он весь преобразался, облачившись в грязные джинсы и черную футболку, разлохматив стянутые в хвост волосы и закинув за спину здоровенный рюкзак. Наверное, в этом и было главное различие между Каролиной и прочими сыщиками особого отдела. Тем нравилось лицедействовать, дурача народ. Перевоплощение их вдохновляло.

Каролина думала, ей тоже понравится. Конечно, после двух лет в отделе имущественных преступлений интересным покажется все, что не

связано с поиском украденных магнитов. Но оказалось, она иначе устроена. Новые коллеги были хитры и двуличны, как отчаянные наркоманы, за которыми они охотились. Зачастую сыщики сами превращались в наркоманов. Каролина могла примириться с отчаянностью, но ее воротило от хитрости и притворства. И еще больше – от скрытой под ними правды. Ну вот, скажем, ребенок. Куклу она купила в Сан-Франциско для племянницы, коляску отыскала на реквизиционном складе. Спору нет, камуфляж негодный, причиняет душевные страдания, отвлекая от работы. Правда, она думала, все ограничится ее переживаниями. Публичного фарса не предполагала.

Растопырив колеса, коляска стояла рядом, точно малыш, ожидающий выволочки. Каролина ее пнула, и коляска опрокинулась. Второй раз за день оттуда вылетела кукла. Но теперь хоть не угодила в реку.

– Вас арестовать за мусор или за жестокость к ребенку?

Каролина медленно обернулась, сощурившись от бившего в глаза солнца. Человек читался силуэтом. Вот уж у кого безошибочное чутье на паршивое настроение.

– Здравствуйте, сержант Дюпри.

Человек вышел из солнечного ореола и, присев рядом на ступеньки, расплылся в улыбке. Вот эта его ухмылочка особенно раздражала. Когда он улыбался, глубокие морщины на его худом и узком, прямо-таки *длинном* лице разглаживались и главными становились глаза, небесная синь которых вдруг порождала совершенно ненужные желания.

– Валяйте, – буркнула Каролина. – Наверное, вам есть что сказать. Или еще не слышали?

– Нет, слышал. Думаю, это уже попало в сводку. Поллард обмочился, когда узнал.

– Прекрасно. Значит, все не зря. Распотешили толстозадых в убойном отделе.

Дюпри посмотрел на нее поверх маленьких прямоугольных очков:

– Знаете, только психи казнятся из-за подобной ерунды. Чокнутые, которые беседуют с собой и мнят себя Спасителями.

– Я не казнюсь. Просто чувствую себя душой.

– Да? И правильно. Вышла глупость. – Дюпри откинулся на локти, глядя на безмятежную реку. – Ну и плюньте.

Каролина покосилась на него, зная, что он чувствует ее взгляд. Дюпри был ее первым начальником, когда она служила патрульным. Шесть лет назад он первым прибыл на место происшествия, когда единственный раз она применила оружие. Был вызов на бытовую ссору, и она застрелила

мужика, чуть не зарезавшего жену. Дознание сочло ее действия правомерными, но она сильно переживала и ушла бы из полиции, если б не Алан Дюпри. Вообще-то Каролину злило ее необъяснимое влечение к этому сухопарому лысеющему человеку с пластичной неуклюжестью ковбоя из старого вестерна. Его беспечность раздражала коллег и пугала обывателей. Беспокойство он скрывал за неуместными шутками. Не умел промолчать, когда надо. И были сотни других причин, по которым не стоило им увлекаться. У него невероятно маленькие ступни. Каролина не доверяла мужчинам с маленькими ступнями. И он женат. Вдобавок ко всему.

– Вот только не знаю, кто вам позвонил, – сказал Дюпри.

– Джоэл.

Каролина прямо чувствовала зреющую остроту. Сейчас выдаст что-нибудь про качка. Может быть, опять обзовет «чиппендейлом»^[2] или просто «елдаком». Нет, скорее, пройдетя насчет возраста. Двадцатичетырехлетний Джоэл был на двенадцать лет моложе Каролины.

– Просил забрать его из школы?

– Смешно, – улыбнулась Каролина. – Даже не похоже на вас.

Дюпри поднял коляску и водрузил куклу на место.

– Через неделю патруль возьмет вашего сбытчика. Где-нибудь в парке он будет нюхать клей. Такие всегда всплывают на поверхность.

– Надеюсь.

– Не сомневайтесь. Так и будет. – Дюпри посмотрел в сторону, и только сейчас Каролина заметила его спутника. Слаксы, галстук, спортивный пиджак – униформа репортеров, преподавателей колледжа и новых сыщиков из убойного отдела.

– Это Спайви? – Каролина выдавила мрачную улыбку и помахала рукой. – Скажите «нет».

– Его отрядили мне в напарники. На выучку.

– Крис Спайви в убойном отделе?

Дюпри пожал плечами:

– И мартышек готовят в космонавты.

– По-моему с этой идеей уже распрощались.

Полгода назад Каролина просила о переводе в убойный отдел, но ей ответили, что вакансия откроется не раньше чем через год. А вот для Спайви открылась сразу.

– Я только обучаю, – сказал Дюпри. – Отбираю не я.

Каролина отвернулась к реке.

– Эй... – Дюпри легонько стиснул ее запястье. – Как поживает ваша

матушка?

– Хорошо.

– Вот и славно. – Сержант выпустил ее руку и пошел к Спайви.

– Привет Дебби, – вслед ему бросила Каролина.

Дюпри остановился.

– Передам. А вы кланяйтесь Джоэлу, – сказал он и добавил тише, но вполне явственно: – Когда развезет газеты.

Сыщик ушел, и Каролина вновь устала на реку. Потом достала из коляски куклу. Половина настоящих младенцев – мальчики, но почти все куклы – девочки. Игрушки в чужих руках. Каролина закинула куклу обратно и покатила коляску к выходу из парка. На часах без малого пять. Она сильно оттолкнула коляску, потом догнала ее и с минуту постояла на берегу, припоминая провал операции. И чего полезла за телефоном? Пусть бы себе трезвонил. Миновав водопад, Каролина почти добралась до выхода, но вдруг притормозила и оглянулась на густой кустарник. Рядом остановилась дама в довольно тесном платье и кроссовках. Секретарша, возвращается домой.

– Можно посмотреть? – Дама склонилась над коляской.

– Нельзя, – отрубил Каролина, не сводя глаз с кустарника.

– Почему? Кроха спит?

– Нет. Она пластмассовая.

Бросив коляску, Каролина подошла к кустарнику. Мысли ее вертелись вокруг покупателя в хаки. Она раздвинула ветки, и в ту же секунду мир взорвался: Паленый и клиент прыгнули из зарослей, точно испуганные птицы. От толчка или внезапности Каролина чуть не грохнулась навзничь. Когда вновь обрела равновесие, злоумышленники были уже в десятке ярдов от нее и быстро удалялись. Клиент за руку тащил Паленого.

Каролина кинулась вдогонку, на бегу пытаясь набрать телефонный номер. Беглецы миновали карусель и припустили вдоль реки, все больше отрываясь. Мобильник выскользнул из руки, но Каролина не остановилась и только наддала, а эти двое проскочили через мостик над тихим речным рукавом и нырнули в парк.

Злоумышленники пересекли автостоянку, безлюдную игровую площадку и травянистым берегом устремились к грохочущему водопаду. Каролина хорошо знала эту часть парка и, срезав путь через рожицу, почти настигла беглецов у подножья холма. Припав на колени, она отточенным движением выхватила девятимиллиметровый кольт.

– Стоять! Полиция!

Окрик застиг их точно посередине висячего моста. Справа рокошущий

водопад, слева водный поток. До берега слишком далеко. Оба, по пояс окутанные водяной дымкой, медленно обернулись. Ишь как запыхались. Каролина стала приближаться, не отводя взгляда от клиента. Хитрая рожа, мертвые глаза. Не поворачивая головы, человек в хаки скосился на Паленого.

– Лечь! Мордой вниз! – За шумом водопада и басовитым ревом плотины электростанции в двухстах ярдах ниже по течению возглас Каролины прозвучал комариным писком.

Паленый медленно поднял руки. Напарник его не шелохнулся. Будто не замечая нацеленный в него пистолет, он выставил подбородок, темные глаза буравили Каролину.

Та остановилась. В этом взгляде было что-то странно знакомое, он точно спрашивал: *значит, вот так оно все обернулось?* Каролина заподозрила, что понимает не все и за этой ситуацией кроется нечто большее. В воздухе, подернутом водяным маревом, сгустилось напряжение. Как ни странно, даже за ревом воды Каролина слышала свое прерывистое дыхание.

– Ложись! – вновь крикнула она, поведя стволом.

Паленый кивнул и стал опускаться на четвереньки. В лице длинноволосого ничего не изменилось, когда он, ни секунды не колеблясь, ловко схватил напарника под мышки. Каролина поняла, что сейчас произойдет. Она вскрикнула, но вопль ее потонул в реве воды, а Паленый кубарем полетел в реку.

Каролина бросилась к перилам. Внизу ярились буруны в белых пенных шапках. Она задержала дыхание и глотнула воздуха, лишь когда Паленый возник из темной глубины. Течение потащило его к плотине на Монро-стрит. Человек в хаки бочком двинулся к берегу, словно неспешно покидал пикник. Глаза его, безмятежные и холодные, встретились с полными ужаса глазами Каролины. Человек остановился и лениво заглянул через перила, словно уверенный, что взгляд Каролины последует за его взглядом. Казалось, ему любопытен ее выбор в созданной им кошмарной альтернативе: арестовать преступника на мосту или попытаться спасти того, что в воде.

В жизни копа, говаривал Дюпри, случаются парадоксы, все переворачивающие вверх тормашками. Согласно одной из его многочисленных «теорий», в их работе то и дело возникают с виду нелепые ситуации, которые не имеют верного решения, ибо всякий отклик на абсурдное событие непременно абсурден. Типа смеха на похоронах. Или плача на свадьбе. После долгой службы в полиции уже не знаешь, когда

смеяться, а когда плакать.

Еще раз глянув на человека в хаки, Каролина выбрала Паленого, перескочила через ограждение и приземлилась на береговую насыпь, слишком крутую и каменистую для спасения на водах. Не теряя из виду парня, боровшегося с течением, она прикинула угол сноса и расстояние до бетонного водослива. Если малый не запаникует, есть шанс. Фокус в том, чтобы одолеть быстрое течение и выбраться на каменистый берег. И не смотреть на бешеный поток. Каролина представила себя на месте Паленого: через сотню ярдов бетонный край плотины, за которым пропасть. Она оглянулась, но человек в хаки уже исчез.

Вскарабкавшись по насыпи, Каролина выскочила на оживленную улицу. Лавируя между машинами, пересекла мостовую и бегом пустилась вокруг старой электростанции, ненадолго перекрывшей обзор реки. В голове мелькали сведения из досье, с которым она ознакомилась на утренней планерке. Нынешняя костюмированная облава была лишь частью крупной операции. Предполагались недолгая слежка и арест на сделке. Имя подозреваемого Кевин С. Хэтч. Кличка Паленый. Девятнадцать лет. Торгаш и сутенер. Длинный послужной список: кражи, грабежи, наркотики. В девятнадцать лет.

Каролина обогнула электростанцию и вновь увидела реку, но Паленого нигде не было. Она обшарила взглядом русло и наконец разглядела его выше по течению – парень вцепился в береговую каменную облицовку. Перепрыгивая через две ступеньки, Каролина ринулась по бетонной лестнице, вниз по насыпи. Задышавшись, выскочила на пандус рядом с плотиной.

В пятидесяти ярдах выше Паленый из последних сил цеплялся за шершавую стенку. Река пыталась его сдернуть, но он ногами от нее отбивался.

– Держись! – крикнула Каролина сквозь вой турбин и несмолкаемый грохот воды о бетонную грань водостока. Но Паленому не терпелось выбраться из холодной воды. – погоди! Я раздобуду веревку! – Каролина замахала руками, однако парень, не обращая на нее внимания, все карабкался по скользкой стене. – Слышишь?

Паленый был уже футах в трех над водой. И не удержался. Дрыгнул ногой, точно мотоцикл заводил, и, скребя ногтями по камню, вновь съехал в поток. На мгновение с головой ушел под воду, вынырнул, ненадолго вроде бы ухватился опять, но потом течение потащило его прочь от берега.

Каролина беспомощно огляделась – нет ли где веревки или хотя бы длинной палки. Ничего.

Она перелезла через цепочное ограждение и выбралась к железному пролету наподобие пожарной лестницы. Под гул турбин Каролина на карачках доползла до края мостка, футах в четырех зависшего над водой. Слишком высоко. Она села, пропустила последнюю перекладину под колени и, глубоко вдохнув, повисла вниз головой, словно акробат на трапеции.

От бешеного течения закружилась голова. Обдало брызгами. Каролина поборолла искушение подтянуться обратно на мосток. В тридцати ярдах от нее, в потоке, набиравшем скорость, барахтался Паленый. На мгновение она поймала его взгляд, полный отчаяния, и кивнула, подбадривая. Казалось, парень понял ее безумный план – принялся барахтаться, чтобы оказаться с нею вровень. Каролина задержала дыхание и крепче стиснула колени. Пенистые лапы реки обжигали лицо. Каролина вытянула руки, почти коснувшись пальцами воды.

Паленый, во власти стремнины, протянул руки Каролине навстречу. Второй раз за день она почувствовала, что не успевает осмыслить события. Весь мир окутался вихревой пеленой, и только сама она осталась в фокусе.

Рука Паленого шлепнула ее по ладони. Каролина сжала пальцы, качнулась, и одна нога ее сорвалась с перекладины. Течение уволокло Паленого к водостоку, а затем с пятидесятифутовой высоты швырнуло на бетонное дно плотины.

Каролина вскрикнула, но за ревом воды себя не услышала. Чужая рука чиркнула ее по ладони или почудилось? Повиснув на одной ноге, Каролина раскачивалась над потоком, что, подчиняясь притяжению, обрывавался в бездну.

– Что означает «благодать»? – Дюпри сощурился на солнце.

Спайви задумался.

– Приятность?

Дюпри закатил глаза и протянул стаканчик волонтеру который разносил кофе полицейским, искавшим тело Кевина Хэтча.

– Вслушайся: благо-дать. Дать благо. Хорошо, а «благополучие»?

Спайви опять задумался.

– Получить благо?

– Верно. Получить благо. Дать благо. Знаешь, в чем разница? – Дюпри отхлебнул кофе и сморщился. – Дать и получить. Понимаешь, к чему я клоню? Это моя теория. Все мы – фиксированные точки круга. – Он выплеснул кофе в траву на обочине. – Ну вот, скажем, парень выходит из дома, а проезжающий мимо бандит простреливает ему ногу. Парень – жертва, так? На другой день он находит и убивает бандита. Теперь он преступник. Еще через день дружок бандита приканчивает парня. Теперь он опять жертва. Жертва, преступник, жертва. Фиксированные точки круга. Спорю на что хочешь, *этому* в колледже не обучают.

Они зашагали к реке, где полицейские, пожарные, волонтеры, отряд «Следопытов» и несколько бойскаутов со сканерами обшаривали прибрежные кусты, ища утопленника. Дюпри считал это зряшным делом. Труп всплывет у какой-нибудь плотины ниже по течению, если не зацепится за камень или корягу. Теоретически утопленник мог миновать с десяток плотин, попасть в Колумбию и далее в Тихий океан. Следовало бы поставить эксперимент, полагал Дюпри, и оставить жмуриков в покое, чтобы посмотреть, как далеко они заплывут.

После того как Кевин Хэтч, он же Паленый, проскочил Каролину, его протащило через водосток, шмякнуло о дно плотины и выплюнуло в теряющую силу стремнину. Вода, под завязку наполнившая его тело, слилась с той, что, обстучав труп о пороги, вынесла его на прохладный тихий простор, окаймленный старыми домами, невозделанными полями и густым кустарником. Река степенно удалялась на северо-запад.

Поскольку смерть Паленого была насильственной, к делу подключили Дюпри и Спайви. Продравшись сквозь высокую траву и кусты, сыщики вышли на опушку у заводи – месту недавней ночевки бомжей, о чем уверенно свидетельствовали кострище, окурки и аккуратные кучки дерьма

на отшибе.

– Что характерно, утопленник выглядит паршиво, если его не выловили сразу. – Дюпри оглянулся – не записывает ли Спайви. Эта манера напарника весьма раздражала. Скажи Дюпри, что самая мягкая туалетная бумага в кафе «У Денни», и Спайви тотчас зачеркал бы в блокноте, словно полагался только на письменную информацию, но никак не на собственную память. – Хуже всего – вонь. И вздутие. Малоприятное зрелище. Уж поверь. Теряешь всякое уважение к человеческой плоти.

– Угу, – отозвался Спайви, подобным образом откликнувшись на всякую изреченную мудрость наставника.

Дюпри почесал затылок и глянул на реку:

– Ладно, я пройдусь вверх по течению, а ты осмотри Тихий океан.

Спайви кивнул и зашагал на запад.

– Шутка! – вслед ему крикнул Дюпри, но тот уже скрылся из виду. Странно, почему лейтенант так нахваливал парня.

Дюпри достал мобильник и набрал номер Каролины. Через четыре гудка включился автоответчик.

– Привет, вот решил узнать, как вы, – сбивчиво заговорил Дюпри, дождавшись сигнала. – Кстати, парень, которого вы пытались спасти... – Он замолчал и посмотрел на реку. – Знаете, полгода назад я его допрашивал по ограблению. Тот еще говнюк. – Дюпри закатил глаза – м-да, так себе утешение. – Я просто хотел сказать... вы молодец... правда... – Дюпри куснул губу. Ну не умеет он *утешать*! Особенно ее. Весь избыток чувств на виду. – Вы не в курсе, на какую наживку клюют утопшие наркодилеры? Чипсы «Дорито» или «шевроле» 78 года? – Сообщение явно затягивалось. – Ладно. Я подумал, может, вы что-нибудь скажете о мужике, который его спихнул. Похоже, это мой клиент. Ну пока, перезвоните. Когда сможете.

Домашний телефон Каролины тоже не ответил. Дав отбой, Дюпри задумчиво посмотрел на дисплей. Каролина все рассказала патрульному наряду и, по словам сержанта, уехала домой. Можно представить, как она себя чувствует. Все принимает близко к сердцу, а это плохо. Надо уметь отключаться, создавать буфер между собой и внешним миром. Сколько раз повторять-то?

Дюпри прошел вдоль берега, обнаружив новые следы пребывания бомжей и подростков. Похоже, народ приезжал сюда напиться, прибалдеть и втихаря потрахаться. Местечко выглядело отстойником всех городских пороков, стекавшихся из долины.

Услышав вопль, Дюпри резко обернулся.

Крик донесся от последнего водопада у плотины. Сначала Дюпри подумал, что кто-то нашел труп Кевина Хэтча. Однако Паленый не успел бы принять облик, вызывающий такой ужас. Маловато времени.

Дюпри рванул вдоль реки, на бегу доставая пистолет. На полянке он увидел девочку-следопыта, которая указывала пальцем на нечто, небрежно закиданное ветками. Сомневаться, что это, не приходилось. Не имея возможности оценить картину в целом, Дюпри сосредоточился на одной детали, которая тускло поблескивала, почти не отражая свет. Явно не монета и не пивная банка.

Кость.

Дюпри обошел застывшего следопыта и стал отбрасывать ветки. Кость оказалась частью руки, рука – частью разлагавшегося трупа. Пахло сильно, но не сногшибательно.

Сдерживая рвотный позыв, Дюпри веткой обмахнул песок со страшной находки. Открылись рука и часть торса, обтянутые потемневшей и сморщенной, полуистлевшей кожей. Дюпри включил рацию, но ничего не сказал. Понимая, что уничтожает следы, он все равно отбрасывал ветки, полнясь необъяснимым страхом, что сейчас опознает мертвеца.

Появилась маленькая, будто усохшая, голова. Лицо изъедено тленом, ломкие пучки волос. Женщина. Губы поджаты, словно от кислого, глаза ввалились. Дюпри почувствовал, как пересохло во рту. Вот что мужчины творят с женщинами. Сыщик отбросил последние ветки, окончательно загубив картину преступления. Он это понимал, но им владело безрассудное желание убедиться, что жертва не его дочь, племянница или жена. И не Каролина.

Вечером другой детектив доложит, что это труп проститутки и наркоманки Ребекки Беннетт, которую живой последний раз видели первого апреля, четыре недели назад. В розыск никто не подал, поскольку она могла вернуться в Сиэтл, или уехать в Лос-Анджелес, или выйти замуж, или стать пленницей инопланетян. Короче, пропажи никто не заметил. Как выяснилось, исчезновение шлюхи – вовсе

не трюк иллюзиониста. На досье могло значиться любое имя, ибо жизненные вехи покойницы и сотен других девушек ничем не различались: в одиннадцать лет изнасилована, в тринадцать замечена с наркотиками, в четырнадцать убежала из дома, в пятнадцать попала на краже; приемная семья, очередной побег, снова наркотики и опять кража. В двадцать два Ребекку Беннетт убили – придушили, а затем прострелили голову.

Сидя на корточках перед убитой, Дюпри невольно видел в ней близкого человека. Вроде Каролины.

– Прости, – шепнул он, глядя в изуродованное тленом лицо, и еле-еле сдержался, чтобы не отвести прядь с лица мертвой девушки. Потом отпихнул ветки подальше и заметил, что в кулаке убитой зажаты две свернутые двадцатидолларовые купюры.

Каролина вернулась в участок. Отключив телефон, поискала в картотеке человека в хаки. Пролистав страницы с фото белых сорокалетних мужчин и уставилась в окно. Время утратило счет. Каролина пошла в душевую и долго стояла под струями, набирая воду в пригоршню. Потом переделась в сухое и направилась в офис особого отдела. Сержант Лейн, стоявший возле ее кабинки, поспешно поставил на стол фотографию племянницы.

– Тело нашли? – спросила Каролина.

– Пока нет. – Грузный Лейн, все еще выряженный бизнесменом, устало опустил на стул. Помешкав, Каролина села напротив. – Но звонил Дюпри. Нашли труп девушки. Пролежал пару недель.

– Господи, ну и денек!

– Завтра берешь выходной?

– Нет. У нас еще дом на Шестой.

– Каролина... – начал Лейн, и она напряглась. Сержант никогда не называл ее по имени, только «Мейбри». – Тебе надо пройти курс профессиональных услуг.

Каролина усмехнулась. Местный эвфемизм обозначал психиатра. К суровой тетке-специалисту обращались алкоголики, которым светил принудительный отпуск, наркоманы на грани увольнения и те, кто избивал жен или из-за всякой ерунды устраивал кровавое побоище, проверяя водительские права.

– Это лишнее, сержант. – Каролина хотела почесать щеку, но вдруг смутилась и уронила руку.

– У тебя был тяжелый день, Каролина.

– Знаю, я изгадила облаву.

– Не в том дело.

Каролина внутренне собралась, шугнув рассеянность и проглотив злость. Взгляд ее стал совершенно спокоен.

– Ты пашешь шестьдесят часов в неделю, – сказал Лейн. – Меня взгрели за перенос твоих прошлогодних отгулов и больничных на нынешний год... В таком темпе ты уже к сорока заработаешь пенсию.

– Никто не просил переносить мои отгулы.

– Суть не в том. – Лейн вздохнул и пожевал губами, решив зайти с другого боку. – Моя святая обязанность следить за всем, что влияет на

работу моих подчиненных.

Каролина молчала.

– Ну вот если б ты, скажем, разводилась, я бы беспокоился и свел тебя с адвокатом. Или там случись перестрелка, личные неурядицы... – Лейн повел рукой, словно и так все было ясно.

На словах «личные неурядицы» Каролина вздрогнула, подумав о матери.

– Со мной ничего такого не происходит, – тихо сказала она. Уверенности в ее тоне не слышалось.

– Слава богу, нет. Но мы оба знаем, что будет, если не справишься со стрессом от нашей работы. Непросто быть единственной женщиной в особом отделе. Да еще матушка хворает. Вот я и подумал – может, тебе полегчает, если кому-нибудь выговоришься.

Каролина встала и отошла от стола.

– Это приказ? Мне пожаловаться в гильдию, что ли?

– Не надо. – Лейн выбрался из кабинки. Он как-то сник. – Не выдумывай. Я тебе не враг, Каролина. – Сержант улыбнулся и ушел в свой кабинет.

Каролина оглядела офис, разделенный на кабинки. К счастью, никого. Лейну хватило ума поговорить с глазу на глаз. Каролину еще потряхивало, когда она собрала портфель и направилась к выходу.

На улице Каролина вдохнула прохладный апрельский воздух. К зданию суда изредка подъезжали автомобили. Полицейский, доставивший пьяного водителя в участок, помахал ей рукой. Она кивнула. Патрульная машина заехала в тупик перед кутузкой. Каролина прошла к своей машине, села, но мотор не включила.

Домой не хотелось. Мало радости в одиночестве ждать Джоэла с работы, гадая, кто из subtilных студенток нынче вешается ему на шею. В бар, где он работал, тоже незачем ехать. Джоэл решит, что-то случилось.

А может, и впрямь случилось? Каролина припомнила слова Лейна. Мелькнуло кошмарное видение, парень в реке. В начале службы она еще пару дней приходила бы в себя. Как в тот раз со стрельбой.

Тогда она, как девчонка, выплакалась на груди у Дюпри. Но все равно не отпустило. Взяла неделю отпуска и пожалела, что не две. Не могла спать, то и дело вздрагивала, будто снова и снова возвращалась отдача девятимиллиметрового кольца. Дознание сожрало два месяца. В каждом вопросе слышался скрытый упрек: полицейскому-мужчине не понадобились бы «крайние меры», чтобы усмирить пьяного. Спрашивали, не подвергалась ли она изнасилованию (не подвергалась) и не была ли в

детстве ему свидетелем (не была). Мужика дважды арестовывали за избиение жены, в его досье значились и другие проступки помельче. В тот вечер он пришел домой пьяный, увидел, что ужин не накрыт, и стал гонять жену, вооружившись тупым хлебным ножом. Каролина первой приехала по вызову. Вошла через черный ход. Женщина лежала на кухонном полу, муж, нависнув над ней, бил ее и тыкал ножом. «Стоять!» – крикнула Каролина. Мужик завопил и ринулся к ней. Еще дважды она отдала приказ не двигаться, но мужик все пер. Пятясь, она вышла во двор. Там мужик бросился на нее, и она выстрелила, когда он пересек рубеж «смертельной зоны», как называли это полицейские. Считалось, если преступник подходит ближе двадцати футов, жизнь полицейского в опасности, хотя пьяный с тупым хлебным ножом вряд ли представлял собой смертельную угрозу. Всю ночь Каролина невидяще смотрела в стену, пытаясь вспомнить, осознанно или нет застрелила человека. В конце концов Дюпри убедил ее, что она поступила правильно, и удержал от рапорта на увольнение. Коллеги говорили нужные слова и были весьма участливы, но она чувствовала их сомнение. Хороший полицейский всегда сумеет разрядить ситуацию, грозящую бедой. Каролина же ее усугубила – запаниковала и убила пьяного, который даже не смог бы причинить ей вреда. Никто этого не говорил, но она знала, что все так думают.

Каролина запустила двигатель, решив, что узнает, куда ей нужно, когда приедет на место. И для начала свернула к «Лонгботаму», где работал Джоэл. Бар, занимавший первый этаж бывшей гостиницы горняков, превратился в этакий клуб. Его завсегдатаями были младшие партнеры юристов, заказывавшие здесь же сваренное пиво и смесь темного и светлого «Гиннеса», и студенты-пятикурсники, угощавшиеся коктейлями с мартини.

И еще копы. Молодые полицейские частенько захаживали в «Лонгботам», здесь-то Каролина и познакомилась с Джоэлом. Он стоял за стойкой, когда полтора года назад в компании сыщиков она заглянула сюда после наркорейда, изрядно снабдившего адреналином.

Немудрено, что такой мужик ей глянулся. На двенадцать лет моложе, рост шесть футов три дюйма, широкие покатые плечи и плоский живот пловца, короткие темные волосы и зеленые глаза с черной окантовкой по радужке. Теперь она все чаще сомневалась в его верности и пугалась этих глаз.

На первом свидании они говорили об отъезде из Спокана. Она ждала ответа из школы права, он – с рыболовного судна на Аляске. Тема отъезда возникала почти на всех ее прошлых свиданиях. Все либо вот-вот уезжали,

либо извинялись, что еще не уехали. Каролина тешилась надеждой, что то же самое происходит и в других местах, отмеченных в дорожном атласе полужирным шрифтом, – Дейтоне, Демойне, Декатуре, Спрингфилде, Стоктоне и всех городах с приставкой «форт». Оттуда нельзя не уехать, ибо там нет романтической искры, которая, как верила молодежь, уберезет от старости.

Так оно и тянулось. Все вокруг таскали тяжелые чемоданы, набитые оправданиями проволочки с отъездом. Отговорки Каролины были столь же неубедительны: «Уже хотела уехать, но встретила парня... Давно бы уехала, да вот мама хворает». Каролине стукнуло тридцать шесть. Почему же не уехала до того, как встретила Джоэла? Прежде чем заболела мать? Прежде чем застрелила дебошира? До Дюпри?

Каролина стояла перед баром с большими окнами. С улицы она видела Джоэла, который наливал пиво двум парням в бейсболках. Каролина оглядела стойку и обнаружила повод для беспокойства – стройную блондинку с осиной талией и в потертых джинсах. Девушка перегнулась через стойку и сквозь грохотавшую музыку что-то закричала Джоэлу в ухо. Интересно, что это за выпивка, которую нужно так долго заказывать?

Девушка якобы застенчиво пожалала плечами. Джоэл смешивал «Маргариту», гипнотизируя девушку взглядом, порождаящим у той глупые мысли. Может, предупредить ее? Сказать: вали отсюда, пока не поздно. Эти глаза врут.

Она отошла от окна и, глянув по сторонам, зашагала к своей машине.

Миновав городской центр и первый гребень Южного холма, Каролина припарковалась у больницы «Святое сердце». На входе показала бляху, охранник махнул: проходите. Лифтом поднялась в онкологическое отделение на седьмом этаже, переговорила с медсестрами. Похоже, ее присутствие и никчемный разговор их тяготили.

– Ночью она просыпалась, – сказала сестра. – Немного поела пудинга.

Пошли в конец коридора. Каролина смотрела прямо перед собой, чтобы не встретиться взглядом с пациентами в палатах. Бесшумно распахнулась дверь. Даже в сумраке Каролина видела, что мать лежит в той же позе, что и вчера, – на левом боку, чтобы подсохли пролежни на правом. В шесть утра сестры ее перевернут. А потом в шесть вечера. И так все время, каждые двенадцать часов. Получалось, с переменным успехом мать лечили только от пролежней.

Каролина поцеловала мать в сухую щеку, задев трубки капельниц. Тихо гудели машина, отмерявшая морфий, и кислородный аппарат. В каждой палате что-то жужжало и шуршало. Каролина глянула на табличку

с назначениями:

– Вы увеличили дозу морфия?

– Утром доктор велел, – ответила сестра.

– Как же ей быть в сознании, если она все время одурманена?

Сестра набычилась:

– У нее сильные боли.

– Да, конечно. Извините. Я не хотела... – Каролина откинула прядь, упавшую на лицо, и стиснула зубы.

– Если угодно, поговорите с врачом.

Каролина взяла мать за руку. Ввалившийся рот. Мешки под глазами. Дряблая кожа восьмидесятилетней старухи. А ей пятьдесят восемь. Каролина попыталась вспомнить мать другой. Вот она, закинув ногу на ногу, сидит за маленьким кухонным столом. Ироничная, худая, сильная. В руке неизменная чашка кофе. Будто ждет, чтобы мир ее чем-то развлек. Иначе зачем он нужен?

Наверное, той женщины больше нет, остались только ее оболочка, пролежни, боль. А так хотелось поделиться горестями, рассказать о сегодняшних передрягах. Все бы отдала, чтобы еще хоть раз услышать домашний мамин голос: «Дочка, боишься – не делай, делаешь – не бойся».

– Недолго осталось? – спросила Каролина, не глядя на сестру. Та не ответила. – У нее ужасно холодные руки.

– Слушайте, поговорите с доктором Белдиком.

– Пожалуйста, скажите.

Сестра потопталась на месте.

– У нее отказал кишечник. Иногда организм сам определяет порядок ухода...

Каролина кивнула, уже привычно впитывая слова, от саднящей безжалостности которых немели руки-ноги, но потом мука постепенно стихала, растворившись в крови.

– Спасибо, – сказала она.

Когда сестра ушла, Каролина подсела к матери и, прижав ее ледяную руку к губам, шепнула:

– Я с тобой.

В результате наблюдений Алан Дюпри сделал вывод: в жизни города периодически наступает черная полоса, словно все подонки благополучно отбыли поднадзорный срок и разом взялись за дело, отчего любая поножовщина заканчивается чьей-нибудь смертью, а всякая бытовая свара превращается в несуразное бедствие. Некоторые коллеги утешались тем, что всему виной полнолуние, жара и государственные субсидии. Полицейские аналитики изучали графики преступлений, словно синоптическую карту. Начальство видело корень зла в недостатке финансирования. Патрульные становились истово верующими. Сыщики превращались в циников.

Но Алан Дюпри вдоволь повидал эти скверные периоды и считал их вполне органичными и самодостаточными для бесконечного воспроизводства. Напрашивалась параллель со спортом, где после полосы удач шла серия ошибок и промахов. Такой этап. Спад. Период, когда причина становится следствием, оно превращается в причину, та опять в следствие, а невезенье порождает еще большее невезенье. И так до тех пор, пока все само собой не иссякнет, пока не стихнет злобный ветер. Со стороны эти пики и спады выглядели статистическим графиком: в этом месяце четыре убийства, в следующем ни одного – в среднем стандартные два душегубства в месяц. Но вот попробуйте втолковать бейсболисту, или баскетболисту, или игроку в кости, что никакой полосы нет. Убедите, что незримой силы, действующей против (или за) него, не существует, что один промах не влечет за собой другой и одно убийство не порождает новое, а существуют лишь среднестатистические величины.

Мысль эта озарила Дюпри в одиннадцать вечера, когда они со Спайви собрались на третье убийство за день. Для небольшого Спокана, где в плохой год случались двадцать убийств, три трупа за сутки были чем-то невероятным – ну как если б худосочный шорт-стоп в одной игре сорвал три хоум-рана. Правда, шлюху, найденную на берегу, убили не меньше двух недель назад.

Дюпри не терпелось поведать напарнику свою теорию полос. Раньше он всегда просвещал Каролину. Ему нравилось делиться обширными криминалистическими теориями познания. И пусть другие сыщики дразнили его «стойк-параноик», он считал важным не только обучить, но и просветить сосунков вроде Спайви.

– Есть вопросы? – спросил Дюпри.

– Да. Когда-нибудь пустите за руль?

Дюпри ответил коротким взглядом и завел мотор. Ехали молча. Дюпри свернул на Монро-стрит и пересек мост над плотиной, где утром сгинул наркодилер. Как бы Дюпри поступил на месте Каролины? Кинулся бы спасать парня или держал на мушке второго злодея? Может, подстрелил бы его – в ногу или еще куда? Так поступали телесериальные копы. Но за двадцать шесть лет службы Дюпри обнажал оружие всего раз тридцать и ни разу его не применил. И никогда не попадал в ситуацию, вынуждавшую стрелять по ногам. И потом, что это за стрельба? В полиции никто так не стреляет. Хошь не хошь, если уж открыл огонь, веди его до полной ликвидации угрозы – то есть мочи оппонента. Хреново, что Каролина оказалась в подобной ситуации. Вот он бы не мучился из-за неверного решения. А она – поди знай.

По федеральному шоссе Дюпри поехал на восток, мигалкой шугнул ползшую перед ним машину и тотчас разогнался до девяноста миль. На пассажирском сиденье Спайви ерзал, словно пес. Свернув во второй съезд, Дюпри запетлял по знакомым окрестностям. Еще бы не знакомым – за столько-то лет. Можно организовать экскурсионный тур по местам убийств, краж и всяческих извращений. Отставные копы в роли гидов. Его собственный маршрут не отличался бы от других: справа дом, где произошло изнасилование, слева ночной магазин, возле которого случилась авария со смертельным исходом, а вон в той халупе байкер прятал ворованные автодетали.

Нынешний дом, претендовавший на место в туре, был простеньким одноэтажным строением, окаймленным нестриженными кустами. На подъездной дорожке красовались две цветочные кадки, в палисадник втиснулся цветник, формой напоминавший почку. Патрульные растягивали заградительную ленту, пресс-секретарь сдерживал репортеров, высыпавших из фургонов.

Дюпри припарковался, пересек улицу и взошел на крыльцо, стукнувшись головой о кашпо в макраме. Аромат табачного дыма хлестнул, как оплеуха, и напомнил о власти затаенных желаний.

– Длинный денек, а? – сказал патрульный на крыльце. Он записал сыщиков в протокол места происшествия и посторонился, пропуская в дом.

Внутри уже работали эксперты в белых резиновых перчатках. За внешним равнодушием спецов скрывалась убежденность, что мертвецы – самая интересная часть их дела: законченная повесть, все улики налицо, читай не хочу. Кровавые брызги, колотые раны, трупные пятна. Все это

очень важно и без утайки поведает о луже крови из запекшейся раны в затылке.

Главное, покойники не ввали, не страдали забывчивостью, не выгораживали своих обидчиков. По-своему сотрудничали со следствием. Волокна ткани, ДНК-тесты и компьютерная база отпечатков – как подумаешь, от мертвых едва ли не больше пользы, чем от живых. Скажем, нынешний мертвяк – шестидесятилетний мужик с криминальным прошлым. Разве можно ждать правдивых показаний от старого говнюка, алкаша и уголовника? А вот отпечатки пальцев, кожные чешуйки под ногтями и следы на ковре воссоздадут картину преступления, как будто его сняли на видео, да еще получили признание убийцы.

Два детектива, два эксперта и помощник следователя ухмыльнулись, завидев Дюпри.

– Мужик отдал столько крови, что заслужил пончик и стакан сока, – сказал тот, ни к кому особо не обращаясь.

Дюпри осмотрел труп в луже загустевшей крови: за шестьдесят, жирный, лысина в седоватом венчике растрепанных волос, комбинезон.

– Чтобы замыть ковер, уйдет до черта содовой, – отметил он.

Комнату озаряли фотовспышки, эксперт надел коричневые бумажные пакеты на руки покойника – вдруг тот оцарапал убийцу? Улики частенько находили под ногтями проституток, которым погибнуть было так же легко, как иным попасть в дорожную пробку.

– Боже! Ублюдки отрезали ему руки! – воскликнул Дюпри, щелкнув по пакету.

На полу рядом с трупом и на журнальном столике лежали пронумерованные оранжевые таблички – метки возможных улик, пока числом восемнадцать. Капрал фотографировал кровавые потеки, глубокую вмятину в ковре, кровавый отпечаток пальца на столешнице, газовый ключ.

Дюпри схватил пластмассовый дорожный конус, помеченный табличкой:

– Мне все ясно, миссис Стэнхаус! Вашего мужа убил малютка-слаломист!

Спайви не выдержал. Сначала на каждую дурацкую шутку напарника он только фыркал, но теперь заржал и выронил жвачку Дюпри был доволен, когда удавалось кого-нибудь рассмешить, – разряжалась атмосфера. Потом он обычно смолкал. Спайви зажал рот, будто сдерживая рвоту, и кинулся к двери, на пороге чуть не врезавшись в старшего опергруппы Полларда, со своими очками в черной оправе и залезшими темными волосами походившего на битника шестидесятих годов.

Отпрянув от мычавшего парня, Поллард вопросительно взглянул на Дюпри. Тот пожал плечами.

Оба встали над трупом и дальше беседовали, точно автолюбители, которые не в силах оторвать взгляд от великолепной машины.

– Слышал про хрень на плотине? – спросил Поллард.

– Угу.

– Как там Каролина, не знаешь?

– Я пробовал дозвониться. Хахаль сказал, она спит.

– Тот же самый, что на Рождество был?

– Ага.

– Сколько ему лет?

– Не знаю. Двадцать два. Или девять. В этом районе.

– Она молодчина. Будь я женщиной, действовал бы так же.

Дюпри перевел взгляд на Полларда.

– В смысле, если б меня тянуло на мальчиков, то и я бы... Мужики-то всегда ищут кого помоложе. Ну, ты понимаешь.

– Тебя тянет на мальчиков?

– Да нет же... – Потоптавшись, Поллард сменил тему: – Бедняжка, у нее был нелегкий выбор.

– Оклемается. Она прошла хорошую школу.

– О да, твою. Надо же, как не везет человеку.

Дюпри легонько пнул труп:

– Соседи что-нибудь видели?

– Нынче его навестил племянник. Орали. Часов в девять племяш укатил на машине жертвы.

– Номер известен?

– Да. Номер, марка, модель. Все есть. Я тебя дернул, потому что один сосед сказал, что племянник был в брюках хаки.

– Иди ты? – Дюпри взгляделся в покойника.

– Не знаю, тот ли это мужик из парка, но описания схожи.

– А другие родичи дяди Жмурика? Кто-нибудь знает племянника?

– Выясняем. У жены Альцгеймер, она в богадельне. Кажется, еще есть сестра, живет в районе Залива, ищем.

Дюпри перелистывал фотоальбом.

– Я не спросил: кто сорвал банк?

Поллард кивнул на газовый ключ, помеченный табличкой. Эксперт присыпал ключ порошком.

– Брось! – Дюпри покачал головой. – Газовый ключ? Спайви, скотина!

Каждый декабрь на рождественской вечеринке восемь сыщиков

убойного отдела выбирали оружие – от бейсбольной биты до кольта, «узи» и всевозможных ножей – и потом при известии о всяком убийстве вносили по двадцать долларов. Угадавший орудие убийства забирал банк. Некоторые ставили на два-три вида оружия, и потому призовой фонд обычно был свыше двухсот баксов.

Оружие выбирали по старшинству – сначала ветераны отдела, потом новички. Салага Спайви глянул в список, в котором все мало-мальски вероятные орудия смерти были разобраны, и назвал «всевозможные тупые предметы», в точности изобразив манеру Ефрема Цимбалиста-младшего^[3]. И вот извольте: еще не закончился апрель, но уже произошло убийство лопатой, а теперь – газовым ключом. Невероятно. Из девяти убийств за четыре месяца Спайви сорвал куш в двух.

– Ну, что будем делать? Арестуем Спайви?

– Без вопросов, – ответил Поллард.

Прибыл замначальника отдела Джеймс Такер. Через год-другой шеф уходил на пенсию, и Такер появлялся на всяком происшествии, где ожидалось репортеры. Само собой, его прочили на должность начальника, хотя многие ветераны недолго любили уроженца Сан-Диего, предпочитая выходцев из тесного мирка местных копов.

– Что мы имеем? – спросил Такер.

– Тупой предмет, – известил Поллард.

– Спайви, зараза!

Отвернувшись, Дюпри искал в альбоме фотографию племянника, не особо рассчитывая на удачу. Но вот они, полосы и периоды. Если человек на мосту и убийца старика одно и то же лицо, значит, есть зацепка, дело сдвинулось и непременно будет раскрыто.

Ага, кажется повезло. На причале Сан-Франциско убитый был запечатлен вместе с кургузой теткой и, видимо, ее мужем, молодой черноволосой красавицей и нагло ухмылявшимся парнем лет тридцати пяти с однотонной, явно тюремной наколкой на предплечье. Дюпри вынул фотографию из альбома и спрятал в карман.

На улице разгулялся весенний ветер. Поставив ногу на бампер машины, Спайви ворковал со смазливой репортершей.

– Проводишь пресс-конференцию?

Спайви сдернул ногу с бампера и смущенно пробормотал:

– Мы просто болтаем.

– Ты рассказал о неонацистах?

Спайви выдавил беспечную улыбку:

– Он шутит. Вечные приколы.

– Черт, верно! – спохватился Дюпри. – Об этом нельзя говорить. Спасибо, что уберег от неприятностей, напарник.

Репортерша покосилась в блокнот, и сыщик заглянул в ее записи.

– Слухи о кастрации жертвы не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, – сказал он. – Лучше справьтесь у шефа.

Девушка беззвучно раскрыла рот.

– Покойнику вырезали сердце, но я вам ничего не говорил. Если что, я откажусь от своих слов.

– Не слушайте его! – взмолился Спайви. – Он валяет дурака!

Дюпри открыл дверцу и кивнул напарнику который нехотя забрался в машину С квартал ехали молча.

– Это некрасиво, – наконец сказал Спайви.

– Я предупреждал: без моего разрешения с репортерами не разговаривать. А я всегда скажу, что нельзя.

Спайви отвернулся к окошку. Казалось, машина едет сама собой – Дюпри пребывал в глубокой задумчивости. По мосту переехали на северный берег реки.

Дюпри опустил стекло и свернул в тихий район возле Корбин-парка. Сквозь кроны деревьев в палисадниках мигали фонари над крылечками, поливалки плевались водой, забрызганные тротуары сверкали, точно усыпанные битым стеклом. Дюпри ехал медленно, вдыхая аромат клумб и зарослей сирени. Парковый район ему нравился уже потому, что здесь не случалось серьезных преступлений. Было поздно, все дела откладывались на утро, но он хотел проехать мимо ее дома – может, еще не спит? Дюпри обогнул парк, и фары высветили ее машину на подъездной дорожке перед одноэтажным домом. В глубине дома горел свет – наверное, там ее спальня. Дюпри остановился, достал фотографию из альбома убитого и положил ее на руль. За темным венецианским окном представил Каролину.

– Чей это дом? – спросил Спайви.

– Что? Так... ничей, – помолчав, сказал Дюпри.

Каролина вздрогнула, когда свет фар мазнул по окну В темноте она сидела на кушетке и смотрела на улицу, дожидаясь, когда машина отчалит. Она знала, кто приехал. В ванной стих душ, потом скрипнула половица в коридоре, и теперь она, даже не глядя, знала, что на пороге появился Джоэл в трусах и полотенцем вытирает голову.

Каролина завидовала зрелым мужикам, беззастенчиво кадрившим молоденьких девушек, да еще изрекавшим глупости, типа «со временем мы подравняемся в возрасте». Она бы тоже хотела обманываться, но сознание назойливо напоминало: ему было шесть, когда она окончила школу; ему

было четыре, когда она потеряла девственность. Особенно подкашивала мысль, что ее первые месячные случились в год его рождения.

– Я очень виноват, Каролина.

Обернувшись, она улыбнулась:

– Да нет, ты ни при чем. Надо было выключить телефон.

– Черт меня дернул позвонить!

Каролина вновь посмотрела в окно: машина урчала на холостом ходу, лучи фар уперлись в поребрик.

– Кто-то подъехал? – Джоэл шагнул в комнату.

– Нет, случайная машина.

Вернувшись из больницы, Каролина затащила Джоэла в постель. Хотелось обо всем забыть и раствориться в похоти.

И не ворошить события дня. Было хорошо – неспешно и нежно. Она не чувствовала себя пленницей, как часто бывало в кольце его мощных рук.

– Ну я укладываюсь... – месте.

Джоэл топтался на

– Давай, – кивнула Каролина. – Я еще минутку посижу.

– Ты не сказала, как мама? – помешкав, спросил он.

– Хорошо.

– Ей лучше?

– Да.

– Здорово. – По стеночке Джоэл убрался в спальню.

Обхватив колени, Каролина смотрела в окно. Машина двинулась.

Дюпри еще раз оглянулся на дом и перевел взгляд на фотографию, с которой нагло ухмылялся татуированный парень. Казалось, он ничего не боится и все знает о внезапности смерти, женской уязвимости и хрупкости человеческой жизни. Сыщик представил Каролину на мосту лицом к лицу с этим парнем и почувствовал, что готов его убить.

Спайви покосился на снимок:

– Так мы его ищем?

Дюпри пристроил фотографию на приборную доску, включил скорость и тихо спросил ухмылявшегося мужика:

– Ну что? Это ты? Мы тебя ищем?

Ленни сидел в дядькиной машине, припаркованной напротив ломбарда. Наконец в пикапе подъехал хозяин, он отпер ворота и толкнул створки. Жирный мужик был в трениках и грязной белой футболке с блестящей лягушкой на груди. Ленни не понимал грязнуль. Они его бесили. Вот и Шелли, когда еще не торговала передком, шастала в том, что попало под руку. Иногда Ленни сам стирал ее шмотки, а она все равно напяливала заношенные крохотные шорты. Вот же есть чистые! Просто уму непостижимо.

Лавка называлась «Никелированные изделия», но выбор оружия в ней разочаровывал. Однако Ленни собирался чем-нибудь разжиться, хотя приехал совсем не за этим. Вчерашняя история в парке все изменила, загнав его в цейтнот.

Ленни вылез из «понтака» и, засунув руки в карманы штанов хаки, перешел улицу. Хозяин уже раздвинул решетку, отомкнул запоры и почти вошел внутрь, но Ленни выставил руку, не дав ему закрыть дверь.

– О господи! – Толстяк подскочил и схватился за сердце. – Я чуть не обделался! Разве можно так подкрадываться?

– Извини, – сказал Ленин, протискиваясь в лавку.

– Рановато пришел. Я откроюсь полдевятого.

Будто не слыша, Ленин прошел к витрине с охотничьими ножами. Может, лучше перо?

Хозяин посмотрел на часы:

– В восемь тридцать. Через двадцать минут.

– Ага. Ладно. – Опершись на витрину, Ленин разглядывал искусный охотничий нож с костяной рукояткой.

Толстяк накренил голову и усмехнулся:

– Ты тормоз, что ли?

– Нет. – Ленин молниеносно саданул локтем в стекло, тотчас избороздившееся огромной трещиной. Прежде чем хозяин опомнился, снова ударил, на сей раз пробив дыру. Потом на глазах опешившего толстяка вытащил осколки из рамы и взял нож.

Теперь хозяин его узнал:

– Ты заходил вчера... спрашивал насчет... как его...

– Насчет браслета. – Ленин спокойно взял у него ключи и запер входную дверь. Потом медленно вернулся, показал ломбардную квитанцию

и вновь отошел к витринам.

– Да-да, браслет. – Толстяк пытался сделать вид, что ничего не произошло. – Точно. Его заложила твоя знакомая цыпа.

– Верно. А ты не пожелал вернуть.

– Я же говорил, через какое-то время... только владелец может выкупить по закладной цене. —

Ломбардщик посмотрел на нож в руке Ленин. – Знаешь, для тебя я сделаю исключение.

– Спасибо.

Облегченно вздохнув, хозяин просеменил за конторку и стал копаться в ящике с украшениями. Потом взглянул на Ленин и выдавил улыбку:

– Наверное, переоформил... Сейчас вспомню.

– Он золотой.

– Точно, точно! – Ломбардщик открыл другой ящик.

– Ты дал ей десять баксов. Браслет стоит две сотни. Она была на мели.

Толстяк занервничал:

– Да, нехорошо вышло. Но она вроде как не шибко возмущалась.

Хозяин достал золотой браслет-цепочку. Увидев его, Ленин поморщился. Потом взял в руки и долго разглядывал.

Ломбардщик попятился к стене:

– Я тебя вспомнил. Мы говорили о тюряге. У тебя наколки... недавно откинулся.

– Пару месяцев назад. – Ленин не отрывал взгляд от браслета Шелли.

– Ну да, я спросил, как оно на воле, и ты сказал, что в крытку больше не вернешься. Понятное дело, говорю. Помнишь?

Изящная вещица разозлила Ленин. Как они, мать их за ногу, сцепляют крошечные звенья? Это ж какие руки надо иметь? Поди, не чета его граблям.

– Вот еще вспомнил! – не унимался толстяк. – Ты спрашивал про эту... ну, девицу, что сдала браслет.

Она шлюха, верно? Работала на черномазого, который в парке торгует наркотой. Ты его разыскал?

– Да. – Ленин отошел к витрине с пистолетами.

Воспрянувший хозяин все балаболит:

– Ну и как, забодяжил?

– М-да.

– Хорошая наркота? – обрадовался ломбардщик. – Прибалдел?

Ленин показал на девятимиллиметровый кольт:

– К этому есть патроны?

– Не-а. Боеприпасов не держу.

Ленин глянул на локоть и заметил, что длинный рукав черной футболки пропитался кровью. Он досадливо сморщился и, подскочив к конторке, полоснул ножом. Защищаясь, хозяин вскинул руки, и клинок рассек ему ладонь.

– Ладно, ладно! – завопил толстяк. – Патроны в нижнем ящике!

Открыв ящик, он выложил на прилавок полную обойму и две коробки патронов.

– Отопри витрину.

Хозяин помешкал, но потом здоровой рукой отер лоб и открыл застекленный шкаф. Ленин взял пистолет, взвесил его на руке, повертел и прицелился в окно.

Толстяк зажимал кровоточащую рану. Ленин вогнал обойму в пистолет и поднял на ломбардщика взгляд, в котором промелькнуло нечто сродни жалости.

– Слушай, а чего ты майку-то не постирнул? – спросил он.

– Что?

– Майка, говорю, грязная.

Толстяк себя оглядел и с трудом сглотнул:

– Цапнул из бельевой корзины. Я люблю эту майку.

Ленин сгреб браджет. В подсветке витрины вспыхнули золотые звенья.

– Меня уже грабили, – сказал ломбардщик. – Не бойся, я даже не пикну. Я сам полгода отмотал. За мухлеж с чеками. Так что я все понимаю. Не сомневайся.

Лицо Ленин пошло красными пятнами.

– Почему ты заплатил ей гроши? Не мог по-честному?

Толстяк молчал, разинув рот.

– А что еще было? Что ты заставил ее сделать?

– Ничего... – Хозяин поперхнулся.

– Встань на колени.

Ломбардщик обмер:

– Мы же вроде как сладились... Я думал, все путем...

– На колени.

– Слушай, прости за твою бабу.

Ленин шевельнул стволом, и хозяин медленно опустился на колени. Взгляд его обежал комнату, словно в поиске хоть какой-нибудь лазейки или помощи. Ленин видел, как дрожит неряха, на коленях такой маленький, и чувствовал, что его самого знобит. Может, не надо? Пострацать мужика – и хватит. Опа, квитанция так и осталась в кулаке. А мужику невдомек, что у

него подбородок ходит ходуном. О чем он сейчас думает? А каково было Шелли? Наверняка он о чем-то сожалеет и что-то хотел бы изменить. Да нет, это зрелые мысли, а у сморчка сейчас одно детское желание – прижаться к мамочке или спрятаться под кровать. Про животное говорят: отмучилось. Наверное, в этом что-то есть. Жизнь – сплошное паскудство. И какая разница, хорошо ты поступаешь или плохо. Всякая жизнь когда-нибудь закончится.

Ленни поднял пистолет. Толстяк зажмурился и закрыл руками лицо.
– Господи! – взвыл он. – Что с тобой вчера стряслось-то?

– Это он.

Дюпри взял Каролину за плечо и подровнял тонкую пачку листов – на каждом шесть фотографий анфас и в профиль:

– Гляньте еще разок. Чтоб наверняка.

– Излишне. Это он.

– Поблажьте мне, – улыбнулся Дюпри.

Каролина просмотрела все распечатки и вновь отобрала второй лист. Потом щелкнула по фото и оттолкнулась от стола:

– Номер четыре, точно.

– Правильно, – сказал Спайви.

– Это не экзамен, – буркнул Дюпри.

Каролина отвела взгляд от снимков:

– Четвертый номер.

В углу допросной Спайви завозился со своей новой игрушкой – диктофоном, недавно заменившим всегдашний блокнот:

– Двадцать девятое апреля. Оpozнание по фото. В четвертом номере детектив Мейбри опознала человека, который двадцать восьмого апреля сбросил с моста Кевина Хэтча по прозвищу...

Дюпри стиснул ему пальцы, заставив отключить диктофон.

– Не надо, – сказал он. – Не смей людей.

Спайви вышел из комнаты, что-то бормоча в микрофон.

– Вы уж извините. – Дюпри собрал распечатки и сел рядом с Каролиной, взглядом сверлившей дырку в столешнице. – Идею запустить мартышек в космос похерили, видимо, не зря.

Каролина забрала у него снимки:

– Волосы чуть длиннее, но это он. Глаза... Как его зовут?

– Ленин Райан. Только что отмотал пятерик. Сидел в Ломпоке, Калифорния. Тяжкие телесные, кража, хранение с целью сбыта. Мелочевка. Вышел пару месяцев назад. Слинял из Окленда, где был на УДО. Никто не знал, что он здесь, пока малый не взялся учить нырянию.

Каролина разглядывала снимок.

– Значит, здесь его родня?

– Пока нам известен лишь дядюшка Газовый Ключ. Мы всего час назад узнали от матери имя парня. После отсидки она его не видела.

– И он явился купить наркоту и угнать дядькин старый «пontiак»?

Глупо. – Каролина подняла отпечаток, рассматривая глаза человека на снимке. – Тогда зачем он приехал?

– Кто его знает. Такой может объявиться без всякого повода.

– Какой – такой?

– Он как волчок.

– Что?

– Вы слишком молоды, не застали волчков. Кругляш на ножке. Наматываешь веревочку, дергаешь, и он кружится. – Неужто он не поведал ей теорию волчка? Четыре недели со Спайви вновь пробудили в Дюпри педагога. – Так и этот малый: дернешь за веревочку – он маленько покружится, потом его начнет мотать, и он либо свалится со стола, либо во что-нибудь уткнется. В кружение юлы нет разума и логики.

– По-вашему, я дернула за веревочку? – усмехнулась Каролина.

– Нет, не вы. – Дюпри пожалел, что затронул тему. – Облава. Малый только что освободился, а его берут на сделке с наркотой. Он не хочет опять на нары и швыряет подельника в реку, чтобы удрать. Бац, вот вам волчок.

– Избегая ареста за мелочевку, он совершает тяжкое преступление? Какой в этом смысл?

– О том и речь. Волчок не ищет смысла. Только кружится.

– И что, мы просто подождем, когда он остановится?

Этот вопрос Дюпри рассмотрел не так пристально, как морщины у нее на лбу.

– Как ваша мама? – помолчав, спросил он.

– Хорошо.

– Ей лучше?

– Да.

– Славно. Я рад.

Каролина снова взглянула на фото. Казалось, она запоминает каждую черточку Ленин Райана: узкий лоб, густые светлые волосы, темные брови, перекошенный рот. Каролина протянула снимок Дюпри:

– От меня еще что-нибудь нужно?

– Нет. Пожалуй, это все. Что у вас на сегодня?

– В десять облава в Ист-Сентрал. Берем поставщика Паленого.

– Маскарад?

Каролина рассмеялась:

– Без меня. Мое место в фургоне. В ближайшее время меня вряд ли допустят к костюмированным операциям.

– Наверное. – Дюпри поерзал, не зная, как заговорить о том, что его сильно тревожило. – Похоже, вы маленько... Как себя чувствуете?

– Лейн советует показаться специалисту. Я пригрозила жалобой в гильдию, и он дал деру.

Дюпри кивнул и встал, засунув руки в карманы. Может быть, поза выразит то, о чем не получалось сказать, как-нибудь передаст его чувства, не повергнув ее в панику. А паника вполне возможна, если угадать его мысли.

– Обратиться к специалисту совсем не зазорно. Вы ведь понимаете, да? Вдруг поможет.

– Знаете, вам и впрямь пора уходить, – сказала Каролина.

Дюпри улыбнулся ее резкости. Она молодец, а он рассиропился от ее дразнящей близости. Бывало, он разглядывал кусочек ее тела – изгиб бедра, линию голени, затылок – и боялся за послушание своих рук, мечтая, чтоб они его предали. Одного прикосновения к ней было бы довольно, говорил он себе, понимая, что на этом не остановится.

В допросной, узкой длинной комнате, не было ни окон, ни киношного двустороннего зеркала – только стол, дверь и стены, угнетавшие опасным обещанием интима. Дюпри прокашлялся и взял фото Ленин Райана:

– Вот он какой, тренер по плаванию для моих ребяташек.

Каролина улыбнулась. Ее тоже влекло к нему, и она отстранилась, перебирая обычные отговорки: он женат, легкомыслен, костляв, циничен и слишком стар. Последнее заставило усмехнуться над собственным лицемерием. Дюпри старше ее на двенадцать лет – та же разница, что между ней и Джоэлом. Лишь однажды, пятнадцать лет назад в колледже, она встречалась с мужчиной гораздо старше себя. Смешно: тот тридцатилетний преподаватель английской литературы, тощий, почти как Дюпри, казался ей глубоким стариком, а сейчас она на шесть лет старше его. Он соблазнил ее по всем правилам, если такие правила существуют для мужчины, который после любви на матрасе в заваленной книгами комнате цитирует Неруду, притворяется, будто внимает каждому ее слову, и по-мальчишески неумел и рьян в постели. Для старшекурсницы, изучавшей уголовное право, поэзия Неруды была приятным отвлечением («Так я ступаю по твоей пылающей плоти»^[4]), но сразили ее бутылка вина и стихотворение Уоллеса Стивенса «Властитель сласти»^[5], последние строки которого и сейчас звучали в голове, пробиваясь сквозь чувство вины, шум водопада и горести работы: «Пусть “быть” будет финалом напасти. Единственный царь – властитель сласти». Преподаватель стал говорить об экзистенциальном смысле строки, выражавшей триумф мига над шансом, материального над абстрактным, сласти над смертью, но Каролина уже

решила с ним переспать и взять двойную специализацию – поэзию и уголовное право.

Каролина задумалась о своей прошлой влюбленности и нынешнем увлечении. Они кое-что говорят о девочке, чей отец ушел из семьи. Тяга к зрелому состоявшемуся мужчине нездорова по своей сути. Смесь отца и любовника не сулила ничего хорошего – по крайней мере, мужчине: утрата былой мощи, седина, все большее самообольщение, а в случае с Дюпри еще и защитный панцирь, выросший за долгие годы.

Шум в коридоре обоих вывел из задумчивости. Каролина встала:

– Пожалуй, я...

– Да, вас ждет облава в наркопритоне.

С видом парочки, наскоро перепихнувшейся в обеденный перерыв, они бочком вошли в убойный отдел, где царил суматоха. Поллард уже натянул пиджак, сгреб со стола блокнот и ручку и двинул к двери. Дюпри и Каролина отступили к картотеке, вытянувшейся вдоль стены.

– Что происходит? – спросил Дюпри.

– Мальый ограбил ломбард и пристрелил хозяина, – объяснил Поллард.

– Господи! – Дюпри покачал головой. – Выходит, четверо за сутки?

Идем на рекорд.

– Пока нет. Хозяин жив.

– Серьезно?

Поллард кивнул:

– Только не спрашивай, как ему это удалось. Мужик схлопотал пулю в голову, его нашли через час.

Каролина шагнула к выходу.

– Ну, увидимся, – вслед ей сказал Дюпри.

– Ага, – ответила она. – Пока.

Проводив ее взглядом, Дюпри глубоко вздохнул и растер лицо. Неоспоримый факт: когда случались подобные заварухи, их тянуло друг к другу еще сильнее. Наверное, это происходило со всеми копами. Профессия толкала к адюльтерам, и особенно с тех пор, как в семидесятые-восьмидесятые женщин стали брать на полицейскую службу. Чем хуже ситуация, чем дольше смены, чем больше адреналина, тем вероятнее, что какая-нибудь парочка переплетется прямо на полу в надежде на разрядку и исцеление. А ситуацию хуже нынешней, полосу чернее даже не вспомнить.

– Кстати, – сказал Поллард, – если мужик окочурится, ты сорвешь банк.

– Что? – обернулся Дюпри.

Поллард криво усмехнулся – левый уголок рта съехал вниз, левая

бровь настолько же взлетела:

– Мужик из ломбарда. Стреляли из девятки. Твоя ставка, верно?

Дюпри вспомнил рождественскую вечеринку – он еще удивился, что никто не захватил девятимиллиметровый кольт. Ребята ржали, мол, теперь он сам всех замочит из табельного оружия. Шутка не показалась смешной. На этих вечеринках ему не удавалось так напиться, чтобы лотерея предстала забавной.

Поллард все стоял, ждал ответной остроты. Но так и не дождался.

В трусах и некогда белой футболке Тормоз Джей навис над журнальным столиком и затянулся из стеклянного кальяна. Когда доза стала иссякать, он сдернул мундштук и присосался прямо к трубке. Затем поставил чашку в кальян, откинулся на кушетке и выпустил клуб дыма.

– Глаза продрал и сразу закосел. Плохо, что ли?

Дуло оторвался от тарелки с хлопьями:

– На кой тебе эта фигня?

– Сам не знаю, – ответил Тормоз Джей, – ностальгия. – Освобождая себе место, он сбросил коробку из-под пиццы на замусоренный пол.

В комнату вошла Катрина – только что заплетенные косички уже растрепались.

– Джей, чтоб тебя, ты им займешься или как?

Тормоз прислушался к сиплону скулежу в спальне:

– Ага, только сейчас я маленько занят. Может, ты...

– Соси банан. Твоя обязанность. Я за сигаретами.

Катрина вышла на улицу. Тормоз проводил ее взглядом, посмотрел на Дуло и закатил глаза.

В открытую входную дверь просунулся парень лет за тридцать – длинные патлы, линиялые джинсы, черная майка, рюкзак и новенькие кроссовки.

– Здорово, братан. – Он взмахнул рукой. – Чем потчуеть сегодня?

Тормоз Джей и Дуло уставились на него.

– Опять, что ли? – ухмыльнулся Джей.

– Ага, – сказал парень. – Чё у тебя есть-то?

– А что, вчерашнюю дозу уже высадил? У тебя, знать, железные легкие.

– Понимаешь, тусовка была.

Тормоз и Дуло переглянулись.

– Ты получал приглашение, Дуло?

Тот угрюмо покачал головой.

– Может, надо глянуть? – сказал Тормоз Джей.

– Точно. Сгоняю домой – проверю почту.

– Да ладно тебе, братан. – Парень с рюкзаком вскинул руки.

– Прилаживай горбатого к стенке, – ответил Тормоз Джей. – Собираешь тусовку на мой товар, а меня не зовешь. Дерьмово, кореш.

В фургоне Каролина проверила застежку кобуры. Из динамика донесся голос Геррати: «Я так затор-чал – думал, вы тоже пришли».

Сержант Лейн поморщился, глянул на Каролину и четырех оперативников. Каролина пожала плечами – мол, нашелся, молодец. После короткой паузы в динамике раздался смех Тормоза и Дула. Обычно прослушку вел один оперативник, но Лейн, гадая, не пора ли начинать захват, совсем извелся и включил громкую связь.

«Заторчал?» – переспросил голос постарше. Осведомитель донес Геррати, что это «Тормоз Джей» Прингл, портлендский байкер, на дому торговавший крэком и метамфетамином. Мет не удивлял, байкеры промышляли им уже лет сорок. Спокан – город мета. А вот крэк – нечто новенькое. Геррати был убежден, что Тормоз Джей – поставщик Паленого. Предполагалось, что Паленый сдаст Джея, того придавят и выйдут на его источник. Когда все вокруг торгуют метом, отследить крэк достаточно просто, а Тормоз Джей, похоже, единственный, у кого его навалом.

«Заторчал, значит? – послышался голос Джея. – Я ж говорил, братан, товар первоклассный. Клево торкнуло, да?»

Фоном слышался хриплый собачий скулеж. Скрючившись, Каролина сидела на полу фургона. Поерзала. Хоть бы скорее войти в дом, повязать этих придурков, и тогда можно съездить к матери. Как там сказала медсестра? Организм сам определяет порядок ухода.

«Так есть чего-нибудь?»

Что с громкой связью, что без нее, сержант Лейн весь издергался. Еще один повод поскорее все закончить. После каждой реплики из динамика сержант оглядывал оперативников, пытаясь по их отклику оценить ситуацию.

«Слушай, паря, ты в натуре дымоход!»

Второй объект, о котором, кроме клички, Геррати ничего не выяснил, одобрительно заржал и повторил: «...в натуре дымоход».

В фургоне напряжение нарастало с каждым скрипом и кашлем, перемежавшимися отдаленным неумолчным скулежом.

– Господи, – сказал Солаита. На переднем сиденье он в бинокль наблюдал за домом. – Нет чтоб выпустить несчастную собаку.

В динамике стукнула входная сетчатая дверь. Солаита поднял палец и коснулся груди – знак, что вернулась женщина, выходявшая из дома.

«Что за дела, Джей?» – спросил женский голос.

«А как ты думаешь? Торгуем помаленьку».

Повисла тишина, потом женщина нервно засмеялась.

«Можно тебя на минутку, Джей?»

В фургоне всё поняли. Сержант Лейн глянул на оперативников в черном облачении и бронезиловках и в микрофон гарнитуры отдал приказ выдвигаться четырем патрульным машинам, стоявшим наготове.

«В минутку ты не уложишься», – ответил Джей.

Девушка не выдержала:

«Ты мудака, Джей. Он же легавый!».

– Зараза! – Сержант Лейн вскочил и ткнул водителя в спину. Врубив скорость, тот рванул с парковки.

Цепляясь за легенду, Геррати наиграл возмущение:

«Это кто, я легавый?»

Девушка рассмеялась:

«Полгода назад ты меня арестовывал. Уволился, что ли?»

«Всем лечь! – заорал Геррати. – Мордой в пол!»

Фургон пролетел по переулку, свернул и выскочил на жухлый газон перед домом. Каролина тотчас поняла, что увидит картину, знакомую по прежним облавам: топчан на веранде, простыни в роли штор, обшарпанные стены в облупившейся краске, истлевшая серая дранка крыши.

Задняя дверца фургона распахнулась, оперативники бросились к веранде. Перепрыгнув через две ступеньки крыльца, Каролина влетела в дом третьей. Геррати уже повалил Джея на брюхо и, упершись коленом ему в спину, орал:

– Руки в стороны! В стороны, я сказал!

Солаита то же самое проделал с Дулом, чей ошалелый взгляд говорил о первом знакомстве с процедурой.

Девушка, понаторевшая в подобных мероприятиях, лежала на полу, сцепив руки на затылке. Каролина оставила ее на попечение оперативников и двинулась по загаженному дому. Перешагнула через мусорную кучу в прихожей и прошла в ванную с явно отключенным водопроводом. Ей уже доводилось видеть жилища, где обитатели, доверху загадив унитаза, испражнялись в душевой поддон. Зажав ладонью рот, Каролина попятилась в коридор.

– В ванной никого, – сказала она в микрофон и продолжила обход.

Скулеж стал громче. Собака ныла в спальне.

На кухонном столе сковородка с застывшими макаронами в сыре, огрызки сэндвичей, упаковки от чипсов, пивные банки. Подгузник.

– В кухне чисто, – передала Каролина.

Задней веранде, располагавшейся сразу за кухней, отвели роль спальни и столовой. Еще не коснувшись разболтанной дверной ручки, Каролина ужаснулась. Явственный плач и безошибочный запах подсказали, что она

увидит, переступив порог.

Гольый шестимесячный младенец, осипший от крика, лежал на боку, просунув руку сквозь прутья кровати. Запах мгновенно уведомил, что обкакался он давно. Кто-то скотчем приклеил пустышку к его рту, но малыш ее отодрал, и теперь она болталась у его щеки. Плач ребенка походил на бесперебойный шорох иглы на отыгравшей пластинке. Малыш уже никого не звал. Он просто не умел издавать иных звуков.

Каролина метнулась в кухню и сдернула со стула чью-то фланелевую рубашку. Потом достала малыша из зловонной, насквозь промокшей кровати и завернула в импровизированную пеленку. Ребенок был не тяжелее сумочки. И, похоже, не заметил, что его взяли на руки.

Каролина осторожно отлепила пустышку от его щеки, прижала ребенка к груди и стала покачивать, но он все плакал. Через кухню и коридор Каролина видела бронезилеты оперативников, утихомиривавших Тормоза Джея, Дуло и девицу. Хотела кому-нибудь сообщить о своей находке, но будто онемела. Малыш уронил голову ей на плечо – не приник, не брыкался, просто уронил голову. Каролина слышала собственное дыхание, отдававшееся в висках.

От вони зажав нос, сержант Лейн прошел через кухню. Он слегка опешил, увидев фланелевый сверток в руках Каролины, но потом все понял и, сдернув с носа очки, прищипнул переносицу Разжав дрожащую руку, Каролина показала скотч и пустышку

– Я свяжусь с СЗД, – шепнул сержант.

Пока Лейн звонил в службу защиты детей, Каролина искала бутылочку В одном шкафчике были только крошки чипсов и два почерневших банана, в другом пачка риса и фотоальбом. Никакого детского питания. Бутылочка обнаружилась в холодильнике, но пустая – молочные разводы на стенках, старая потрескавшаяся соска.

Скулеж не стихал, и тогда Каролина сунула малышу в рот мизинец, как делала невестка, угомоняя Челси. Малыш стал сосать палец – чмок-чмок, передохнет и снова принимается. Вскоре он умолк, а через минуту заснул.

Осторожно, чтобы его не разбудить, Каролина прошла в гостиную. Увидев ее ношу, оперативники притихли – вспомнили скулившую собаку. Шел допрос, задержанные ничком лежали на полу. Сбросив тряпье с кушетки, Каролина уложила ребенка и заменила заскорузлую фланелевую рубашку мягкой футболкой. Малыш почувствовал, что Каролина куда-то делась, вновь тихонько заплакал и протянул к ней скрюченные пальчики.

Тормоз Джей услышал плач и приподнял голову:

– Эй, чё тебе надо от моего пацана?

Каролина не помнила, как оказалась в углу комнаты. Одной рукой она ухватила Джея за скованные запястья, другой вцепилась ему в волосы и рывком вздернула на ноги. От боли Тормоза аж перекосило, и он завопил, балансируя на пятках. Каролина заломила ему руки и со всей силы шмякнула мордой о камин. Ноги Тормоза подломились, он рухнул. В кулаке у Каролины остался клочок курчавых каштановых волос.

Сержант Лейн и патрульный оттащили ее и пихнули к двери. Каролина тупо смотрела на волосы в своей руке, ее качало. Ребенок вновь тоненько заскулил. Каролина выронила клочок и глянула на Джея – лицо в крови, но живой.

Чьи-то руки подтолкнули ее в спину, Каролина очутилась на веранде. Она привалилась к стене и сползла на пол, вслушиваясь в надсадный младенческий плач.

Когда в тот же день Дюпри вызвали на реку, он сперва подумал, что рыбацкая лодка все же наткнулась на раздувшийся труп Кевина Хэтча. Но пока он ехал от плотины до Мирной долины, лейтенант Бранч по мобильнику обрисовал ситуацию, и Дюпри понял: произошло нечто иное, теоретически возможное, но доселе не встречавшееся – редкое природное явление (этакий криминальный эквивалент черной дыры), одновременно подтверждавшее и принижавшее его хитроумный вывод о самодостаточном зле, обитавшем в периодах света и тьмы.

– Вас интересует мое мнение? – спросил лейтенант Бранч. – Я думаю, нам привалило заполнить маньяка.

Новый труп обнаружили в той же самой промоине, где днем раньше нашли Ребекку Беннетт. Эксперты допоздна исследовали место преступления и отбыли уже за полночь, лентой огородив участок и известив патрульных. Но когда на другой день Крис Лейрд, старший группы, прибыл на место, на том же самом пятачке в той же позе лежал труп другой женщины, точно так же закиданный ветками. Как будто убийца разозлился, что полицейские потревожили могилу, и восстановил статус-кво. Наглость его обескураживала. Это ж каким надо быть хладнокровным душегубом, чтобы вернуться на место преступления, где идет расследование, и подбросить второй труп.

– Да уж, неделька выдалась... – начал Дюпри.

– ...потрясная, – за него договорил лейтенант Бранч. – Накопилось столько отгулов – осенью некому будет работать.

Но Дюпри размышлял о другом: за два дня четыре необъяснимых убийства – пять, если ломбардщик не выживет. Он думал о критической массе, черных дырах и зонах такой плотности и гравитации, что они обрушиваются в самое себя, свертывают время и пространство, изменяют физические законы и создают собственную энергию. Люди склонны воспринимать насилие как отклонение, нечто дурное, противоестественное. Но что может быть естественнее насилия? И как всякий закон природы, оно достигает крайнего состояния, в котором само себя поддерживает, набирает вес, плотность и скорость, закручиваясь в самое себя.

Дюпри оставил Спайви в участке – мол, по телетайпу надо разослать описание Ленин Райана. По правде, напарник уже бесил. Дюпри знал туповатых копов, но еще не встречал такого непонимания иронии.

Паркуясь на берегу рядом с машиной Лейрда, Дюпри хотел поведать Бранчу свою теорию черных дыр, но потом отказался от этой бессмысленной затеи.

– Ладно, я на месте, – сказал он в телефон. – Что от меня требуется?

– Возглавить группу.

Готовясь к запаху, Дюпри мазнул под носом ментоловым кремом:

– Я думал, дело ведет Лейрд.

Возникла пауза – Бранч явно размышлял, как бы поделикатнее указать на всем известную некомпетентность Лейрда, и наконец разродился:

– Может так случиться, что делом займутся все.

– Хорошо. – Дюпри дал отбой и, шагая по хрустким веткам, прошел к опушке, где давеча следопытка обнаружила Ребекку Беннетт.

День выдался жарче вчерашнего, почти восемьдесят^[6], – удивительно для апреля на тихоокеанском Северо-Западе. Весеннее половодье затопило берег, и деревья, доверчиво полагавшие себя в безопасности, теперь стояли в воде.

На опушке, по периметру огороженной полицейской лентой, детективы и эксперты изучали каждую щепку и кусок коры, с разных ракурсов щелкали камерами, просеивали землю и песок. Площадка напоминала шахматную доску – натянутые шнуры разбивали ее на квадраты, фиксировавшие точное место каждой находки. Опушку облюбовали бомжи, и потому здесь было полно мусора – пустых бутылок и всяческих упаковок. Все это сфотографируют, занесут в протокол, руками в перчатках уложат в отдельные пакеты, запечатают и снабдят биркой с кратким описанием. Ясное дело, мусор этот черт-те откуда. Со всех улик снимут отпечатки пальцев всякого рода бомжей, которым не хватило бы духу и возможностей подбросить новый труп. Нет, тут действовал кто-то другой. У него машина и связь со шлюхами, он увидел телерепортаж о происшествии, выбрал новую жертву, убил ее и привез туда же, куда и первую.

Убийца связан со шлюхами. У него есть транспорт, и он знал, что сыщики покинули место происшествия. Возможно, живет неподалеку, видел отъезд полицейских. Или таксист. Или коп.

Неуклюже перешагивая через шнуры, к Дюпри поспешал толстозадый Лейрд, смахивавший на шестифутовую кеглю.

– А ведь я предупреждал: не вырвешь корешки – мертвяки опять прорастут, – сказал Дюпри, подныривая под оградительную ленту.

Шнуры, натянутые на уровне коленей, делили площадку на ряды в три фута шириной. Эксперты фотографировали общий вид места

преступления, потом каждый сектор в отдельности. Они исследовали каждый квадратный ярд, перебирали мусор, осматривали кусты на предмет недавно сломанных веток, искали следы и отпечатки на траве, просеивали землю. Два местных агента ФБР, солдафоны, которых Дюпри окрестил Гомером и Пайлом^[7], держались точно богатые кузены среди бедных родственников, высокомерно предлагая воспользоваться их лазерами и компьютерной базой данных.

Лейрд отвел Дюпри в сторонку
– Зрелище скверное, – сказал он.

Дюпри бросил взгляд на труп. Блондинка, а первая жертва темноволосая. Скопище опарышей – значит, убита относительно недавно. Во всем прочем жуткое сходство со вчерашним случаем. Труп притулился в том же овражке, забросан теми же ветками. Дюпри передернуло, и он посмотрел на реку – мол, надо проверить, не оттуда ли прибыл убийца. Несколько раз коротко выдохнул, прокашлялся. Накатило знакомое желание сграбастать Дебби и детей – укрыть их, защитить.

– Что говорят патрульные? – спросил Дюпри. Вышло хрипло и пискляво.

– Машина проезжала тут каждый час, – ответил Лейрд. – Наверное, труп скинули между проверками.

Дюпри кивнул и вновь огляделся, стараясь не встречаться взглядом с говнюками из ФБР, которые отдавали приказы экспертам и вели себя так, словно они здесь главные. Однако что-то в них раздражало больше обычного.

– Эти уже достали? – спросил Дюпри.

– Да нет, но какие-то они дерганые. Похоже, ждут аналитика.

– А, знатока прошлогоднего снега. – Чтобы не видеть труп, Дюпри отвернулся к дороге. – Обочину на отпечатки проверил?

– Черт. – Лейрд зажмурился. – Забыл совсем.

– Не суетись. – Дюпри отдышался и обвел взглядом периметр. – Я посмотрю.

Лейрд повернулся к трупу:

– Думаешь, кто-то косит под серийного убийцу?

Дюпри собрался с духом и подошел к мертвой девушке, калачиком свернувшейся на берегу. На виду только макушка и босая ступня, тело забросано сучьями и ветками. Дюпри надел перчатку, нагнулся и стал отбрасывать ветки.

– Алан, может, пусть лучше эксперты...

Дюпри осторожно откидывал по одной ветке. Открылось правое

плечо, потом запястье и, наконец, то, что он хотел увидеть, – кисть. Дюпри попятился. В кулаке покойница держала две двадцатидолларовые купюры. Точно бумажные цветы. Как Ребекка Беннетт. Дюпри и Лейрд молчали и лишь так и эдак поворачивали головы, словно в музее рассматривали произведение искусства, отдавая должное простоте замысла и смелости творца. Дюпри то ли пискнул, то ли вздохнул. Лейрд кивнул.

– Чтоб меня, – сказал он.

Опасливо перешагивая через шнуры, подошли агенты ФБР. Встали рядом, было видно, что они взбудоражены.

– В наших краях оказался парень из Куантико, – сказал долговязый агент, которого Дюпри окрестил Пайлом. – Аналитик.

– Думаете, его рук дело?

Агент будто не услышал:

– Ваш лейтенант просил нас порыться в базе данных.

В Куантико отдел поведенческого анализа отслеживал серийные убийства по всей стране, изучая сходство мотивов и улик. Сейчас четверо мужчин не отрывали глаз от покойницы, словно чего-то от нее ждали.

Наконец агент, которого Дюпри обозвал Гомером, отвернулся:

– Невероятно. Город сбрендил.

Вспоминая два последних дня, Дюпри представил этакую волну: до поры она невидима, но от ее приближения уже дыбятся волоски на загривке. Волна поднимает ветер, который сливается с другими ветрами, превращает ручьи в речные потоки, выходящие из берегов. Набирает скорость, обретает гребень, удваивает, а потом утраивает свою плотность и гравитацию, вращается все быстрее. Водоворот. Черная дыра. По гипотезе, через черную дыру попадаешь на другой край Вселенной. Дюпри представил себя на краю громадной воронки, нескончаемо извергающей трупы.

Он прошел за границы площадки, разглядывая всякий отпечаток, всякую впадину и сосновую заросль. Этот участок реки был всего в паре миль от города и Прибрежного парка, но не особо посещаем. Естественная пойма избежала застройки и стала местом, где потягивали пиво старшекласники, ночевали бомжи и загорали стареющие хиппи. О близости города свидетельствовал только мусор, и вот его-то Дюпри и исследовал, аккуратно складывая в пакеты из-под сэндвичей бутылки, коробки, окурки и прочую хоть что-нибудь обещавшую дрянь.

Агенты ФБР, поджидавшие своего криминалиста, буквально сияли. Ну еще бы, серийный убийца гораздо привлекательнее наширявшихся грабителей банков и тупоголовых неонацистов. Парочка деловито

щурилась в полевые компьютеры и высокотехнологичную экспертную технику, лазерами размечала площадку, которую полицейские, точно неандертальские сыскари, исполосовали шнурами. То и дело Гомер и Пайл болтали по сотовым телефонам, их лица покраснелись, выдавая такое понятное и такое гадкое возбуждение от расследования убийства.

В отличие от жужжавших агентов Дюпри все больше скисал. Он посмотрел, как проводники с собаками обследуют берег, ища улики. Или новые трупы. Раз уж убийца облюбовал здешние места, вполне возможно, что он припрятал еще кого-то.

Однако Дюпри оказался не готов к знакомой сладковатой гнилостной вони, которую учуял за речной излучиной ярдах в трехстах. Ищейка обнюхивала бугор из земли и веток, так похожий на два прежних, что Дюпри не сдержал стога. Проводник Фарли, славный нескладеха, почесывал собаку за ухом и прятал глаза, словно разделяя вину за страшную находку.

Дюпри подошел ближе, откинул пару веток, раз-другой смахнул землю и, увидев сухую почерневшую плоть, все понял. Попятившись, позвонил лейтенанту – давайте сюда следственную бригаду Фарли смотрел в пустоту, пес лапой царапал бугор.

– Убери собаку к чертовой матери! – Дюпри сам подивился резкости своего тона.

Фарли безмолвно оттащил пса и повел его к реке. Тот поводит носом, вынюхивая новые трупы. Напоследок Фарли оглянулся, и Дюпри дернул плечом – мол, извини.

Он разглядывал бугор – скорее вежу, нежели укрытие. Кто-то оставил метку, чтобы снова сюда вернуться. Дюпри вдруг пожалел, что знаний у него маловато, и позавидовал агентам ФБР. Поиск серийных убийц – особое дело, отличное от рутинной сыскной работы. Дюпри бывал на бесчисленных следовательских семинарах и конференциях, но предпочитал игнорировать болтовню о портрете, почерке, модели поведения сексуального маньяка и прочих аспектах серийного убийства. Все это казалось шаманством, далеким от интуиции и здравого смысла, на которые полагался он, коп-практик. А теперь жалел, что многое прохлопал.

Солнце ныряло за холмы, полицейские установили прожектора и запустили генератор. Эксперты и оперативники перебрались на новую площадку, Дюпри помог им растянуть заградительную ленту. Когда бугор сфотографировали и обмерили, встал на колени и стал по одной отбрасывать ветки. Потом отступил и кивком подозвал капрала с видеокамерой. В разложившейся руке лежали две двадцатки, резинкой

прихваченные к ладони.

Попятившись, Дюпри присел на корточки. Девушка была крохотная. Тотчас пришла мысль о дочери. Светло живот. Дюпри отвернулся и, свесив голову, устался в землю, укрытую ковром из дурман-травы.

Спайви тронул его за плечо:

– Как вы?

Стало лучше, когда он убрал руку. Дюпри глубоко вдохнул, помотал головой и встал:

– Аллергия.

Спайви ушел к реке. Сквозь густые заросли кустов Дюпри продирался к дороге. Голова кружилась, в груди теснило, как при клаустрофобии. Ветки кололи и цеплялись за одежду, досада перетекала в отчаяние и панику, но вот наконец он выбрался на обочину. Вниз по реке полицейские ограничивали запретную зону, растянувшуюся на две мили вдоль берега.

Выше по течению устроили штаб – сейчас там, наверное, замначальника Такер и Бранч, который ждет регулярных рапортов. Дюпри пошел обратно. Дыхание выровнялось, нервы успокоились. Он отер испарину с верхней губы, но капли тотчас выступили снова. За штабом выстроились фургоны телевизионщиков, тарелки спутниковых антенн смотрели на город.

В штабе вяло шла неуклюжая борьба за разграничение полномочий между ФБР и полицией – обе конторы «вызвались» отвечать за определенные направления работы, а окружной шериф отмечал участки, не входящие в городскую территорию. С обнаружением третьего трупа беспрестанно прибывали полицейские, в форме и штатском. Дюпри высматривал Каролину и, не найдя ее, облегченно выдохнул (только этого ей не хватало) и расстроился. Чего скрывать, хотелось ее увидеть.

Солнце село, от земли потянуло прохладой, словно апрельское тепло всего лишь подразнило. Оперативники расхватывали нарезанную пиццу и пластиковые стаканчики с кофе, под светом прожекторов строй машин и фургонов вдоль дороги выглядел сюрреалистической картиной. Под брезентовым навесом лейтенант Бранч и замначальника Такер склонились над картой места происшествия. Они уже решили, что проведут здесь всю ночь, и тут к ним подошел высокий мускулистый человек в облегающем, вязанном рубчиком свитере. Ламинированная карточка, удостоверявшая принадлежность к ФБР, болталась у него на шее, точно коровий колокольчик. Дюпри где-то его видел. Наверное, по телику.

Такер кинулся пожимать руку незнакомцу:

– Спасибо, что приехали, Джефф. – Он взглянул на Дюпри: – Алан,

познакомься – спецагент по надзору Джеффри Макдэниэл, отдел поддержки расследований ФБР.

Теперь Макдэниэл выглядел старше, чем на первый взгляд, – седые виски, впалый живот. Он чавкал жвачкой и смотрел не в глаза, а на ухо собеседника. Не дождавшись ответа от Дюпри, Макдэниэл стиснул его ладонь в цепком рукопожатии.

– Из Куантико, – сказал он.

– Точно, – откликнулся Дюпри. – Австралийская авиалиния.

Макдэниэл даже не моргнул:

– Куантико, Вирджиния. Отдел поведенческого анализа.

– Ага, теперь гораздо понятнее.

Макдэниэл разжал хватку и зашагал к первому труп. Следом потянулись полицейские, словно адъютанты главнокомандующего на поле брани.

– Нам несказанно повезло, – через плечо шепнул Такер. – Джефф работал в Портленде и согласился завернуть к нам на небольшую консультацию. Небывалый случай.

– Вот уж счастье привалило, – ответил Дюпри.

Макдэниэл оглядел труп, словно прикидывая размер доски, задал пару вопросов – время? идентифицирована? – но сам ничего не сказал. Обошел труп, разглядывая его с разных точек. Потом отвернулся и поводит руками, будто воспроизводя какие-то движения. Он себя вел, как актер перед выходом на сцену, и все, включая Дюпри, ждали начала спектакля.

– Жертву убили в другом месте, – сказал Макдэниэл. – И притащили сюда. Огнестрельные раны вторичны, подстраховка. Ногти обломаны – возможно, в потасовке, но скорее всего для сокрытия улики.

Агент ФБР смолк, сел на пригорок и стал жевать травинку.

Дюпри переводил взгляд с Лейрда на лейтенанта. Что за дела? Вот этого они ждали весь день? Обломанных ногтей? Спайви робко подошел к Макдэниэлу. Казалось, он хочет попросить автограф.

– Вы полагаете, деньги – знак, что убиты шлюхи?

Макдэниэл кивнул, не поднимая взгляд:

– Сообщение, что они заслужили смерть.

– Точно, точно, – обрадовался Спайви. – Я тоже так думаю. Ух ты. Здорово. – Носком ботинка он поковырял землю. – Знаете, я раз десять, наверное, прочел вашу книгу.

Наконец Макдэниэл заинтересовался и посмотрел на него.

– То дело в Детройте...

– Кухонный убийца. – Макдэниэл вроде как даже улыбнулся.

– Потрясающе. Его страсть к наручникам и всякому такому. И тот случай в Форт-Уэрте. И Тихоокеанский Убийца. Круто.

Макдэниэл встал и ожег его взглядом:

– Это книга Блантона.

– Что? – Спайви сник.

– Тихоокеанский Убийца – из книги Кёртиса Блантона. Этот говнюк завязал с работой и заколачивает деньгу байками о *наших* старых делах, да еще в Голливуде консультирует паршивые полицейские киношки. – Макдэниэл отвернулся к реке. – А я вот к вам мотаюсь.

Спайви стоял как побитый.

Терпение Дюпри лопнуло. Он выбрался на берег и зашагал к Мирной долине. Три улицы района бежали параллельно реке, и народ обменивал слухи на страхи, переговариваясь через палисадные изгороди и топчась на межах между обшитыми досками домами. Теперь все видели новый смысл в незнакомых машинах, проскочивших через округу, вспоминали «увальня», доставлявшего газеты, подозрительные автомобильные выхлопы и старикана, конфетами заманивавшего ребятишек в свой дом.

Самые неугомонные зеваки подходили к заградительной ленте и приподнимались на цыпочки, точно публика на турнире по гольфу. Дюпри невольно прислушивался к голосам из толпы. Народ сравнивал все известные ему преступления, пересказывал телесериалы, которые всякого превращали в эксперта по серийным убийствам, и с дрожью в голосе вспоминал вой сирен.

– Угрохали шлюх, делов-то, – донесся женский голос.

Дюпри взгляделся в толпу. Его затрясло от злости. Разобрать, кто это сказал, не удалось. Может, вообще послышалось. Может, это в нем говорили усталость и раздражение. Либо он сам так думал. Под жадными взглядами он почувствовал себя беззащитным и одиноким. Казалось, он один против всего мира, который состоит сплошь из преступников.

Дюпри всматривался в лица и не видел ничего необычного. Однако разыскал капрала Галатту и велел сфотографировать зевак – вдруг среди них затесался убийца.

Накатила усталость, было трудно сосредоточиться. Дюпри глянул на часы. Без малого полночь.

Снова видеть спесивого федерала не хотелось. Дюпри позвонил лейтенанту Бранчу, мол, он берет первый перерыв за день – съездит домой принять душ и переодеться.

Борясь с сонливостью, Дюпри въехал на холм к югу от реки и, остановившись перед своим домом, еще минуту посидел в машине. Потом

вылез, подобрал перчатку из детского бейсбола и толкнул незапертую входную дверь. Дебби что, нарочно не запирает дверь, когда его нет дома? Чтоб позлить?

В столовой жена сидела на высоком табурете и читала журнал. Увидев его, сняла очки и грустно улыбнулась. Дюпри улыбнулся в ответ. Ее длинные черные волосы, собранные в конский хвост, падали на плечо, и Алан все еще видел в ней прежнюю девушку, несмотря на расплывшееся морщинистое лицо.

– Ты не заперла дверь, – сказал он.

Дебби кивнула:

– А ты пропустил сеанс.

Два месяца назад они стали ходить к семейному психологу. Надеясь избежать депрессии, поглотившей ее мать, Дебби уже два года посещала психотерапевта и решила, что разлад, подкрадывавшийся к ее браку, требует стороннего вмешательства. Но Дюпри пропустил два из трех сеансов, и сейчас его накрыло волной жениного недовольства.

– Сумасшедший день, – сказал он.

Дебби пожала плечами:

– Я видела новости. Ты сделал что мог.

Стало еще хуже.

– Что читаешь? – спросил Дюпри. Сам он читать не любил, но обожал ее пересказы прочитанного.

Дебби показала ему журнал – что-то о викторианских домах. Она всегда мечтала о таком доме вместо нынешней одноэтажной постройки.

– Как ты себя чувствуешь?

– Устал. – По стене Дюпри сполз на корточки. – Дебби, мне правда жаль...

– Все в порядке, Алан. – Она так произнесла его имя, словно легонько пнула.

Дюпри направился в спальню, на ходу раздеваясь.

– Как все прошло у Стейси?

– Она что-то оставила на столе.

Сначала Дюпри заглянул к одиннадцатилетнему Марку: сын завернулся в одеяло с логотипами Национальной футбольной лиги, волосы – точно ворох соломы. Шестилетняя Стейси во сне открыла рот, цветастый джемпер и белые сандалики аккуратно приготовлены в изножье кровати. Дюпри постоял в дверях и пошел в ванную.

Привалившись к стенке душа, он подставил спину под холодные струи. Закрыв глаза и тотчас увидел руки, ступни, почерневшую плоть и

ветки, не полностью прикрывавшие трупы, словно убийца *хотел* оставить их на виду, *хотел*, чтобы заметили деньги в их руках.

Речной берег неотступно маячил перед глазами. Дюпри открыл рот, желая выполоскать вкус и запах сорной травы, становища бомжей и гниющей плоти.

Он замер под ледяными струями, а потом резко очнулся и весь напрягся, как бывает после секундного провального сна за рулем или рабочим столом. Дюпри встряхнулся, точно пес. Выйдя из ванной, он ничуть не удивился, что высокий табурет пуст, а свет в спальне погашен.

Каролина ожидала от смерти большего. Может, под влиянием щемящей музыки из какого-то кинофильма, или детского воспоминания о погребальной службе, или клубка тревог в подсознании она всегда думала, что смерти сопутствует нечто вещественное, некое осязаемое ощущение, которым можно поделиться с теми, кто видел долгое медленное умирание, – ну да, конечно, я помню смерть. Когда душа покидает тело, должно *что-то* произойти – ну, там, дуновение, легкость или внезапная оглушенность.

В кабинете сержанта Лейна Каролина получала выволочку за инцидент с Тормозом Джем, грозивший отстранением от должности, и тут ей пришло сообщение из больницы. Она перезвонила и, соединившись с лечащим врачом, услышала то, что уже слышала от медсестры. Организм матери изработался, функции его отмирают.

Сержант помрачнел и принял понимающий вид. Он знать не знал, что дело так худо, он переговорит с начальством и объяснит ее срыв состоянием матери. Каролина кивнула. И, к своему удивлению, согласилась, когда Лейн предложил подбросить ее в больницу на служебной машине.

В палате врач теребил губу и, глядя мимо Каролины, подбирая слова, как отмычки к замку:

– Я говорил с вашей матерью... о том... какое лечение... она хотела бы... получить... на этой стадии...

– Я знаю, – сказала Каролина. – Она попросила все отменить.

Врач кивнул и так же осторожно продолжил:

– Если хотите... можно попробовать... перевезти ее домой... и обеспечить уход... как в хосписе.

– На это есть время?

– За последние два дня... она резко сдала. – Впервые врач посмотрел Каролине в глаза. – Пожалуй, что... нет.

Каролина оглянулась на неподвижную мать. Врач похлопал Каролину по руке и вышел в коридор.

Каролина откинулась в кресле, вбирая в себя святость больничной палаты: стерильность, при

глушенный свет, закрытая дверь. Медсестры перевернули мать на спину, уже не заботясь о пролежнях, с которыми боролись последний

месяц. Они отключили кислородный аппарат и даже морфийную капельницу. Впервые за долгое время мать лежала сама по себе и хрипло, прерывисто дышала, словно захлебываясь пылью. Склонившись над кроватью, Каролина взяла мамино лицо в ладони и прижалась лбом к ее лбу, почувствовала ее дыхание. Четыре дня назад, когда мать впала в забытие – теперь уже ясно, что навсегда, – Каролину переполняли невысказанные слова. Сейчас они будто испарились. Хотелось просто лечь рядом и ощутить все то, что делало мать матерью, – ее плоть, юмор и обаяние, тепло коленей. Последний этап болезни не оставлял времени на жалость к себе – Каролина лишь сострадала матери и желала хоть чем-то облегчить ее муку. Но теперь, представив жизнь без этого человека, себе Каролина сочувствовала больше.

Может быть, мать уже ушла, оставив после себя лишь механическое дыхание и угасающие рефлексы. А может быть, она еще здесь и грезит о посиделках на веранде: в руках у нее чашка кофе и роман, дочь пристроилась рядом и, скрывая улыбку, укоряет ее за злыязыкие пересуды.

– Я люблю тебя, мам, – чуть слышно прошептала Каролина и, выпустив мамино лицо, вновь откинулась в кресле. Пожалуй, все остальное уже сказано. Что толку в квелом славословии и мгновеньях взаимопонимания? Чего они стоят? Может, слова ничего не значат и, едва произнесенные, растворяются в небытии.

Врач сказал, еще сутки, может, чуть больше. Привычка жить поддержит самый хилый организм. Пятьдесят восемь лет он дышал, циркулировал, мыслил, его не выключишь, словно тумблер. Все может растянуться на дни – организм соберется с силами и вновь потащит ношу в гору. А может, остались часы. Каролина решила, что в любом случае не уйдет до конца. Она свернулась в кресле и, тихонько покачиваясь, взяла мать за руку

Каролина перепугалась, что заснула, нырнула в сонное марево, но сама не понимала, открыты у нее глаза или закрыты. Наверное, если понимаешь, что спишь, ты уже не спишь. Она ничего не видела и не слышала, но, может, и нечего видеть и слышать. Она поискала мамину ладонь, открыла глаза и, увидев руку, безвольно свесившуюся с кровати, поняла, что мамы больше нет.

На секунду показалось, что ее обманули, – вокруг ничего не изменилось, никакая прозрачная тень не взмыла в воздух. Мать просто умерла. Каролина вышла в коридор. Глянула на часы. Полтретьего ночи. Измотанная, она проспала шесть часов. Сестры на посту не было. Каролина сняла трубку и набрала междугородный номер.

– Кхм. Алло, – ответил сонный женский голос. Мачеха.

– Рамона? Отец дома?

– Каролина?

– Отец дома? Я обещала ему позвонить.

– Хорошо. Сейчас.

Шепот, шорох простыней.

– Каролина? – Отец прокашлялся.

– Она умерла, папа. – И вот тогда хлынули слезы. Каролина давилась безудержными рыданиями, и их отголоски, скакавшие по устланным дорожками коридорам, привлекли медсестру.

– Каролина, – пискнул отцовский голос в трубке, ходившей ходуном. – Ты меня слышишь?

Каролина отдала трубку сестре, села на пол, закрыла руками голову и зажмурилась, содрогаясь в рыданиях. Медсестра что-то сказала отцу, повесила трубку и помогла Каролине подняться. Они прошли в конец коридора и шагнули на балкон, смотревший на город. Так и стояли, пока Каролина не справилась со слезами и глубоко не вдохнула.

– Надо позвонить брату, – сказала она.

– Потом. Успеется.

Каролина кивнула.

– Я вызову врача, – сказала медсестра. – Он должен взглянуть на вашу маму.

– Можно я здесь постою?

Сестра разрешила. Перегнувшись через перила, Каролина смотрела в темноту. Ветер холодил лицо, чуть обжигая глаза, еще мокрые от слез. Жидкий ручеек машин тек по шоссе и улицам, народ расходился из баров, волочась под руку с незнакомцами или бросая якорь под окнами бывших возлюбленных. В половине третьего ночи всякое движение – это поток отчаяния.

За шоссе виднелась река – шов, прорезавший город. Огибая остров Канада и Прибрежный парк, минуя водопады и плотину, река, извиваясь, медленно текла на запад. Где-то там Паленый, подумала Каролина, вспомнив, как на долю секунды соприкоснулись их руки. Она посмотрела на ладонь и сжала кулак. Странно, что мальчишка-наркоторговец не дает ей покоя. Если б она так же спасала мать. Вновь подступили слезы; уже тихие, они скатывались по щекам и капали на перила.

И вот тогда Каролина поняла: у смерти все же есть особенность, которую прежде она не замечала. Нечто привычное, ты ежедневно улавливаешь это во взглядах незнакомцев, в одиноких прогулках у реки и

минутах покоя. Понимание того, что в конечном счете ты уходишь
одиноким, сколько бы людей тебя ни окружало.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Тереза Мари Мейбри

Родилась 9 августа 1942 г.

Скончалась 30 апреля 2001 г.

Любимая мать и друг

«Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся.

Вдруг, во мгновение ока... и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся».

1-е Коринфянам, 15:51–52

Закрытая погребальная церемония. Без поминок.

Часть вторая
Май. Шахматная партия

Кресло, трон из потемневшего дуба в кожаной обивке, выглядело даже внушительнее его хозяйки – полной темноволосой белой женщины, которая, постукивая ручкой по оправе бифокальных очков, изучала заполненный Каролиной формуляр. В конце каждой страницы Вики Юинг взглядывала поверх очков, а затем утыкалась в следующий лист.

– Вы не заполнили графу «Экстренные контакты».

Каролина посмотрела на пустую строчку и подумала о матери. Еще мелькнула мысль о Дюпри.

– У меня есть мужчина. Джоэл Беланджер, – сказала она. – Адрес тот же.

Доктор Юинг вписала имя и, сняв очки, взглянула на Каролину:

– Вы также не заполнили целый раздел, в котором предлагается описать вашу проблему... ваши тревоги....

Каролина встала, взяла со стеллажа медицинский справочник в мягкой обложке и осмотрела расхлябанный корешок:

– Похоже, вы сюда заглядываете.

– Бывает. Мы говорили о вашей проблеме.

– По-моему, нет никакой проблемы.

– Прекрасно. Значит, выдался легкий день. Но поскольку у нас еще сорок минут, может, поговорим о том, почему вы здесь?

На секунду Каролина задумалась.

– Я здесь, потому что мой сержант считает, что женщина не способна справиться с гнетом детективной работы.

– А вы способны?

– Я шваркнула парня мордой о камин. Наверное, зря.

– Это было в прошлом месяце? В тот день умерла ваша мать?

Каролина кивнула:

– Три недели назад. Что это за кресло такое?

Доктор Юинг поерзала на кожаном сиденье:

– Отец страшно обрадовался, что в семье есть врач. Я бы избавилась от подарка, но боюсь – вдруг отец заглянет.

Каролина посмотрела в справочник, открывшийся на странице о kleptomании. Потом оглядела кабинет и усмехнулась:

– Профессиональные услуги. Забавно. Кто-нибудь приходит разобраться с налогами? Или удалить бородавку?

Доктор Юинг улыбнулась:

– Нет.

– Значит, единственная услуга – вправка мозгов. Но это лишь одна услуга. Может, вернее назваться «Профессиональная услуга»?

– Я консультирую правоохранительные учреждения: поведение преступника, психологические

травмы жертв... Бывает, подхалтуриваю вправкой мозгов. Выходит, множественные услуги. Ладно, будет вам. Сядьте.

Каролина села, и тут вдруг оказалось, что сеанс не такая уж тягомотина, а докторша – забавная, славная тетка. Они поговорили об ужасном апреле. Инцидент с Тормозом Джем доставил немало хлопот: тот заявил, что после «изуверства» у него упало зрение и возникли головокружения. Газетчикам полицейское начальство сказала, что «подозреваемый зацепился за детектива», но адвокат Джея грозил иском к городской администрации. Прокурор предложил сделку: никаких исков, и тогда он снимет обвинение в сбыте наркотиков. К счастью для Каролины, прокурор отказался снять обвинение в жестоком обращении с ребенком, и потому Тормоз Джей все равно получит срок.

Каролину отстранили от работы на неделю, которая так и так ушла бы на горестные хлопоты и траур, и записали в ее личном деле, что она нарушила «правила применения силы». Каролина предполагала, что если бы не смерть матери, ее бы просто вышибли из полиции. Но, по чести, мамина кончина и жестокость к Джею не имели ничего общего.

– Вы правда так думаете? – спросила доктор Юинг.

Каролину вдруг одолела сонливость. За эти три недели она не могла уснуть больше чем на час или два, словно все еще пыталась застать маму в момент ухода.

– Не знаю, – наконец сказала Каролина. – Будь это кто другой, я бы, наверное, согласилась, что связи нет. Но тогда я думала лишь о том, как эта сволочь измывается над ребенком. И просто хотела ему врезать.

– У вас есть дети?

– Нет.

– Вы упомянули мужчину...

– Он немного моложе меня, однако в сыновья не годится.

Доктор Юинг рассмеялась:

– Я не об этом. Насколько он моложе?

– Не понимаю, как это связано с моей психикой.

– На пять лет?

Каролина пожала плечами и улыбнулась в пол.

– На десять?

– Хорошо. Ему шесть лет. Он первоклашка.

Доктор Юинг глянула на часы и добродушно усмехнулась:

– Мы перебрали пять минут. О вашем мужчине поговорим в следующий раз.

– Будет следующий раз?

– Вы не хотите?

– Если мне собираются платить за то, что я прихожу к вам и мы болтаем о своем, о девичьем, – что ж, прекрасно. Но если честно, я не понимаю, какой в этом прок. Вы только не обижайтесь...

– Нет, конечно нет.

– ...но мне это не нужно. У меня был тяжелый месяц на работе и умерла мама. Вот и все. Конец истории. Хотите знать, обижена ли я на отца, который бросил мать? Разумеется. Переживаю ли, что годы уходят, и у меня, может, никогда не будет мужа и детей? Ежедневно. Осатанела ли я от облав на молокососов с наркотой? Вы даже не представляете, как я осатанела. Но только чокнутой все это было бы по барабану. Вы согласны?

Долгую минуту доктор Юинг смотрела на нее, чуть улыбаясь.

– Вы набросились на арестованного, который был в наручниках и лежал на полу. Ударили его головой о каменный камин. Полицейский не должен так поступать.

– Всякое бывает.

Помолчали. Доктор Юинг встала:

– Потерпите, Каролина. Иногда нужно два сеанса, чтобы вправить хорошие мозги.

С учетом города Кёр-д'Ален в Айдахо, университетских городков Чейни и Пуллман на юге и поселка Дир-Парк на севере население Большого Спокана достигало 450 000 человек. Если допустить, что половина из них – женщины, оставалось 225 000 мужчин, и половине из них от шестнадцати до пятидесяти пяти – возраст, подходящий для серийного убийцы.

Дюпри предъявил блокнот Полларду и Спайви:

– То есть у нас 112 500 подозреваемых.

Поллард посмотрел на цифры как на творение сумасшедшего, но Спайви тотчас стал переписывать их в свой блокнот. Дюпри повернул страницу, чтоб Спайви было удобнее.

– Уточню, – сказал Поллард. – Ты собираешься допросить сто тысяч человек?

– Нет. Просто говорю, что в городе такого масштаба это реально.

– Вон как.

– Может, «реально» – не точное слово. Однако наша нынешняя тактика ничуть не лучше. Уже три недели проверяем телефонные наводки и перебираем протоколы опросов. Пропади оно пропадом. Давайте заведем досье на всех. Сто тысяч подозреваемых.

Поллард так смотрел, словно Дюпри заговорил по-французски.

– Поймите, серийный убийца не может действовать в городе меньше Спокана. Вы когда-нибудь слышали о серийных убийствах в поселках? Уже после первого случая старина Энди возьмет за жабры чудаковатого цирюльника Флойда и упечет его в каталажку, а тетушка Би станет носить ему передачи. В мегаполисе может набраться миллион подозреваемых. Сто тысяч кажется много, но если десять детективов допросят по десять человек в день? Бабах, и через сто дней мы раскроем все преступления.

Поллард пытался понять, в чем юмор, Спайви все принимал за чистую монету. Так и не дождавшись концовки анекдота, Поллард одним глотком допил кофе, смял пластиковый стаканчик и встал.

– Ты меня беспокоишь, старик, – сказал он. – Пойду допрашивать ломбардщика. Похоже, банк ты не сорвешь.

После того как Дюпри возглавил группу по серийным убийствам, его дела, включая два убийства от Ленин Райана, перешли к Полларду.

Тот вышел из кафетерия, и Дюпри посмотрел на Спайви, который

внимательно изучал цифры в блокноте.

– А как быть с проезжими – дальнобойщиками, всякими иногородними?

Дюпри разглядывал юнца. Короткие темные волосы, челочка; дуги густых бровей, из-за которых на лице застыло вечное изумление. Дюпри пожаловался лейтенанту, но тот стал защищать Спайви – мол, он лучший из кандидатов, с отличием закончил колледж. Парень, дескать, серьезный и усердный, и если Дюпри проявит терпение, он, может, и сам кое-что переймет от напарника.

– Мы не будем допрашивать сто тысяч человек, – сказал Дюпри. – Я вроде как... проиллюстрировал, насколько сложно отыскать убийцу.

– А, шутка. – Спайви скривился в ухмылке и подмигнул, словно помог разыграть недотепу Полларда.

Дюпри встал, отслоил долларовую купюру и обернул ею свой недоеденный пончик. Следом за ним Спайви пересек дворик, разделявший суд и Управление общественной безопасности. Дюпри набрал короткий код, и дверь, зажужжав, впустила их в вестибюль, общий для разных следственных подразделений.

За убойным отделом их встретила еще одна дверь с кодовым замком. Дюпри ввел номер, и они очутились в конференц-зале, ставшем командным пунктом группы. Три стола, развернутых друг к другу, уставлены календарями, телефонами, органайзерами и лотками с входящими-исходящими бумагами. На панели определителя номера высвечивались имя и адрес всякого звонившего стукача. В зале стояли три компьютера, секретарша принимала телефонные сообщения. После того как городские власти объявили вознаграждение в пять тысяч долларов за информацию о Споканском Сплавщике, звонили беспрестанно.

Флайшер, придумавший кличку, выиграл двадцать пять баксов. Его вариант имел все, что нужно для хорошего прозвища серийного убийцы: точность, звучность и, как говорят риелторы, местоположение, местоположение, местоположение. Все согласились, что прочие варианты – Прибрежный Убийца, Душитель из Мирной долины – хуже, а Мочило Споканских Шлюх отдает дурновкусием. Дюпри бросил пятерку в призовой фонд и предложил назвать убийцу Брэндон (он где-то прочел, что сейчас это самое распространенное мужское имя), но уже в который раз никто не оценил его гениальность. Осчастливленные газетные и телевизионные редакторы призвали графиков, и те в творческом припадке выдавали на-гора эмблемы, карты событий и зловещие фоны для заголовков о Споканском Сплавщике. Осталось только сочинить песню-

лейтмотив, думал Дюпри.

На стене, над картой речного берега, висели фотографии трех жертв. Ребекку Беннетт убили почти два месяца назад, в начале апреля. Все следы остыли, мало кто ее вообще помнил. Вторая относительно недавняя жертва – двадцатидевятилетняя проститутка Шарла Макмайкл, ее сбросили в ту же промоину, где нашли Ребекку Беннетт. Никто не помнил, когда последний раз видел Шарлу, и потому этот след остыл, как первый. На третьей фотографии была тридцатиоднолетняя портлендская проститутка Дженнифер Скэггз, которую последний раз видели живой пять недель назад.

Других таких женщин, чье исчезновение никого бы не беспокоило, еще поискать. Все обставлено просто потрясающе. Никаких свидетелей. Никаких родительских звонков в полицию. Ни друзей, ни родни, никто не встревожился, даже сутенеры. Та же картина на месте происшествия: ни следов, ни отпечатков шин; убийца не оставил ничего, кроме сорока баксов каждой жертве. Никаких отпечатков пальцев на деньгах и телах – ногти сорваны, для пущей верности руки облиты хлоркой. Жертвы, похоже, подверглись насилию, но следов спермы, как ни странно, нет. Неизвестно, как убийца доставил тела. Прямо призрак какой-то.

От городской полиции делом занимались Дюпри, Лейрд и Спайви. Их группу усилили пронырливым детективом из ведомства шерифа, патрульным, а также мускулистым аналитиком Джеффом Макдэниэлом, который через два дня отбыл, обещав содействие из Куантико. На взгляд Дюпри, главный талант аналитика проявился в том, чтобы трапезничать с начальством и приударять за секретаршами. Макдэниэл сказал, что вернется и создаст «полный профиль» Споканского Сплавщика. Буду ждать затаив дыхание, пообещал Дюпри.

После того как обнаружили второй и третий трупы, жизнь на Ист-Спрейг-авеню, где трудились поколения проституток, практически замерла. Полицию захлестнула волна доносов, наиболее интересные переправляли в группу Дюпри. Ежедневно он и его коллеги набирали пачки сообщений, висели на телефоне и ездили допрашивать несуществующих друзей и родственников жертв. Большинство сообщений были откровенной дурью: «мой парень какой-то странный», «мой сосед смотрит порнуху». Но каждое приходилось проверять, ибо можно сильно оконфузиться, если через четыре месяца после ареста преступника какая-нибудь обывательница заявит телерепортеру, что сообщала в полицию о каннибале, смотревшем странные фильмы.

Однако жизнь постепенно входила в нормальное русло: шлюхи вновь

фланировали по Ист-Спрейг, число звонков сократилось. Дюпри хватался за доносы как за соломинку, но вряд ли они могли что-нибудь добавить к уже известным фактам.

В лотке лежало штук двадцать-тридцать сообщений. Дюпри вытянул два: таксист «весь покрылся мурашками», когда вез пассажира, получившего УДО; шлюха ограбила брата звонившего, и этот брат затаил зло. Дюпри решил начать со второго сигнала – набрал номер и представился.

– Тут сказано, что проститутка ограбила вашего брата.

Человек прокашлялся:

– Ага. Или стриптизерша, точно не знаю.

– Давно это было?

– Ну, пару лет.

– Он проявлял жесткость к женщинам?

– Отметелил свою подружку. За что и схлопотал срок.

– Так он в тюрьме?

– Угу.

– То есть сейчас он сидит?

– Ага.

– Когда его посадили?

– Пару месяцев.

Дюпри сник.

– Вы знаете, что последнее убийство произошло три недели назад?

– Да, но я подумал, может, его отпустили на побывку.

– На побывку.

– Ага. Я должен дать показания, чтобы получить награду?

Дюпри повесил трубку и пробил имя братца, который, как выяснилось, сидел уже три года. Распечатал справку и, снабдив ее розовым ярлыком, бросил в исходящий лоток.

Затем позвонил таксисту, тот не ответил. Дюпри потянулся к следующей карточке, но рука так и осталась на толстой пачке листков. Эта лотерея ничуть не лучше безумного варианта допросить всех мужчин в округе. Нет, подобного глухаря не припомнить. Обычно бывало так: обнаружен труп – и в течение суток ты выясняешь, кто убийца. Доказать вину – это уже другое дело, но подозреваемый налицо. Застрелена женщина – потряси ее мужа. Грохнули кабатчика – возмись за его партнера. Завалили бандита – найди, кому он насолил. Можно составить график результатов расследования, основываясь на времени, потраченном на поиск подозреваемого. Нашел в первые двадцать четыре часа –

девятью процентами за обвинительный приговор. Семьдесят два часа? Вероятность шестьдесят процентов. Затем кривая резко падала. Но три недели? Шансы, что дело дойдет до суда, один к двадцати. Тем более что убиты проститутки. Стоило почитать телетайпные сводки из других городов, чтобы понять, как ничтожны шансы раскрыть это дело. В Портленде убили восемь проституток, в Ванкувере больше тридцати. Похоже, во всех городах расследовали убийства шлюх. И почему-то чаще всего на северо-западе страны. Спокан тоже имел шлейф схожих дел – за последнее десятилетие в городе убили около дюжины проституток. Последняя жертва – Шелли Нордлинг, с перерезанным горлом ее выбросили из машины. Ну и конечно, король подобных дел – Убийца с Грин-Ривер^[8] на окраинах Сиэтла. Сорок девять женщин, почти все бывшие и действующие проститутки. Глухарь.

Конечно, группа Дюпри пыталась что-то делать: присматривалась к отсидевшим насильникам и тем, кто получил срок за избиение проститутки, устраивала облавы на шлюх и их клиентов и даже установила камеры наблюдения в местах съема жриц любви. Горстка детективов-женщин (среди них Каролина) шаталась по улицам, расспрашивала проституток и составляла списки опасных клиентов. Нынче особый отдел затевал постановку: женщина-полицейский (возможно, Каролина) встанет на углу, а копы задержат и допросят всякого, кто к ней подъедет. Но шансы на успех почти нулевые. Нет, ставка один к двадцати слишком оптимистична. Вернее будет один к пятидесяти, а то и один к миллиону. Конечно, Дюпри знал, что может изменить расклад. Новый труп. Новое место преступления с новыми уликами. А пока звонки наугад и ожидание очередного убийства.

Дюпри взял следующую карточку. Некая Аменд, проживавшая в районе Уэст-Сентрал возле реки, сообщала, что ее сосед часто уходит из дома в семь вечера и возвращается в два ночи. Дважды вернулся в компании женщин, которых Аменд назвала «непорядочными».

– Везунчик. – Дюпри перевернул листок.

И все? Он уже хотел отправить сообщение к исходящим, но взгляд зацепил фамилию соседа. Верлок. Что-то знакомое. Дюпри набрал номер Аменд, но та не ответила. Верлок. Дюпри постучал карточкой по очкам. Раскрыл телефонный справочник. Ага, есть – Верлок, Кевин. Имя крутилось в голове, не давало покоя. Дюпри пробил его в Национальном центре криминальной информации, но за Верлоком ничего не числилось. И все-таки имя знакомое. Конечно, сперва надо бы поговорить с соседкой, но после трехнедельного тупика искушение просто неодолимо. Дюпри глянул

на лоток, полный карточек, и понял, что не сможет весь день копаться в бумажках. Иногда надо бить с лета. Он набрал номер.

Ответили после первого гудка:

– Кевин слушает.

– Мистер Верлок? Я Алан Дюпри, полицейское управление. Моя группа расследует убийство трех проституток. К нам поступил звонок, и мы решили поговорить с вами.

– Конечно. Чем могу служить?

Конечно? Дюпри опешил. Он ожидал, что человек будет отнекиваться, закроется и даже запаникует. Но дружелюбная готовность помочь застала его врасплох, и он стал блефовать:

– Понимаете, мы пытаемся раздобыть любую информацию, и тут всплыло ваше имя.

– Ясно. Один мой наряд работает на Ист-Спрейг. «Бухта Лэндерс», центр продажи катеров. Ребята все время гоняют шлюх – девчонки так и норовят забраться в катер. Могу вас с ними связать или показать дежурные журналы, если вас интересует.

– Журналы... Кхм.

– Сам-то я никого не вижу. Сижу в диспетчерской – это вроде как ночная смена.

– В диспетчерской? – промямлил Дюпри.

– Ну да, охранный бизнес. Вы же из-за этого звоните?

И тут Дюпри вспомнил.

Кевин Верлок был патрульным. Лет восемь-девять назад он остановил машину для обычной проверки и получил пулю в спину. Воистину захватывающий сюжет. Потом он открыл охранное агентство – его сотрудники патрулировали кварталы, где живут богатые старики, дежурили в школах, на концертах и деловых встречах. Дюпри замутило. Кевин Верлок был хороший коп и в охранники брал бывших копов. Но убийцей он не мог быть вовсе не поэтому.

– Алло?

– Да, извините. Тут секретарь приняла один звонок.

– И что? – не понял Верлок.

– Ужасно неловко... – Дюпри поскреб голову.

Кевин Верлок расхохотался:

– Господи! Небось вам миссис Аменд позвонила. Она считает меня серийным убийцей? Потеха. Чокнутая баба. Она от меня шарахается, даже когда я забираю газеты. Смехота.

– Пожалуйста, извините. Я увидел ваше имя, оно показалось

знакомым, но я как-то не сообразил. – Дюпри медленно отложил карточку. – Я... прошу прощения.

– Нет, вы меня взяли. Надо было смекнуть, что попадусь. – Кевин ржал. – Сознаюсь. Этих женщин я переехал коляской.

После ранения Верлок был частично парализован и передвигался в коляске.

Дюпри уткнулся головой в столешницу, а Кевин заходился смехом:

– Мой подельник – слепой старик. Но он просто водила. Трупы таскаю я.

Дюпри терпел болезненные подначки от другого копа, прекрасно понимавшего, что коллега лопухнулся. Когда Верлок наконец отсмеялся, Дюпри распрощался как можно вежливее.

Он посмотрел на кипу карточек. Значит, вот так оно и будет? Таксисты в мурашках, зэки и бывшие полицейские в инвалидных колясках? Дюпри смахнул лоток со стола, карточки разлетелись по полу. Что самое интересное, никто из сыщиков и головы не поднял.

Девушка уверяла, что ей двадцать, но явно врала. Блеклая худышка, короткие сальные волосы, глупые глаза, колечко в брови. Она жадно хлебала суп, купленный Каролиной, и, расправившись с булочкой из дрожжевого теста, цапнула цельнозерновой хлеб своей кормилицы.

– Я говорила о парне, который любит кусаться?

– Да.

– А про того, что подпалил меня зажигалкой?

– Ты сказала, его зовут Дэйв то ли Майк.

– Ага, чё-то вроде того. – Прикончив суп, девчонка разорвала пакетик с крекерами. – Еще один мужик дерет волосья. Прямо клоками. Интересно?

Каролина кивнула и придвинула ей свой суп. Девушка раз-другой глубоко вздохнула, еще подумала и, наконец, сообщила, что ее зовут Жаклин. Казалось, она примеряет имя, будто шляпку. Чтобы не отпугнуть, Каролина проглотила очередное вранье.

– Вы не хотите суп? – спросила Жаклин.

– Я не очень голодная.

Девушка закинула в себя две ложки супа и лишь потом продолжила рассказ:

– Я была с ним раза три-четыре, что ли. Отдерет, заставит отсосать, а потом рвет волосья на шахне. Я такая, ты чё, я ж на работе. Надо брать с него побольше.

– Как его зовут?

– Как-то обычно.

Каролина отложила блокнот:

– Майк то ли Дэйв?

– Вроде того.

– Фамилия-то у него есть?

– Наверняка. – Жаклин обмакнула Каролинину булочку в Каролинин суп.

– На чем ездит?

– На грузовике.

Похоже, все ее клиенты – белые водители Дэйвы то ли Майки.

– Грузовик-то американский?

– Кажись.

– Какого года?

Девушка пожала плечами.

– Старый, новый?

– Почему я знаю.

– А цвет какой?

– Темный. Я не разглядывала.

– Сможешь описать мужика? Он высокий?

– Так, средний.

– Какого примерно возраста?

– Ой, старый. Лет тридцать-сорок, что-то так.

– Нет, тридцать или сорок? Может, он лысый? Очкарик? В костюме? Длинноволосый? Одноногий? Носит попугая на плече?

– Не, ничего эдакого. Он такой, знаете... ну, обычный.

– М-да. А случалось, что клиенты отказывались платить? Или хотели тебя изнасиловать?

Жаклин рассмеялась, потом уставилась в суп и посерьезнела:

– Сколько там страниц в вашем блокноте?

Через полчаса Каролина оплатила счет и купила ей сэндвич на вынос. Она попыталась выяснить настоящее имя девушки, но та уверяла, что она Жаклин, просто не захватила никакого удостоверения. Каролина сунула ей свою визитку и попросила быть осторожной, работать с товарками и звонить, если что вспомнит. Или если кто-нибудь покажется подозрительным.

– В смысле?

– Ну вдруг подвалит такой, что просто жуть берет.

Жаклин глянула на визитку и хохотнула:

– Мэм, меня от всех мужиков жуть берет.

В машине Каролина пролистала записи – нынче она поговорила с шестью проститутками. Со страниц прыгали слова «укусил», «саданул», «зарезали», «удушили», «избили», истории о групповом изнасиловании под угрозой ножа, о пивных бутылках и пистолетных стволах в вагинах, о домогательствах дядьев, учителей и надзирающих чиновников. Имена, описания, детали сливались, от них перехватывало горло – все обычные мужики, Майки и Дэйвы. Может, поиск страшного извращенца – это ошибка? Может, проще отсеять всех нестрашных белых мужчин, разъезжающих в грузовиках? *Мэм, меня от всех мужиков жуть берет.*

Каролина с ходу распознавала уличных шлюх. Она служила в отделе, который возник из старой доброй полиции нравов, занимавшейся проституцией, азартными играми и наркотиками – забавным собранием преступлений, некогда считавшихся пороками. В семидесятые наркотики

стали бедствием и полицию нравов преобразовали в особый отдел, который сосредоточился на наркобизнесе, но иногда участвовал в облавах на проституток – какую-нибудь патрульную превращали в размалеванную шалаву и ставили на углу. Если никто из патрульных или студенток академии не соглашался уронить свое достоинство, Каролина лицедействовала сама. Копы подшучивали – мол, для шлюхи она слишком милостива и пышет здоровьем. В кино шлюхи выглядели как Джулия Робертс и Джейми Ли Кёртис, но в жизни были уродливы, толсты, больны и издерганны. Даже самым приличным из них – кто работал в отелях и службах эскорта – не помешало бы принять душ.

Группа Дюпри попросила особый отдел о помощи, и Каролина, хоть не любила маскарады, знала, что вызовется сама, как вызвалась опрашивать шлюх – далеко не простое задание, ибо те всеми силами избегали копов. И вот нынче вечером она станет живцом – нарядится и займет позицию возле порномагазина и бара с гологрудыми официантками. Шлюшья вахта.

Весь день ее мучили мысли о фальши дешевого наряда, под которым спрятан микрофон, о губной помаде, пачкающей зубы, и необходимости отключивать задницу, из-за чего наутро жутко ломило поясницу. Наверное, стоило спросить Жаклин, как она умудряется избежать болей в спине.

Странно уделять внимание тому, чего обычно даже не замечаешь. Спокон веку проституция считалась данностью, о которой и говорить-то не стоит. Многие наркодельцы приторговывали девочками – скажем, Паленый был сутенером парочки наркоманок, которых сдавал у себя на дому. И это было лишь фактом их биографии, графой в криминальном досье наряду с возрастом, местом рождения и работы. Пожалуй, большинство копов считали проституцию не преступлением, а его симптомом.

Каролина просмотрела список опасных клиентов, составленный со слов проституток. Ничего удивительного, что они спокойно воспринимали тех, кто наличкой оплачивал их немедленные услуги. В конце концов, шлюха имеет свою долю в сделке, полной вранья о качестве и привлекательности товара. Она – торговый представитель, рекламный агент и сервисный центр в одном лице. И разумеется, товар.

Вот почему не надо удивляться краткости списка. Этот бизнес подразумевал анонимность клиента, и все потребители значились под самым расхожим именем, какое носили святые, баптисты, Уэйны, Кеннеди, бесчисленные христиане, бесчисленные американцы. Джоны. Еще их называли просто «болт» или, в угоду волшебству, «палка». Как бы то ни было, благодаря анонимности, или обманчивой случайности, или волшебному исчезновению отыскать клиентов было трудно, а женщины...

Для Каролины все они были мертвы или при смерти.

Она пролиставала страницы, вернувшись к записям о Жаклин. Когда та сочинила себе имя, Каролина спросила о дате ее рождения, но девица лишь пожала плечами. Потом рассказала, что она из городка неподалеку от Спокана («лучше не уточнять»), родила ребенка («восемь месяцев, в приемной семье»). Наркоманка («героин, мет, трава»), не арестовывалась («шибко хитрая»), возможно, ВИЧ-инфицирована (отказывается сдать анализ).

Каролина бросила блокнот на сиденье и завела мотор. Сейчас она поедет в участок, занесет опросы в компьютер и переоденется в шлюший наряд. Утром Джоэл видел, как она достала из шкафа виниловую мини-юбку и крохотную маечку, но ничего не сказал. Вот потому-то она не вполне ему доверяет. Неважно, что он сказал и сделал, главное – чего не сделал и не сказал. Она готовит наряд проститутки, а он не моргнув глазом отправляется тягать штангу.

Каролина не сказала ему, что завтра приезжает отец – разобраться с мамиными вещами. Видимо, потому, что не хотела об этом думать. Слишком мало времени прошло, всего три недели. Она просила брата приехать, но Питер ответил, что не сможет. Хорошо бы поговорить с доктором Юинг о предстоящих сутках – как быть с виноватой неловкостью от того, что в наряде шлюхи она заманивает мужиков в ловушку? А еще поговорить об отце и Питере. Вероятно, не стоило ждать, что отец будет сидеть у постели умирающей бывшей жены, но вот брат огорчил – приехал на похороны и больше не показался. Каролина просила его побыть с ней, но он стал отнекиваться – дескать, обещал своим мальчикам болеть за них на футболе. Потом прокашлялся и прибавил: «Это не по мне, Каролина. Просто я не такой, как ты».

А какая она? Из тех, что пьются в реки, держат за руки умирающих матушек и наркоторговцев, днем покупают сэндвичи проституткам, а вечером сами наряжаются шлюхами; из тех, что умеют изобразить потаскуху, но проваливают роль мамыши в парке, теряют собственную мать, но беспрестанно думают об утонувшем торгаше? Каролина включила скорость и поехала в город. Миновала бар, возле которого ошивалась Жаклин. Привалившись к фонарному столбу, та уже поглощала сэндвич. В дверном проеме за ее спиной маячил мужчина в солнечных очках и бейсболке. Он разглядывал девицу. Потом шагнул к ней, начиная, вероятно, медленный танец сговора. Киношная сделка – еще одна неправда. В кино клиент подъезжает на машине, опускает стекло и спрашивает: «Сколько берешь?» А в жизни сделка – чаще всего грустный и пустой флирт, когда

мужчина пытается себя убедить, что он и вправду нравится, а женщина себя убеждает, что она не такая; когда деньги порой не главное, а сговориться можно за дозу, выпивку или одноразовый ночлег. Подобный бартер – еще одна форма отрицания и лжи: притвориться, что интимность такой сделки ничем не отличается от правильных сделок, когда годы меняют на кольцо, а секс на стабильность, включающую в себя детей, дом, комфорт, еду и целиком жизнь. В ответах проституток слышались дерзкая насмешка и обвинение: мол, всякие отношения – непременно сделка, и неважно, какая цена назначена за минет, сорок баксов разово или сорок лет совместной жизни многожды. Что такое супружество, если не договор, скрепляющий сделку? Побег от одиночества – лучшая мотивация, чем жадность?

Жаклин так же видит этот мир или у нее собственные сказочные фантазии? Или же этот мрачный взгляд на отношения полов – кредо самой Каролины? Мысль напомнила о мужике в спортивных штанах, всплыла картинка: Жаклин оперлась о фонарный столб, сзади к ней подходит мужчина...

Мужчина.

Что-то в нем знакомое... Очки и бейсболка скрывали его лицо, припаркованные машины и фонарный столб застили обзор, но манера держаться, наклон головы кого-то напоминали. Вдруг поняв кого, Каролина ударила по тормозам.

Наверное, мозг решил пошутить. Не может быть, чтобы мужик, заговоривший с молоденькой Жаклин, оказался Ленин Райаном. Обозналась. После происшествия на мосту Райан притаился в ее мыслях. Хладнокровную жестокость, с какой он сбросил

Паленого, она приписала убийце проституток, и вот теперь, мельком кого-то увидев, превратила ни в чем не повинного мужика в серийного убийцу

Но мысль уже укоренилась, и Каролина, развернувшись, поехала обратно, минуя заросшие бурьяном парковки, мотели с почасовой оплатой, бары с затемненными окнами и порномагазины. Она остановилась перед баром «Пул-8», точкой Жаклин, однако ни юной шлюхи, ни мужика в бейсболке там не было. Каролина вошла в бар и спросила, не заметил ли кто девушку и мужчину в спортивных штанах или машину, в которой они могли уехать. Бармен и четверо посетителей, среди бела дня тянувшие скверное разливное пиво, пожали плечами и ответили, что знать не знают и видеть не видели никакой Жаклин.

– Только что мужчина стоял в дверях.

Бармен снова пожал плечами.

– И девушки перед входом тоже не было? – Каролина теряла терпение. Ни ответа, ни качка головой, только тупые взгляды.

На улице Каролина потрогала фонарный столб и постаралась вновь представить картинку. Версия казалась все менее вероятной. Все считали, что Ленни Райан давным-давно скрылся – скорее всего, укатил обратно в Калифорнию. Дядькину машину нашли на стоянке грузовиков, Райан, надо полагать, уехал на попутке.

Каролина не видела лица человека в бейсболке. Теперь казалось невозможным, что это был Ленни Райан, зато с новой силой нахлынули неотвязные переживания последних дней. Что сказал бы Дюпри? Что она все принимает слишком близко к сердцу. А что на следующем сеансе скажет доктор Юинг? Что она переживает из-за матери и случившегося на водопаде, что еще не оправилась от выбора, перед которым ее поставил Ленин Райан, что она вновь и вновь прокручивает свои действия и не может смириться с тем, что не сумела спасти юного наркоторговца. И даже мать. Почему-то саднила мысль, что тело Паленого так и не нашли. И если уж на то пошло, Ленин Райан тоже бесследно сгинул.

Оба где-то далеко и, отдавшись глубинному течению холодных темных вод, ждут ее следующего хода.

Дюпри ехал в больницу. Пристроив мобильник на руль, он уже хотел позвонить – извиниться за задержку, но что-то в правом окошке его отвлекло. С ним такое бывало: он вдруг подмечал какую-то несуразность и потом убеждал себя, что ему не померещилось.

Сейчас он был на широкой улице жилого квартала неподалеку от Управления общественной безопасности. Во дворе дома парень с ирокезом прислонился к машине. «Продажа крупяных игрушек», – гласила вывеска за его спиной. Машина – «джавелин» начала семидесятых.

Вот и все, но это так заворожило Алана Дюпри, что, остановившись на следующем перекрестке, он забыл про светофор и все смотрел в правое окошко, мысленно восстанавливая несочетаемые детали разных десятилетий: прическа из восьмидесятых, машина из семидесятых, игрушки из девяностых. Он сам не понимал, что его так взбудоражило – эта картинка или, может быть, какое-то воспоминание или сон, как-то связанные с машиной, прической, игрушками.

Дюпри посмотрел на телефон в своей руке и не узнал набранный номер. Наверное, кнопку вызова он нажал машинально, потому что почти мгновенный ответ застал его врасплох.

– Алло, – сказала Дебби, словно ждала его звонка, как оно и было.

Дюпри поднес телефон к уху.

– Привет, – сказал он и вышел из транса. На светофоре зажегся желтый. Сколько же он простоял на перекрестке?

– Алан?

Дюпри пытался вспомнить, что хотел сказать жене. Все перемешалось, взбаламутилось. Казалось нереальным.

– Ты забыл, где наш дом?

– Извини. – Дюпри потряс головой, разгоняя туман. – Я за рулем. Отвлекся.

– Ты еще долго?

Фоном слышался телевизор, и Дюпри представил, как Дебби на кухне говорит по телефону, а дети, поглощенные мультиком, разлеглись на полу гостиной.

– Задержусь. На час-другой минимум.

– Как дела?

– Собираюсь поговорить с ломбардщиком, которого месяц назад

подстрелили.

– Я думала, может, что новое по убитым девушкам. – Дебби вдруг очень прониклась последним делом, хотя уже давно не интересовалась работой мужа.

– Гоняюсь за собственным хвостом.

Все утро Дюпри отработывал бесполезные доносы, потом сравнивал свое дело с другими глухарями, среди которых были два убийства проституток, – то есть безуспешно пытался соединить точки в рисунок.

– Алан?

Дюпри перехватил телефон:

– Извини. Я думал, ты хочешь что-то сказать.

– А я думала – ты.

После прощаний и запоздалых «люблю тебя» Дюпри прижал мобильник ко лбу, потом на него уставился. Он старался припомнить, когда последний раз этот передатчик тревог и дурных вестей сообщал о чем-то хорошем. На больничной парковке Дюпри встал на пяточке травмопункта, отведенном для полицейских. На сестринском посту выпросил чашку паршивого кофе, надеясь встряхнуться. В лифте ехал вместе с медсестрой и малышом с обритой головой, стараясь не встречаться с ними взглядом.

В реанимационном отделении Поллард расхаживал по коридору, его спортивный пиджак с фетровыми заплатами на локтях висел на стуле.

– Чего так долго-то?

– Прости, дорогуша. Забыл предупредить, что задержусь. – Дюпри вручил ему распечатки с тридцатью фотографиями – те самые, что три недели назад рассматривала Каролина.

Поллард кивнул на дверь, и Дюпри следом за ним вошел в тускло освещенную палату. Что-то в ней показалось странным. Потом он понял. Ему еще не доводилось видеть больничную палату без цветочных букетов и открыток. Дэнни Меллинг, хозяин ломбарда, лежал на медицинской кровати, в изголовье которой змеились трубки капельниц. Голова забинтована, на лице пластиковая маска, словно он только что вернулся с костюмированного бала.

Ломбардщик заглатывал воздух мелкими судорожными вдохами, каждый выдох сопровождался глухим всхлипом. Поллард склонился к его уху и тихонько окликнул:

– Мистер Меллинг. Это опять детектив Поллард.

– Вы обещали... морфий.

– Конечно, конечно. Только сначала пара вопросов. Хорошо?

В ответ Дэнни что-то промычал; Поллард открыл портфель и достал

распечатки:

– Мистер Меллинг, детектив Дюпри принес фотографии. Возможно, здесь человек, о котором вы говорили. Но сначала я должен вас уведомить, вот. – Он перевернул первый лист и скороговоркой прочел стандартный текст: – «Подозреваемый может находиться или не находиться на предъявленных фотографиях. Помните, что прически, бороды и усы изменяют внешность». Так, сейчас я открою вам лицо. Поначалу свет будет резать глаза. Вы готовы?

Верхнюю часть лица прикрывал козырек из ки-перной ленты. Поллард его убрал, и Дюпри задохнулся. Налитый кровью правый глаз уцелел, но ниже зияла кошмарная рана. Левая глазница провалилась, носа практически не было, осталась лишь красная шишка, исполосованная черными хирургическими швами. «На лице жертвы огнестрельная рана», – говорилось в рапорте, но это слишком мягко сказано. Лица у жертвы попросту не было.

Единственный глаз Меллинга скользил по первому листу.

– Кого-нибудь узнаете? – спросил Поллард.

– Нет.

Поллард открыл второй лист. Взгляд метнулся.

– Номер четыре. – Меллинг закрыл глаз. – Это он... теперь дайте... морфий, пожалуйста. Я хочу уснуть.

Поллард потрепал его по плечу, вернул козырек на место и протянул распечатки Дюпри. Тот посмотрел на четвертый номер, хотя и так знал, кто там изображен. Столько времени он размышлял о критической массе зла, однако не думал, что она соберется в одном человеке. Но вот, извольте. Букет преступлений. Ленин Райан.

– Повторите детективу Дюпри, что говорили мне, – сказал Поллард. – Чего Ленин от вас хотел?

– Я же рассказал. – Казалось, Меллинг сейчас расплачется.

– Я знаю, но еще разок – и получите обезболивающее.

– Он пришел накануне... перед тем как стрельнул в меня... спрашивал... – Меллинг всосал воздух, – о малом, который в парке торгует наркотой... – Ломбардщик пытался вспомнить имя.

Дюпри придвинулся к кровати:

– Паленый.

– Да, Паленый. – Меллинг глубоко вздохнул.

– Зачем он искал Паленого? – терпеливо спросил Поллард.

– Не знаю. Хотел купить наркоту. А еще Паленый торгует девками.

Поллард глянул на Дюпри.

- Этот парень интересовался шлюхами?
- Поначалу он был спокойный. Спросил, где они ошиваются.
- Он спрашивал о ком-то конкретно?
- Да. Потому и пришел в лавку. Девки ко мне часто заглядывают. Его знакомая шлюха заложила браслет.
- У него была квитанция?
- Да. Он взбесился, когда я не вернул браслет по закладной цене.
- Номер квитанции сохранился?
- Нет. Я не веду строгий учет.

Дюпри не удивился. Хозяева ломбардов избегали бухгалтерии, чтобы не попасться на скупке краденого.

- И что потом?
- Он ушел. На другой день вернулся... осатаневший. Потребовал браслет.
- Он назвал имя шлюхи? – перебил Дюпри.
- Нет. Сказал, она умерла.

Поллард ликующе глянул на Дюпри.

- Что дальше?

– Вел себя иначе. Велел... встать на колени... – Меллинг задышал чаще и расплакался.

Поллард опять похлопал его по плечу и нажал кнопку вызова сестры:

- Ладно, мистер Меллинг, отдохайте, поговорим позже.

В коридоре Дюпри уставился на фото Ленни Райана и потер скулу, пытаюсь сложить целостную картину Кое-какие точки соединились, однако рисунок не получился – возникли новые вопросы, раздробленная картинка напоминала лицо Меллинга. Но домысливать нельзя, надо, чтобы одно с другим сложилось, чтобы «джавелин» принадлежал парню с ирокезом, торговавшему крупяными игрушками. Надо приспособить взгляд к новым чертам, забыв о других.

Он пытался объяснить это Спайви, но теперь понимал, что подобные тонкости недоступны даже Полларду, который смотрел на него, точно пес, притащивший хозяину мертвую птичку.

Дюпри вернул ему распечатки:

- Надо подумать.

– По времени совпадает, – сказал Поллард. – Райан освободился два с половиной месяца назад. А два месяца назад убили первую шлюху.

Иногда трудно удержаться от поспешных выводов – видишь связь разрозненных фактов, когда сам еще не знаешь, что с чем соединять. Но Дюпри взбудоражился, зашагал по коридору, следом поспешал Поллард.

Наверное, надо вызвать Спайви, но при мысли о юном помощнике Дюпри замутило: придется ему все разжевывать. Он оглянулся на Полларда:

– Найдешь время помочь?

Дюпри знал, что вопрос излишен. Поллард переживал второй развод. Чего-чего, а времени у него навалом. Тем более дело – лакомый кусок.

Поллард кивнул:

– Что требуется?

Вместе вышли из больницы. Дюпри думал о Дебби и Полларде, который два года назад уже разводился. Развелись почти все копы, ровесники Дюпри; браки распадались полосами: то затишье, то один развод за другим, словно буря пронеслась. Расставание знакомых пар было сродни молнии, заставляло врасплох. А потом грохотал гром развода, и ты затаив дыхание прикидывал, далеко ли от тебя гроза. Гром развода Полларда жажнул рядышком. Некогда Дэн и его жена Натали все уик-энды проводили вместе с молодой четой Дюпри. Как-то раз они сидели в семейном итальянском ресторане и, опрокидывая бокал за бокалом, говорили... О чем?

Забылось. Помнится, они с Дэном хохотали, закинув руки на спинки жениных стульев, в бокалах дрожало вино. Тогда они были совсем другие – сам он лохмат, Поллард гораздо уже в талии. Но главное отличие в том, что они ничего не боялись. Были беспечны. Как Спайви. Дюпри четко видел тот вечер: паста, вино, смех. Но убей бог, не помнил, что же их так веселило.

Сначала появлялись фары. Всякий раз было странно, что они излучают не жар, а лишь холодный свет. Иногда водитель притормаживал и сдавал назад. Но обычно машина делала круг. Водила, мнивший себя хитрецом, объезжал квартал, выглядывая полицейский патруль. Однако машина всегда возвращалась, водитель, перегнувшись через пассажирское сиденье, улыбался, и улыбка его ничуть не отличалась от мужских улыбок в барах, магазинах и коридоре полицейского участка – оценка, инвентаризация соответствующих частей тела. Машины курсировали, как кровяные клетки, мужчины желали секса, наркотиков или того и другого вместе. На Ист-Спрейг никто не заезжал случайно, мимоходом.

Каролина стояла на автобусной остановке с рекламой ресторана самообслуживания. Чуть-чуть косметики, никакой шубки, кожаных сапог на высоких каблуках и прочих завлекалок телевизионной шлюхи. Одежда из комиссионки: обтягивающая виниловая мини-юбка и куцая маечка, оставлявшая открытым живот. Наряд не более откровенный, чем у любой девушки в ночном клубе, только дешевле и теснее. Остальное досказывал язык тела. Поза. Движения. Походка. Шлюхи, не работающие на сутенера, не стоят у фонарных столбов, они фланируют, демонстрируя свои изгибы и выступы, контраст между выпуклостями и вогнутостями, всю себя с ног, голени-коленки, до бедер и талии и далее через грудь и шею до головы. В этих контрастах было все, что нужно мужчине, и Каролина мысленно повторяла ежедневную присказку таких, как Жаклин: я торгую не собой, а своим телом, и если уж болт отделяет *меня* от *моих форм*, то мне сам бог велел. Она прохаживалась в той части Спрейг-авеню, где были рынки шлюх и подозрительных машин для покупателей с плохой кредитной историей, китайские рестораны, ломбарды, забегаловки, мотели с почасовой оплатой, низкопробные заведения вроде лавок, торгующих спортивными кимоно, и салонов шведского массажа, а также несколько легальных предприятий, работавших днем. Из них самым внушительным был центр продажи дорогих яхт и катеров «Бухта Лэндерс». Упрямо скрываясь за сетчатой изгородью, он занимал целый квартал, по которому сейчас прогуливалась Каролина.

За спиной ее рыкнул мотор, и рядом остановился навороченный спортивный мотоцикл – затянутый в кожу седок преник к рулю, словно продолжал бешеную гонку. Каролина мгновенно его вычислила: авиабаза

Фэйрчайлд. Служивых здесь было полно – в основном безобидные ребята, но встречались и задиристые говнюки, привлекавшие к себе внимание полиции. В общем ничего серьезного – приставания к малолеткам, пьяные драки. Вояки снимали проституток, покупали мет и гоняли на спортивных машинах и пластиковых мотоциклах – единственной ценности, приобретенной за годы службы.

– Как оно ничего? – спросил парень. Беспечный тон не вязался с его напряженным взглядом.

– Ничего, – ответила Каролина. – Жду ухажера своего.

Инсценировка требовала осторожности – предложение должен сделать клиент.

– Ага. Есть планы на вечер?

– Нет. А у тебя?

Он пожал плечами:

– Думал прокатиться. Если не отговоришь.

Парень был как на ладони. Подача новичка в теннисе. Ни мощи, ни мастерства. Лишь бы послать мяч через сетку. Каролина улыбнулась:

– Можно попробовать.

– Валяй.

И все. Парень так и сидел, пялясь сквозь забрало шлема. Каролина даже забеспокоилась – она ему не глянулась, что ли? Или он предпочитает другой тип? Полыхнули фары – машина притормозила и проехала дальше.

Летун так и молчал. Каролина начала раздражаться:

– Ты чего-то хотел? А то вон всю дорогу перегородил.

Парень поерзал, словно в растерянности. Каролина понимала, чего он дожидается. Все они вели себя так, как учили, – не дать повода для ареста. Пусть шлюха сама инициирует сделку. Тогда, если нарвешься на копа, в суде адвокат докажет, что это была провокация.

Парень смерил ее взглядом:

– Я прям не знаю. Сдается мне, ты легавая.

– Да? А ты, сдается, хер моржовый.

Он неподдельно обиделся:

– Чего завелась-то?

– Вали отсюда. Нет времени на игрища.

Парень снял шлем, показав армейскую стрижку и жиденские усы. Точно, летун. Каролина себя похвалила – не ошиблась.

– Я ж ничего такого. Просто раньше тебя здесь не видел.

– Ты в «Дерби» захаживал? В северном районе. – Каролина знала, что ему вовек не найти этот маленький бар в ее квартале.

– Нет.

– Меня там больше не привечают. Вот пока работаю здесь, вернее, пытаюсь. Шел бы ты, а?

– Хорош тебе ерепениться. Я просто проверял, что ты не легавая. – Парень слез с мотоцикла, и Каролина ощутила прилив адреналина. Забыв осторожность, малый полез в силок. – Расслабься. Давай прокатимся.

Каролина кивнула на мотоцикл:

– На этом драндулете я никуда не поеду.

Парень огляделся:

– Можем снять номер.

– Желаете в номера, мистер Романтик?

Это был хороший вариант. Паршивый – лезть в чужую машину и ждать, когда оперативники выскочат из засады, закуют клиента в наручники, зачитают ему права и начнут оформлять изъятие авто. Если живцом была молодая патрульная или студентка, засаду располагали как можно ближе, чтобы девчонке не пришлось садиться в машину. Когда работала Каролина, охотники прятались чуть дальше. Машина самый опасный момент – живец наиболее уязвим. А если клиент пытался превратить машину в любовное ложе, еще не оберешься мороки с бумагами по конфискации частной собственности.

Каролина глянула на приземистый мотель наискосок, откуда Геррати и Солаита вели наблюдение и прослушку:

– Пожалуй, я знаю местечко.

– Сколько возьмешь?

Оба-на. Заглотнул. Вспомнился сержант Лейн, который всегда дергался на прослушке. Сейчас он, наверное, облегченно вздохнул и даже покивал. Каролина шагнула к летуну:

– Смотря чего ты хочешь.

– Может, комплекс?

Минет и палка. Ишь какой живчик, с виду не скажешь.

– Кажется, это в наличии. Восемьдесят пять и платишь за номер.

– Черта лысого. Шестьдесят, за номер платишь ты. Я знаю, вы же в сговоре с хозяевами.

Верно. Обычно шлюхи получали скидку на часовую плату или обменивали минет на четыре, скажем, бесплатных часа. Парень уже дал повод к аресту, но торг следовало продолжить, хотя интерес угас.

– Один треп со мной уже стоит полтинник. Семьдесят пять?

– Дорого.

Каролина изобразила огорчение:

– Семьдесят пять, и я плачу за номер.

Парень ухмыльнулся:

– Ты же не коп, правда?

– Я? Шеф полиции.

Парень засмеялся. Глянув по сторонам, Каролина перешла улицу. Летун шагал следом и пробовал ухватить ее за задницу. Каролина еле сдержалась, чтобы не придушить засранца. Видимо, он из лапальщиков. Она ненавидела мужиков, которые «случайно» сталкиваются с тобой в коридоре, прижимаются и трутся о тебя в толпе, млея, точно школяры.

Парень нервно балаболит и теперь выглядел совсем молокососом.

– Меня зовут Алберт, – говорил он. – Я из Сейлема. А ты откуда? Вообще-то это неважно, просто кому ни скажешь, что ты из Сейлема, все сразу такие – да ну? а у меня там дядя живет.

Каролина вошла в мотель и через вестибюль провела кавалера к лестнице, где у ледяного автомата в кресле сидел Геррати.

– Как она жизнь, сынок? – сказал он.

Алберт подпрыгнул и схватился за грудь. Каролина ожгла Геррати взглядом. *Как она жизнь.* Хуже нет копов, которые изображают киногероев, небрежно роняя их коронные реплики. Такое впечатление, что репетировали перед зеркалом в мужском туалете.

– Мы из полиции. – Каролина достала бляху, поскольку Геррати не спешил показать свою. – Вы арестованы за вовлечение в занятие проституцией.

– Нет! – взвизгнул летун, окончательно превратившись в пацана. – Я не говорил, что заплачу за секс. Я думал... это...

Но Геррати уже поднялся, взявшись за кобуру:

– Руки на затылок, повернитесь спиной.

– Не-ет, не надо... – Парень не мог поверить в происходящее; Каролина взяла его за руки и осторожно защелкнула наручник на одном запястье.

– Вы имеете право хранить молчание... – начал Геррати.

В лестничном сумраке Алберт разрыдался. Каролина выпустила его руку.

– Пожалуйста, не надо, – всхлипывал парень. – Я уже второй раз попадаюсь. Теперь заберут мотоцикл и уволят за аморалку. – Он еще пробормотал что-то о ссуде на учебу и, звякая наручниками, закрыл руками лицо.

Похоже, Геррати это забавляло – он ухмыльнулся и закатил глаза. Но Каролине стало скверно. Когда из наблюдательной комнаты появился

Солаита и стал дочитывать парню его права, она тихонько вышла на улицу.

Ветерок, вестник нетерпеливой весны, холодил лицо. Из мотеля доносились плач Алберта и голос

Солаиты, терпеливо разъяснявшего право на адвоката. Каролина глубоко вдохнула и через стоянку прошла на улицу где остался мотоцикл. Наверное, потом кто-нибудь из копов заберет.

– Господи, до чего же мерзко, – прошептала она, шагая по тротуару, хотя знала, что ее слышат Геррати и Солаита в мотеле, а также сержант и оперативники, притаившиеся в пакгаузе двумя кварталами дальше. Наверное, коллеги переглянулись и вскинули брови – пожалуйста, вот вам еще доказательство, что Мейбри не годится для нашей работы, ненадежная и слишком уж мягкотелая.

Каролина продолжила вахту.

Серьезные клиенты парковались в темных переулках и, точно рыбаки в лодках, ждали, когда мимо проплывет женщина, но иногда сами забрасывали блесну на Спрейг или Пасифик. Фары очередной машины выхватили край тротуара, и Каролина шагнула в свет, давая возможность себя рассмотреть. Но машина не остановилась, и Каролине, как ни странно, стало обидно, что ее отвергли. Она прошла два квартала, потом вернулась к лодочному центру. Проехало еще несколько машин. Минут через десять из-за угла показался неприметный автомобиль сержанта Лейна, а из мотеля вышли Геррати и Солаита – между ними притихший Алберт в наручниках. Лейн припарковался за японским мотоциклом и вылез из машины.

– Закончили. – Сержант подал Каролине ее спортивную сумку. – Я дал отбой патрульным. У нас пять задержанных, а с твоим дружкой, – он кивнул на Алберта, усевшегося на бордюр, – ровно полдюжины. По-моему, неплохой ночной улов.

Каролина посмотрела на часы:

– Сейчас всего десять.

У шлюх только-только началась вторая смена, которая закончится в три ночи – через час после закрытия баров.

– Я обещал поработать пару часов. Время вышло. Это не наше дело. Пусть убойный отдел сам ковыряется. – Лейн повернулся к Геррати и Солаите, вздернувшем летуна на ноги: – Кто хочет отогнать сраного япошку?

Геррати пожал плечами, наигрывая равнодушие:

– Ну что, я могу.

– Может, еще часок? – спросила Каролина.

– Им это все для галочки, чтоб потом сказать – сделано все возможное.

Я ценю твое усердие, но кроме таких идиотов, – сержант показал на Алберта, – мы никого не поймает. Этот их малый не свяжется с девкой, которую видит первый раз в жизни.

– Как скажешь. – Каролина облегченно вздохнула.

Возможно, Лейн в нее не верит или опасается, что она снова сорвется. А может, и вправду считает это зряшной тратой времени. Ну и плевать, главное – на сегодня она свободна. Отвернувшись, Каролина сдернула микрофон, прилепленный меж грудей, и кинула его в сумку. Достала джемпер, надела поверх майки. До бедер натянула спортивные штаны и, расстегнув молнию, сбросила юбку на тротуар.

Подняв голову, встретила взгляды коллег и летуна. Сержант откашлялся.

Геррати оседлал мотоцикл, включил зажигание, чуть усмехнулся.

– Переднее крыло слегка болтается, – сказал Алберт. Он смущенно покосился на Каролину и пожал плечами: – Я в дерево въехал.

Каролинина машина стояла в квартале от Спрейг-авеню, за лодочным центром, обнесенным сеткой-рабицей. Сержант немного проводил Каролину, похвалил за профессионализм и усердие, проявленные в операции. Мол, она снова в обойме. Доктор Юинг советовала унять цинизм и не выискивать снисхождение в словах коллег, а воспринимать все буквально, как письменный текст. Но Каролина невольно искала подтекст. Если сейчас ее хвалят за усердие и профессионализм, значит, раньше их не было. Если ее нынешняя работа – исключение, тогда все прежние ляпы и срывы – правило. *Спасибо, что сегодня вела себя не по-бабски.*

– Ладно, я просто поблагодарить, – напоследок сказал Лейн.

– Спасибо.

Затем они разошлись по машинам. Впрочем, Каролина остановилась и посмотрела вслед сержанту: не обернется ли, не выдаст ли своих истинных мыслей. Однако Лейн вышагивал под уличными фонарями, как недавно вышагивала она сама, потом сел в машину, завел мотор и уехал.

Наверное, я схожу с ума, подумала Каролина, если во всяком слове и поступке ищешь потаенный смысл и пытаюсь связать друг с другом то, что никак не связано. Хуже нет, чем подгонять чужое поведение под трафарет. Полицейскому конец, если он уверует, что мир подобен детской книжке – добро всегда вознаграждается, а зло наказывается.

Каролина забросила сумку в машину и вдруг сообразила, что вокруг крошечная тьма, контрастная ярким огням китайских ресторанов и забегающих на Ист-Спрейг.

Кто-то за ней наблюдал. Она это почувствовала, еще не уловив чуть

слышный шорох и осторожные шаги по асфальту. Проулок тонул во мраке, и Каролина не смогла ничего разглядеть, даже загородившись рукой от уличных огней. Нашарив в сумке пистолет, она сунула его за пояс. Потом вышла на мостовую и углубилась во тьму, вспомнив тот день в парке, когда бросила Ленин Райана и помчалась спасать обреченного Паленого. Глаза немного обвыклись, и футах в сорока она разглядела человека, целеустремленно шагавшего прочь по проулку.

– Эй! – крикнула Каролина, но человек прибавил ходу и, минуя мусорные контейнеры и погрузочный пандус, достиг конца проулка. По узкому щербатому тротуару Каролина бросилась следом, хотя прекрасно понимала, что должна вернуться к машине и вызвать подмогу. И столь же ясно сознавала, что все это не реакция подсознания на стресс, не обман зрения. Нет, она была абсолютно уверена. Это он. Ленин Райан.

К десяти вечера картина стала объемнее, но мало что прояснилось. Поллард показал фото Райана родным и знакомым трех погибших проституток. Безрезультатно. Дюпри проверил, не бывал ли кто из жертв в Северной Калифорнии. Тупик. Просмотрели картотеку Паленого и ломбардные записи Меллинга – нет ли имен убитых шлюх. Пусто.

Что касается Райана. В проституток и Меллинга стреляли из пистолетов разного калибра. Местопребывание Ленин после отсидки выяснить не удалось, поскольку он не пользовался кредитками и ничего не арендовал. По сообщению надзирателя за условно освобожденными, Райан только один раз явился на собеседование, а потом исчез. В Спокане он не наследил, пока не сбросил Паленого с моста. А на трупах шлюх ни пальчиков, ни спермы, чтобы сравнить с его ДНК. По сути, ничего.

Вот такая вот работа. Информация поступает в час по чайной ложке, и ты увлекаешься отдельными деталями в отрыве от целого. Скажем, две недели назад результаты вскрытия сообщили, что в желудках двух жертв обнаружены идентичные следы сэндвича с курицей. Возникла гипотеза, что убийца поджидал женщин у ресторана или сам угощал их сэндвичами. Деталь показалась важной, и Дюпри угрохал уйму времени, прочесывая рестораны и изучая упаковки замороженных куриных грудок. В конце концов выяснилось: эти сэндвичи подают в ресторане на Ист-Спрейг, где шлюхи встречались за поздним ужином. Маленькая деталь спровоцировала шквал деятельности, одарившей бессмысленной и никчемной информацией.

По правде, одно с другим сочеталось далеко не всегда, а если все же сочеталось, то не в самом существенном.

Иначе говоря, случались совпадения. Для большинства людей совпадение – это нечто приятное. Приснилась тебе учительница из восьмого класса, а на другой день ты столкнулся с ней в магазине. Ах, приятное совпадение. Но для сыщиков не бывает «приятных» совпадений. Совпадение – зло. Копы вроде Спайви притворяются, будто нечувствительны к совпадению, – мол, важна всякая кроха информация, ибо расследование сродни поиску истины. Но Дюпри знал, что это не так.

Прорыв вроде сегодняшнего, когда Меллинг опознаёт Ленин Райана и рассказывает о шлюхах, ты воспринимаешь с этакой суеверной осторожностью. Потому что Ленни Райан оплатил свою долю секса и

наркотиков, и эти сферы непременно пересекутся, только неизвестно где. Пока есть лишь разрозненные факты: Ленин Райан объявился в городе, убил по меньшей мере двоих и покушался на жизнь третьего; он расспрашивал о шлюхах и говорил о мертвой проститутке. И есть человек, убивший трех шлюх. Ты ищешь пересечения. Во времени. В зверской манере. В хронологии, образцах крови, квитанциях кредитных карт и двадцатидолларовых купюрах.

Но эти два независимых набора фактов могут никогда не пересечься. Либо столкнуться друг с другом, но бессмысленно. Либо их связывают другие детали, которые тебе известны, но больше не видны, и потому точки истинного пересечения фактов скрыты. Расследование сродни попытке вспомнить нечто неизвестное, приспособить анализ к интуиции, увидеть запах. Все это изменяет сыщика, притупляет его чувство реальности, жизни вообще и семейной в частности.

Ему платят, чтобы из кусочков он воссоздал чужую жизнь, и вскоре он начинает разбирать на кусочки собственную, выискивая низменные мотивы, а потом сидит в баре и удивляется: что со мной случилось?

– Что с тобой? – спросил Поллард.

Дюпри сморгнул задумчивость:

– А?

– Ты пялишься в пустоту. Жуткое зрелище.

Дюпри глянул на часы:

– Просто... задумался... – Он потянулся и сощурился: – Помнишь, мы ходили в итальянский ресторан? Мы с Дебби и ты с Натали.

Поллард помолчал, потом расслабленно улыбнулся:

– Да. На Гамильтон-стрит. Блин, сто лет там не был. – Он тоже посмотрел на часы. – Думаешь, он еще открыт?

– Я не к тому. Просто пытаюсь вспомнить тот вечер.

Поллард поудобнее устроился в кресле:

– Да, было здорово. Дебби такая веселушка.

– Натали тоже.

Оба усмехнулись давней привычке нахваливать жену приятеля, точно его машину. Пустопорожние комплименты не имели целью кого-то обидеть, однако говорили о том, что супружество – не главное в их жизни.

– Я все пытаюсь вспомнить, что нас так развеселило.

Поллард нахмурился, посмотрел на стол и в потолок:

– Наверное, старею. Я даже не помню, что мы вообще смеялись.

– А когда ты потом...

– Через год. – Поллард не дал закончить вопрос о разводе.

Единичный факт давнего ужина: было весело. Добавим единичный факт супружества Полларда: через год оно рухнуло. Тут уже не только совпадение, но отклонение от нормы. Как же распознать, что перед тобой: конструктивный дефект или безобидная трещина? Он позвонил Дебби в шесть. И вот уже на пять часов опаздывал к ужину и на три часа – к обещанному сроку вернуться.

Поллард встал:

– Пошли выпьем пива. Может, я чего и вспомню.

– Ладно, давай.

Дюпри сложил листки в папки, папки убрал в коробки, коробки поставил под стол. На секунду пришла мысль, что проблемы с Дебби не конструктивного, а организационного плана: будь он аккуратистом, был бы хорошим мужем. Наверное, надо больше помнить, быть добросовестным. Вот скоро юбилей, Дебби хочет материнское кольцо. У детей какие камни по зодиаку? Черт, а когда у них дни рождения?

И кстати – украшения. Дюпри взглянул на Полларда и проговорил:

– Ленин Райан хотел браслет какой-то шлюхи?

– Так говорит Меллинг.

– И у него была квитанция, да?

– Мы же проверили бухгалтерию, – сказал Поллард.

Да, они просмотрели все ломбардные квитанции и не нашли имен трех убитых шлюх.

Но Дюпри уже вскочил и вытащил коробки с квитанциями. Бывает и так: сосредоточишься на одних деталях и упускаешь другие. В квитанциях они искали имена погибших проституток. А вот браслеты не искали. Одну коробку Дюпри всучил Полларду, другой занялся сам.

Дэн неохотно взял коробку:

– Чего искать-то?

– Украшения, – сказал Дюпри, не отрываясь от работы.

– Украшения.

– Точно.

– В ломбарде.

– Да.

– Ты спятил? Таких квитанций штук пятьсот. И вдвое больше залогов без квитанций.

Поллард прав. Если лавка Меллинга ничем не отличалась от других ста двадцати пяти споканских ломбардов, то большинство вещей были краденые. Особенно это касалось украшений. Их грабители брали первым делом, поскольку легко унести, и первым же делом сдавали в ломбард,

поскольку эти вещи почти никогда не имели серийного номера. Ломбардам предписывалось вести строгий учет закладов, но если хозяин, этаким Меллинг, хоть на секунду заподозрит, что вещь краденая, он возьмет ее без оформления или запишет липу, чтобы не подставлять клиента. Квитанции Меллинга были весьма туманны: номер и какое-нибудь слово – «украшение», «электроника», «монеты». Многие имена явно вымышленные: Смиты, Джонсоны и один доктор Сьюз.

Сыщики выложили на стол квитанции на украшения и одну за другой стали их просматривать, выискивая клички, адреса или телефонные номера убитых шлюх. Дюпри приготовился к работе часа на два. Не найдя знакомой клички в десятой квитанции, он уже отложил ее в сторону, но потом снова взял и уставился на слово «браслет» и имя, которое никак не ожидал увидеть. Шелли Нордлинг. Дюпри встал.

– Что? – оживился Поллард.

В шкафу Дюпри отыскал толстую папку, озаглавленную «Косвенные дела»: нераскрытые убийства проституток и шлюхи, подвергшиеся нападению или пропавшие. Случаи за последние десять лет. Дюпри выхватил нижнее досье. «Нордлинг, Шелли; род. 16.09.72; убита 8 февр.» Это дело, как и другие по убийству и исчезновению женщин, раз десять попадалось на глаза, но он не видел связи между Шелли Нордлинг и тремя недавно убитыми шлюхами. Детали кардинально разнились. Причем такие детали, которые серийный убийца просто не будет менять. Скажем, сокрытие трупов. Такие детали не случайны, это основа. Шелли Нордлинг перерезали горло ее собственным ножом – видимо, произошла ссора с клиентом или сутенером. Этим трех проституток задушили, потом пристрелили. Шелли Нордлинг просто бросили в переулке. Этим трех подготовили – сорвали ногти, всунули купюры в руки. Трупы аккуратно уложили в овражки и прикрыли ветками. Значит, действовали разные убийцы. Ведь так?

Дюпри читал досье и передавал страницы Полларду. Почти четыре месяца назад, в феврале, в переулке нашли женщину с перерезанным горлом. Ни отпечатков пальцев, ни других улик, которые вывели бы на преступника. В теле убитой обнаружены следы метамфетамина, кокаина и лекарственных препаратов, а также следы полового контакта, но без признаков изнасилования. Под ногтями не было кожных чешуек, только волокна ткани и ковра. Версия – ограбление или конфликт с клиентом. Долгое время убитую не могли идентифицировать, была известна лишь ее уличная кличка – Пилюля. Не выходила на панель с неделю. Пилюля была из разряда «пиявок» – шлюх, которые подолгу, иногда неделями, остаются с

клиентом, натурой расплачиваясь за кров, еду и наркотики. В отличие от многих проституток Шелли Нордлинг не числилась в картотеке – ни данных, ни отпечатков пальцев. Никаких запросов от родственников и друзей, и потому неопознанная № 22 целый месяц пролежала в морге, пока одна девица не вспомнила, что у нее хранится коробка с вещами Пилюли.

В коробке обнаружили старые калифорнийские права на имя Шелли Нордлинг. Выяснилось, что жила она в Ричмонде, в районе Залива, но родных там не оказалось, только приемная семья Нордлингов, которые уже давно ее не видели.

Вот так вот. Дюпри разглядывал фотокопию водительского удостоверения. И вновь поймал себя на том, что ищет точку пересечения фактов, хотя прекрасно сознает, что ее может и не быть. Хотя не исключено, что Райан приехал ради Шелли Нордлинг, но узнал, что та погибла от рук грабителя или в потасовке из-за денег. Поллард дочитал страницу и в ожидании следующей смотрел на Дюпри, а тот, глубоко задумавшись, уставился в фотографию на правах.

Прямые темные волосы до плеч, широко расставленные круглые глаза. Милашка, что называется. Дюпри отложил права и достал папку с фотографией, на которой Ленин Райан и его покойный дядюшка позировали в Сан-Франциско. Помнится, между ними стояла девица с черными прямыми волосами и круглыми глазами. Дюпри показал снимок Полларду. Шелли Нордлинг.

– Когда ее убили, Райан сидел в тюрьме, – соображал Поллард.

– Точно.

– Значит, они хороводились еще до его посадки? Он мотает срок, девица перебирается в Спокан, кто-то ее убивает и парень взбесился?

– Возможно.

– И в бешенстве начинает мочить шлюх?

– Возможно.

Из папки с материалами по делу Нордлинг Дюпри взял список телефонов. Пробежав пальцем по столбцу, отыскал и набрал нужный. Ответил мужской голос, Дюпри извинился за поздний звонок.

– Я еще не сплю, я сова. – Мистер Нордлинг будто извинялся за недуг.

– Мы расследуем дело, которое, возможно, связано с гибелью Шелли, – сказал Дюпри. – У меня к вам несколько вопросов.

– Мы всё узнаём от вас.

– Я понимаю, но, может быть, вы слышали о дружке Шелли, который сидел в тюрьме? Фамилия Райан.

– Что вы, откуда? Мы же с ней не общались... лет шесть, наверное.

Так что извините. На кой мы ей сдались?

Дюпри отложил ручку и уже хотел распрощаться, когда мистер Нордлинг вдруг добавил:

– Я так и сказал тому парню.

– Какому парню?

– Детективу, что к нам приходил.

– Детектив расспрашивал вас о Шелли?

– Да. Пару месяцев назад.

– И чего он хотел?

– Сказал, ведет дело, в котором она замешана. Понимаете, когда она здесь жила, полиция частенько к нам навевалась – Шелли то одно, то другое натворит. – Мистер Нордлинг невесело рассмеялся. – Вы уж, ребята, держите друг друга в курсе. Тот сыщик даже не знал, что ее убили.

– То есть?

– Шибко удивился и даже вроде как расстроился. Что, говорю, я подпортил вам дело? Ага, отвечает. Потом спросил, что еще мне известно, и я отдал ему обувную коробку с ее вещами, которую вы нам переслали. Он ее забрал... и все.

Обувная коробка, хранившаяся у подруги.

– Вы помните, что было в коробке?

– Пара сережек. Парковочная квитанция. Всякая ерунда. Помню, мы получили коробку, и Тереза так плакала, так плакала. Неужели это все, что остается от человека, понимаете? Человек умер, а потом только никчемный мусор в комод или бардачке валяется.

– Когда именно приходил детектив? Это важно.

– Хм. Кажется, в марте. В начале. Или в середине.

Дюпри переглянулся с Поллардом.

– Не помните, в коробке была ломбардная квитанция?

– Да, – сказал Нордлинг. – Там все в таком духе. По-моему, она какое-то украшение заложила.

– Вспомните, что еще было в коробке?

– Рецепты. Перчатки. Бумажки с цифрами.

– Телефонные номера?

– Наверное. Или пейджерные.

– Номер или имя не запомнили?

– Нет.

Дюпри взял снимок: Ленин Райан и Шелли Нордлинг на причале в Сан-Франциско.

– Мистер Нордлинг, я по факсу перешлю в ричмондскую полицию

фото одного человека. Завтра с вами свяжутся. Посмотрите фотографию и скажите, не этот ли человек к вам приходил.

– Он что, не коп? А кто?

Дюпри перехватил трубку:

– Я сам точно не знаю.

Проулок уперся в парковку на задах порномагазина – обшарпанного кирпичного дома, перед которым маячила пара-тройка машин. Каролина успела заметить, как человек в темной куртке вошел внутрь, и, кинувшись следом, оказалась в узком зале, где было не светлее, чем на улице. Вокруг невысоких стеллажей, заваленных журналами в целлофане и книгами с похабными обложками, стояли, втянув головы в плечи, малочисленные покупатели. Звякнул колокольчик парадного входа, и Каролина устремилась к дверям, минуя витрину с сексуальными атрибутами и порнофильмами. На секунду она встретилась взглядом с прилично одетым стариком, осатанело закусившим нижнюю губу.

Каролина выскочила на улицу и лишь тогда сообразила, что за последнюю минуту ни разу не вдохнула. Человек в куртке свернул за угол, вновь скрывшись в темноте переулков.

Каролина бросилась за ним, но на углу остановилась. Это безумие. Машина осталась в трех кварталах отсюда. Хорошо, она схватит Райана. И что дальше? Каролина замерла, глядя на кирпичную стену, за которой расстилалась тьма. Прислушалась к шагам. Тихо. Шарахнулась от мимо просвистевшей машины. Вспомнила Жаклин. Значит, все-таки с ней был Райан. Мысль об этом заставила сделать шаг, второй и свернуть за угол. Господи, пусть маленькая обжора будет жива, пусть мужик окажется кем-то другим.

Глаза еще не привыкли к темноте, и Каролина ногой нащупывала дорогу, словно спускаясь по неосвещенной лестнице. Потом увидела мужика и аж задохнулась. Засунув руки в карманы, он поджидал ее в конце проулка. Стрижка короче, отпустил усы, но это он, Райан. Удостоверившись, что его заметили, человек обогнул дом и скрылся в другом проулке.

Участилось дыхание, напряглись мышцы. Блин! Одной соваться нельзя. Каролина оглянулась на фонари Спрейг-стрит – там найдется телефон, можно вызвать подмогу. По телу пробежал холодок злой досады. Каролина достала из-за пояса пистолет и шагнула в темноту, уже не стараясь ступать бесшумно, просто упрямо и тупо перла вперед.

– Ладно, – прошептала она. – Я иду.

Проулок вывел на какую-то улочку, а потом превратился в другой проулок, который закончился небольшой площадкой, обнесенной сетчатой

изгородью и заваленной строительной рухлядью – козлами, оконными и дверными рамами, обломками досок. Тусклый фонарь освещал лишь половину площадки, другая половина тонула в тени. Наверное, Райан там, наблюдает. Помешкав, Каролина нащупала в изгороди калитку и толкнула ее. Та распахнулась, скрипуче вздохнув.

– Мистер Райан, вы арестованы! – крикнула Каролина и сама подивилась писклявости своего голоса.

Никакого ответа. Держа пистолет обеими руками, Каролина проскользнула в калитку. У кирпичной стены высились штабели растрескавшихся дверей, шкафчиков, сгнивших оконных рам, старых досок и сантехники. Каролина зашла в тень, давая глазам обвыкнуться. Ничего. Меж курганов из раковин и душевых поддонов, отслуживших свой век, она пробралась в конец площадки. К сетчатой изгороди привалился древний холодильник. Казалось, Райан намекает, что здесь он перелез через ограду. Каролина осторожно подошла ближе, в голове роились мысли: что-то не так – водил-водил, заманивал-заманивал и смылся? На холодильнике что-то маячило, заметное даже в темноте. Обувная коробка. Каролина осторожно шагнула вперед, туда-сюда поводя стволом. Чем ближе, тем отчетливее тянуло сырой заплесневелой вонью. Каролина прикрыла рукой рот и нос и пистолетным стволом сбросила крышку с коробки. Внутри лежали какие-то бумаги и пара сережек. Каролина взяла одну сережку и повернулась к свету. Вставка с камушком, совсем крохотным – наверняка настоящим. Каролина перевела дыхание и еще острее ощутила сильную вонь. Ничто в коробке не могло так вонять.

Холодильник. Каролина поставила коробку на землю. В пятнадцати футах у погрузочного пандуса стояли еще три холодильника. Каждый обвязан цепью, замкнутой на замок. Но этот не заперт. «Что я здесь делаю?» – подумала Каролина. С пистолетом наизготовку (ствол под углом в сорок пять градусов к земле) она попятилась и буквально почувствовала досаду того, кто за ней наблюдал. Он хотел, чтобы она открыла холодильник.

– Господи, не делай этого, – прошептала Каролина. Но опять вспомнилась Жаклин. Стиснув зубы, Каролина заставила себя остановиться. Сейчас она была наполовину в свете, наполовину в тени, точно надвое распиленная ассистентка фокусника. По краям захламленной площадки вздымались кирпичные стены четырехэтажных домов. Каролина слышала стук своего сердца.

Натянув воротник джемпера на нижнюю часть лица, она подошла к холодильнику и взялась за ручку на дверце. Старая модель – с защелкой.

Потянула. Дверца легко отворилась, явив разложившийся труп. Лицо в темных пятнах, спутанные черные волосы, синие джинсы, цветастая блузка. Ни воротник джемпера, ни задержка дыхания не спасли от шибанувшей вони.

Дверца защелкнулась. Каролина отвернулась и стала дышать в ковшик ладони, приказывая желудку и нервам успокоиться. Взглядом обшарила площадку – наверное, вот-вот появится Райан. Но тот не появился.

Припомнив лицо в холодильнике, Каролина с ужасом поняла, что где-то его видела. Запах и разложение говорили, что это не Жаклин, которая днем еще была живехонька. Но сердце сжалось.

Немного успокоившись, Каролина набрала в грудь воздуха и шагнула к холодильнику. Открыла дверцу, взглянула на тронутое тленом лицо.

Точно не Жаклин. Девушка мертва неделю, а то и больше, – возможно, закрытый холодильник притормозил разложение. Но Каролина где-то видела это лицо, хотя и не живьем. Все черты вроде бы на месте, и в то же время оно как-то расползлось. Но не как у спящего человека. В бытность патрульной Каролина повидала уснувших бомжей. Она легонько толкала их ногой – не помер ли? Теперь уж не спутает спящего с мертвяком. Нет ничего печальнее отстраненности мертвого лица. Сколько покойников видела она за двенадцать лет службы? Наверное, по дюжине в год – автомобильные аварии, самоубийства, всякого рода зверства. Но до маминой смерти только живые вызывали в ней сочувствие и понимание.

Каролина захлопнула дверцу холодильника и, опустив пистолет, пошла к выходу. У калитки резко обернулась, но сзади никого не было. Она привалилась к кирпичной стене, запрокинула голову, задержала дыхание. Со Спрейг-стрит доносились шум моторов и буханье автомобильных стереосистем. Показалось, будто она расслышала тихие шаги, словно кто-то осторожно покинул площадку с другой стороны.

Чиркнув покрывками по тротуарному бортику, Дюпри вдарил по тормозам. Мигалки патрульных машин бликовали на кирпичных фасадах Ист-Спрейг и лицах зевак, сгрудившихся у заградительной ленты. Полыхали огни, туда-сюда сновали копы, точно лодки на реке. Алан влился в этот привычный поток, который вынес его к устью проулка и очередному труп.

Звонок Каролины перехватил Дюпри и Полларда на пути в пивную. Алан так спешил добраться на место, что еще сам не понял, на кого больше зол – на Лейна, который бросил Каролину одну, или на Каролину, которая сунулась в одиночку выслеживать Райана. По дороге Дюпри заготовил выволочку обоим.

Оперативники уже осмотрели место происшествия, и первый эксперт подждал коллег, чтобы приступить к сбору улики. Неподалеку слонялись патрульные, ожидая указаний, какие улицы перекрыть и когда начинать опрос возможных свидетелей. Они поглядывали на Дюпри, а ему уже до горечи во рту опротивели и эта ночь, и вся эта словно под копирку снятая ситуация. Все и так знают, что делать. Чего от него-то хотят? Он без продыху работает уже восемнадцать часов. И бог ведает, когда вернется домой. В пять-шесть утра? Дебби и дети встают в семь, он успеет раньше? Или вообще не явится? А чего, будет работать круглосуточно – вести учет нескончаемым трупам.

В ожидании фургона с прожекторами проулок осветили переносным фонарем, но все равно было темно, и Дюпри вновь мысленно обругал Каролину, затеявшую рискованную слежку.

Он подошел к холодильнику и, прижав носовой платок к лицу, открыл дверцу. Чтоб поменьше наследить, придержал ее локтем. Увидел мертвую девушку, и его передернуло, словно кто-то рванул шнурок, через мошонку пропущенный от пяток к горлу. Из-за плеча ударил луч фонарика.

– Жертва женщина, – раздался голос Спайви. – Огнестрельная рана. Удушение. На шее странгуляционная борозда. Явные признаки насильственной смерти.

– То есть несчастный случай исключается? – из-под платка спросил Дюпри.

Не удостоив его ответом, Спайви бубнил в диктофон:

– Налицо биологическая активность внешней среды. (В смысле,

личинки.) Памятка: запросить энтомологический анализ воздействия микробов и насекомых.

Воевать с напарником не было сил, поэтому Дюпри натянул перчатки и склонился к труп, а юный сыщик не унимался:

– Входное отверстие расположено в левой верхней четверти туловища. Положение тела не позволяет увидеть выходное отверстие. Труп разлагается.

В холодильнике девушка лежала на правом боку; Дюпри чуть развернул ее к себе и увидел то, что ожидал увидеть: две двадцатки, резинкой притороченные к скрюченным пальцам.

– О господи, – тихо сказал он.

– В правой руке жертвы двадцатидолларовые купюры, – прокомментировал Спайви. – На двух пальцах сорваны ногти...

Дюпри закрыл дверцу и повернулся к напарнику:

– Давай зови экспертов. Потом переговоры с доставщиками – может, заметили кого постороннего. – Сообразив, что Спайви записывает инструкции, Дюпри выхватил у него диктофон: – Памятка: полизать задницу начальству.

Спайви цапнул свою игрушку и отбыл. В проулке Дюпри разглядел сержанта Лейна, который разговаривал с пронырливым Геррати.

Дюпри подошел к ним:

– Значит, вы проводите операцию и все это время Ленни Райан пасет Каролину. Это ваш результат?

Лейн отвел взгляд:

– Н-да. Похоже, так.

На Спрейг он показал маршрут Каролины, мотель, в котором были Геррати и Солаита, и пакгауз, где сам сидел с оперативниками, готовыми к аресту клиентов и изъятию их машин. Дюпри оглядел улицу, представив, как Каролина прохаживается под резким светом фонарей, а Райан за ней наблюдает. Откуда? Из какого-нибудь бара?

– Сделай милость, – сказал Дюпри. – Пока бары не закрылись, покажите там фотографию Райана и поспрошайте – может, кто-нибудь его видел.

– Вообще-то... – Лейн помялся, – Каролина этим уже занимается.

– Она не уехала домой? – опешил Дюпри. – И одна ходит по барам?

– Я пошлю Геррати ей в помощь.

– Не утруждайтесь, – зло отмахнулся Дюпри. – Я сам.

Лейн переступил с ноги на ногу и наконец посмотрел ему в глаза:

– Я вот чего не пойму, Алан. Этот Райан убивает женщин, да? Тогда

почему он уводит Каролину в проулок и не...

Геррати проследил за его взглядом в темноту:

– Раз уж ее заманил... Чего ж он? Ведь проще простого...

– Не знаю, – оборвал его Дюпри и пошел к ближайшему бару. Вовсе не хотелось представлять, что было проще простого сделать с Каролиной в глухом проулке.

На мобильнике он набрал ее номер. Каролина не ответила сразу, Дюпри сбросил вызов и перезвонил. Теперь Каролина нажала клавишу ответа, но под жестяной аккомпанемент кантри из музыкального автомата и стук бильярдных шаров продолжила разговор с невидимым собеседником: «Значит, вы не знаете девушку по имени Жаклин? Так. Понятно. А этого человека видели?» Дюпри шел по тротуару и слушал в мобильнике далекий голос женщины, казавшейся родной и близкой. Каролина вела допрос, как он ее учил десять лет тому назад. «Вы уверены, что сегодня он не заходил?» В трубке зашуршало.

– Мейбри, – только и сказала Каролина.

– Сколько нынче стоит кинуть кости в койку?

– Я сговорила за семьдесят пять.

Дюпри отбросил дурашливый тон:

– Какого черта вы за ним поперлись? Одна! Вы что, совсем уже?

Каролина была готова к нотации:

– Пока вызывала бы подмогу, я б его упустила.

– Мобильника не было, что ли?

– Был пистолет. А как бы вы поступили?

Дюпри вздохнул:

– Где вы?

– На южном побережье Франции грею пузо.

Теперь Дюпри ее увидел – впереди, через два длинных дома она стояла под фонарем. Наверное, вышла из какого-то бара, но как будто возникла из стены, из темноты. Каролина прижимала мобильник к уху. Спортивные штаны подчеркивали ее длинные ноги и тонкую талию. Выглядела она классно. Они двинулись навстречу друг другу, разговаривая по телефону.

– Как вы думаете, чего он хотел? – спросил Дюпри. – Почему вел вас за собой?

– Не знаю. Похвастаться трупом?

Их разделяли всего два здания, они смотрели друг на друга и говорили по телефону

– По-вашему, это он убил?

– Я не знаю. А что вы думаете?

– Пару месяцев назад здесь убили его подругу-шлюху. Когда он сидел в тюрьме. Вот такие пироги.

– И с чем пироги?

Дюпри перешел через улицу – они приближались к проулку. Встретившись между домами, оба медленно опустили мобильники.

– Как вы? – спросил Дюпри.

– Устала. – Каролина щелкнула по его галстуку: – Нынче в поместье Дюпри царит официоз.

– Вообще-то я еще не был у себя в поместье. Допоздна засиделся.

– Вам пора домой.

Это уж точно. Еще одна теория Дюпри: молодые разнополые напарники рано или поздно друг с другом переспят. Некоторые копы приписывали это избытку адреналина и доверия к коллеге, но у Дюпри было объяснение получше: влечение прямо пропорционально близости смерти. Чаще всего романы возникали в стрессовых или опасных ситуациях – сейчас, например. Или шесть лет назад, когда Каролина застрелила пьяного дебошира. Она права – надо поскорее ехать домой.

Но Дюпри промолчал, и они медленно пошли к месту происшествия. Каролина рассказала о девице по имени якобы Жаклин и ночных событиях, Дюпри поделился сведениями, полученными от хозяина ломбарда и приемного отца Шелли Нордлинг.

– Мы думаем, что гибель подруги – причина, по которой Райан стал убивать шлюх, – сказал Дюпри. – Вроде как смещенный гнев.

– Значит, он ваш подозреваемый?

– На данном этапе он нас очень интересует.

– Как вы сказали? Смещенный гнев?

Дюпри пожал плечами:

– Я не знаю, Каролина. Версии получше пока нет. И он в ответе за все остальные преступления в городе.

– Что говорят психологи?

– Тоже не знаю. Утром провентилирую в ФБР.

Местный агент Джерри Касл (Пайл) был связующим звеном между группой Дюпри и отделом поведенческого анализа в Вирджинии. Скорее всего, обратится к мускулисту аналитику Джеффу Макдэниэлу.

Каролина остановилась перед порномагазином, где началась погоня за Ленни Райаном. Грязные зашторенные витрины, тяжелая деревянная дверь, неоновая вывеска. Каролину внезапно одолела невероятная усталость.

– Он проскочил через магазин, я следом за ним, – сказала она.

Заведение предлагало секс-игрушки и похабные журналы. Дюпри

неожиданно смутился:

– Пошлю-ка я сюда Спайви.

– Вот и хорошо. А я загляну еще в пару кабаков – может, разыщу девчонку. Она сказала, ее зовут Жаклин, – тихо проговорила Каролина, будто надеясь, что с именем, пусть даже вымышленным, человек становится реальным и обретает место на свете.

– Я с вами, – сказал Дюпри.

Каролина не возразила, и они вдвоем зашагали по улице, оставив мигалки и зевак, толпившихся у заградительной ленты, словно в очереди за билетами. Шли молча, потом Каролина глянула на спутника:

– Вы скажете Дебби, что мы вместе работали?

Дюпри ответил не сразу. Шесть лет назад обещание больше не работать с молодой напарницей, пожалуй, спасло его брак. Они провели вместе всего одну ночь, до секса не дошло, но Дюпри вбил себе в голову, что надо обо всем рассказать жене. И рассказал. По сию пору та ночь, когда Каролина грохнула пьяного мужика, была единственной изменой Дюпри и его величайшим искушением. С места происшествия они приехали к ней домой, Каролину трясло, он ее успокаивал, потом обнял и поцеловал, а потом они как сумасшедшие катались по полу, но вдруг замерли, тесно прижавшись друг к другу, чтоб больше не раздеться, чтоб не перейти черту, да так и уснули. Наутро разлепились, Дюпри два часа наматывал круги на машине, потом с порога все выложил Дебби, а на следующий день известил Каролину, что просит перевода в другой отдел. Сказал, что любит жену, что опротивела ему не Дебби, а его жизнь.

Неоновые огни Ист-Спрейг придали воспоминанию гадкий оттенок.

– Мы с ней почти не разговариваем, – сказал Дюпри.

– Не надо так, Алан, – тихо попросила Каролина.

– Я пытаюсь. Но... что-то теряю.

– С вами все хорошо. И всегда так было.

Они вошли в темный закоптелый бар под непритязательной вывеской «Напитки». Затуманенный взор Дюпри не сразу обвыкся с сумраком. Грязный синий палас укрывал пол и еще на фут загибался по стенам. Четыре табурета привалились к щербатой стойке, за которой хозяйничал немощный бармен в ортопедическом корсете. Три круглых колченогих столика, бильярд с порванным сукном. Всех посетителей – два потрепанных старика и пьяная женщина в грязных джинсах с разошедшейся молнией.

Тотчас распознав полицейских, бармен проковылял к хмельным клиентам. Видимо, его недавно штрафовали за продажу спиртного пьяным,

а то с чего вдруг он захлопотал над теми, кто вряд ли бывал трезвым хоть день в году?

– Третий звонок. – Бармен натужно улыбался, косясь на Каролину. – Заканчивайте, ребятки. Пора домой, Билл.

Дюпри сел на табурет, Каролина встала рядом и, достав фотографию Ленин Райана, терпеливо ждала, пока бармен выпроводит посетителей. Тот навис над стариком, обнявшим стакан с пивом. Сама вежливость, бармен, с другого конца стойки поглядывая на Каролину, понукал старика:

– Поторопись, время.

Старик поднял голову.

– Билл, – тихо сказал бармен, и старик, осушив стакан, покорно его отдал. Бармен перешел к женщине и второму старику: – Мэй, ты закончила? Лу? – Он протянул руки, требуя стаканы: – Пора, пора. Время.

Все отдали стаканы, но не шелохнулись, и бармену не осталось ничего другого, как положить посуду в мойку и подойти к Каролине.

– Меня интересует молодая белая проститутка, возможно известная как Жаклин. Настоящего имени не знаю.

– Как выглядит?

– Лет двадцати. Волосы русые, короткие. Колечко в брови. Сумасшедшие глаза. Нездоровая худоба.

Бармен усмехнулся:

– Тут половина таких. – И кивнул на улицу: – Это не ее там?..

– Нет. – Каролина подтолкнула ему фотографию: – А этого парня знаете? Сейчас стрижка короче. Видели его?

Бармен покачал головой:

– Кажись, нет.

– Посмотрите внимательно. Точно не видели?

Бармен взгляделся в снимок:

– Нет, никогда не видел.

– Тут есть какой-нибудь сутенер с большим выбором девушек?

– Да, есть пара ребят. Сопляки. Торгуют наркотой.

– Имена знаете?

– Одного зовут Майкл.

– Ну наконец-то! – Каролина глянула на Дюпри: – Долгожданный прорыв!

Даже бармен засмеялся:

– Фамилии не знаю, не обессудьте. Видел его раз-другой. Майкл... какой-то.

– И где живет какой-то Майкл?

– Без понятия. Болтался здесь иногда. Ребята приходят, интересуются бабами или наркотой, им говорят: обратись к Майклу. Ну как-то так.

– Кто говорит?

– Чего?

– Вы сказали, им говорят: обратись к Майклу. Кто говорит-то?

– Ну... люди.

Каролина вновь показала фото Райана:

– Этот?

Бармен опять усмехнулся:

– Сказал же, я его не знаю.

Каролина ответила улыбкой, и Дюпри восхитился ее обаянием.

– На всякий случай проверяю.

– Я не говорю, что он сюда не заглядывал. Все время кто-то приходит, ждет, пока шлюхи мимо пройдут. Я не обращаю внимания.

– Предлагаю сделку. Вы станете обращать внимание, и я, может быть, не сообщу в комитет по контролю спиртного, что ваши клиенты напиваются вусмерть. Идет?

Бармен кивнул.

Взгляд Дюпри съехал на талию Каролины. Опершись на стойку, Каролина перенесла вес тела на одну ногу. Образец идеального равновесия. В том, как она вела рутинный допрос, было что-то удивительно эротичное. Дюпри протянул руку и остановил ее в миллиметрах от джемпера Каролины, заправленного под эластичный пояс спортивных штанов. Потом перехватил недоуменный взгляд бармена и убрал руку.

Каролина обернулась, и Дюпри почувствовал, что краснеет.

– У вас есть вопросы, сержант Дюпри?

Алан покачал головой.

– Как вы?

– Нормально.

– Ну хорошо. – Каролина дала бармену свою визитку и напоследок еще раз показала фото Райана: – Если вдруг объявится он, или Майкл, или девушка, которую я описала, позвоните мне. Договорились?

– Да, конечно. – Бармен пожал плечами и, прикусив ноготь, посмотрел на Дюпри, словно читал его мысли и сочувствовал.

– Можно пива? – Дюпри сам удивился своей просьбе.

– Разумеется. – Бармен вопросительно глянул на Каролину, но та покачала головой и села рядом с Дюпри.

– Все нормально, точно? – спросила она.

– Просто пить охота.

– По-вашему, сейчас удачный момент? – осведомилась Каролина.

– Удачнее не придумаешь. – Дюпри залпом осушил полстакана и, стараясь, чтоб вышло небрежно, спросил: – Может, вам поехать домой?

– Попробую отыскать эту Жаклин или хотя бы узнать ее настоящее имя. В смысле, если я вам не мешаю.

Дюпри стало легче, его окатило волной симпатии сродни ностальгии.

– Нет, – сказал он. – Не мешаете.

Шесть лет назад Дюпри, держа Каролину в объятиях, поведал ей свою теорию: в жизни, как в гольфе, должны быть вторые попытки. Чтобы одна ошибка не засчитывалась и никому не причиняла боль. *Я не собираюсь бросать жену*, сказал он той ночью. *Просто хону вторую попытку*.

Дюпри допил пиво и встал. Каролина вышла на улицу, он шагнул следом, но обернулся и посмотрел на старых пьяниц, ждавших, чтобы копы наконец свалили и бармен напоил их вусмерть. Хотелось спросить: жизнь ускользнула или же был миг божественного откровения, словно кто-то включил рубильник и вы поняли, что бутылка крепкого пойла – лучшее, что может предложить судьба? Старики беспокойно заерзали, и Дюпри, поклонившись, бросил десятку на барную стойку.

– Угощение за мой счет, – сказал он и, обрадовавшись, что запомнил имена, добавил: – Пока, Билл. Пока, Лу. Пока, Мэй.

Худенькая усталая девушка, которая с утра решила сменить имя, медленно шла по Спрейг-стрит, поглядывая на полицейские мигалки, маячившие за шесть кварталов. *Жаклин*. Имя взрослой женщины. Опытной. Уж такая не измарается уличной грязью. Она выше этого. Держа туфли за ремешки, девушка шла босиком, чем ближе к мигалкам, тем медленнее. Господи, неужели еще одна? Девушка оглянулась, раздумывая, не взять ли такси. Майкл и Риса ждут ее в мотеле и, наверное, трахаются (Майкл, он еще тот говнюк), курят крэк или шмаль, которую раздобыла Риса. Даже на такси не поспеешь – все скурят.

До мигалок осталось пять кварталов, и Жаклин вспомнила полицейскую дамочку, которая накормила ее обедом и задавала странные вопросы о плохих клиентах. Чокнутые попадались. Один такой драл ее неделю назад. Снял в «Лампе» – баре, где она иногда работала. Жаклин его все разглядывала, но узнала только в мотеле, когда уже сделали дело и мужик слегка дрожащими руками отсчитывал деньги.

– Слушай, ты же учитель... биологии, верно? – сказала она. – Неполная средняя в Риджвью.

Мужик промолчал.

– Я Рэй-Линн, не помнишь? Ты у нас преподавал в восьмом классе.

Мужик смотрел сквозь нее.

– Конечно, вряд ли ты меня помнишь. Я проучилась всего два месяца. – Она пожала плечами – мол, не бери в голову, – хоть было обидно, что ее не помнят. – Ну, до сих пор учительствуешь?

Мужик молчал.

– Ты не бойся, я никому не расскажу, что ты...

Мужик так странно смотрел, будто сотворил с ней какую-то гадость. Блин, знал бы он, какие встречаются чокнутые уроды... Вот с Майклом совсем по-другому – в нем растворяешься и хочешь вместе проснуться. Однако пятьдесят баксов на дороге не валяются, а ее не убудет. Надо бы как-нибудь приободрить мужика, но что ему скажешь?

Она собралась и свалила.

Может, не стоило рассказывать о нем полицейской тетке? Но та ведь спросила о мужиках, от которых жуть берет. А молчун и впрямь был жутковатый. Жаклин достала из джинсов визитку. «Детектив Каролина Мейбри, особый отдел». Глянув оборотную сторону, засунула карточку в

карман.

Жаклин прислонилась к лавке автобусной остановки. К мигалкам идти не хотелось. Может, там эта тетка, опять полезет с расспросами. А то и вообще захомутают, уже под настоящим именем. Ну их к бесу.

За ее спиной высилась сетчатая ограда конторы, торговавшей катерами и лодочными прицепами. Всю прошлую осень и зиму девчонки водили сюда клиентов. Тогда Жаклин еще не законтачила с Майклом и ходила под Паленым. Каюты – классное местечко, большая экономия на мотеле. Но потом хозяину надоело из шланга смывать использованные гондоны, он установил ограду и завел ночных сторожей. Паршиво. Ей нравились эти большие, роскошные катера.

Жаклин прикинула к ограде. Вон шкандыбают сторож – как его, Пол, что ли? Светит фонариком. Седой, сутулый, хромой, но для дедка еще очень даже ничего. Здорово – подсматриваешь, а он и знать не знает.

Беззвучно мурлыча песенку, старик брел меж катеров. Вот остановился перед огромной яхтой, погладил корпус.

– Ну чё,пустишь меня, Пол?

Старик вздрогнул и, осветив ее фонариком, улыбнулся:

– Привет, девонька. – Всех шлюх он называл «девоньками». – Надумала купить катер?

– Смотря какой. Чего присоветуешь?

Костлявый старик привалился к яхте:

– Бери эту красавицу, не ошибешься. Правда, здесь только один встроенный телек.

– Фигово. Во что обойдется?

– Смотря по запросам. Команду наберешь?

– Нет. Никаких мужиков на борту.

Старик посмотрел на яхту:

– Когда-то у меня была лодка. Я говорил?

Он всякий раз об этом рассказывал, но Жаклин потрясла головой.

– Не чета этим кадиллакам. – Пол медленно пошел к ограде. – Просто рыбацкая лодочка. Подвесной мотор и сиденье для рулевого. Я тогда только-только ушел на покой.

– И что случилось?

– С лодкой или покоем?

– Ну, с обоими.

– Лодку продал. После смерти жены покоя не вышло. – Пол усмехнулся. – Тогда сынок пристроил меня в красочный мир ночных сторожей. И вот я здесь.

– А сколько тебе лет-то?

– Шестьдесят восемь. Но выгляжу на шестьдесят семь. – Пол подошел к ограде и осветил фонариком на руки Жаклин – явно искал «дороги». – Как ты-то, девонька? Не шалишь? К лодкам моим не шастаешь?

– Нет, веду себя хорошо. Сколько там натикало, Пол?

– Начало четвертого. Ты уже отработала?

– Да. Дома парень заждался.

– Вызвать тебе такси?

– Не надо. Спасибо за беспокойство.

Пол глянул на улицу:

– Там что, нашли еще одну девоньку?

Жаклин кивнула.

Старик пожевал губами:

– Пора тебе завязывать.

– Еще две недели, и все. – Это был стандартный ответ всем, кто советовал завязать, – надзирающим чиновникам, наркологам и тетке, в больнице раздававшей бесплатные презервативы. Всякий раз Жаклин работала последние две недели.

– Чего-то давно тебя не видел, – сказал Пол.

– Подрядилась в стриптизерши, где-то у черта на куличках. – Жаклин дернула плечом. – Приезжаю, а там мужик, что меня уговаривал, и его дружки. Говорят, сначала будет *прослушивание*, мол, отбою нет от желающих заголиться в новом клубе.

– А ты что?

– Тридцатник, говорю, вафля, полтинник пистон. Халявы, говорю, не будет никому, даже хозяину клуба. – Жаклин усмехнулась: – Вот если б кутила вроде тебя захотел дармовщинки...

Старик помотал головой:

– Не, я избегаю юных красоток. Чтоб, знаешь ли, не опозориться.

Жаклин вспыхнула, услышав, что она красotka. Ей нравилось балаболить с такими безвредными дедками. Прямо как в кино.

– И выходит, ты от *меня* ждешь халявы. – Пол осветил себя фонариком. – Думаешь, за такое старье много не запросят?

– Хохмач ты. – Жаклин откачнулась от ограды. – Пойду, пожалуй.

Пол просунул пальцы сквозь сетку:

– Береги себя.

– Спасибо. – Жаклин мазнула ладошкой по его пальцам и отошла. На улице огляделась. В конце квартала стоял пикап. Человек в нем поджидал ее и улыбался.

Перед ее домом они сидели в машине Дюпри. Смешно. Вечер начался с того, что она изображала девку, готовую перепихнуться в машине клиента, и закончился в машине мужчины, с которым ей хотелось переспать.

– Плохая идея, – сказала Каролина.

– Вот как? – переспросил Дюпри. Он предложил включить ее в свою группу, поскольку она ладит со шлюхами и сталкивалась с Ленни Райаном. Каролина сразу не ответила, Дюпри отвез ее домой, и вот теперь они сидели в его машине. – Вы не хотите работать по этому делу?

Каролина улыбнулась:

– Нет, я об идее переспать с вами.

– Я не... – Дюпри осекся, словно его застали врасплох. – Я зову вас в группу не потому, что хочу с вами переспать.

– Но вы не будете отрицать, что эта мысль вас посещала. Меня тоже. И я считаю, идея плохая. Была и есть.

Дюпри почесал затылок, сглотнул и усмехнулся:

– Многие прекрасные вещи начинаются с плохой идеи.

– Дело не в том, что я этого не хочу – Она коснулась его руки. – Наверное, было бы легче, если б это ничего не значило. Просто похоть.

– Я могу быть похотливым.

– Нам с вами похотью не ограничиться.

Дюпри хотел возразить, но не сумел.

– Такое впечатление, будто меня обвиняют в том, о чем я даже не заикнулся.

– Я вас не обвиняю. Ну вот смотрите: я живу с подростком, который за полгода не издал ни единого членораздельного звука. И я довольна, поскольку избавлена от необходимости говорить, что больше не хочу с ним жить.

– А вы не хотите?

Каролина лишь покосилась на него. Даже посмотреть ему в глаза сейчас казалось совершенно плохой идеей.

– Нет, – твердо сказала она, как будто себе.

– Точно?

Каролина кивнула и повторила:

– Нет.

Оба уставились в окошки. Дюпри рассмеялся, за ним Каролина.

– Надо было шесть лет назад это сделать и успокоиться, – сказала она. – Сейчас, наверное, уже не получится.

– Я не *настолько* старый.

Помолчали. Дюпри прокашлялся:

– Послушайте, я не хотел...

– Вы ни при чем. Через пятнадцать минут я попросила бы вас отвезти меня в мотель.

– Может, я подожду?

Каролина стиснула ему локоть, открыла дверцу и вышла из машины.

– Значит, я попрошу, чтобы вас включили в мою группу.

– Считаете, я справлюсь? – серьезно спросила Каролина.

– Считаю.

Тянуло ночной прохладой. Каролина раздумывала.

– Хорошо, – согласилась она.

– Вот и ладно.

Дюпри завел мотор, Каролина прощально вскинула брови и захлопнула дверцу. Взглядом проводив машину, пошла к дому. В ту ночь, когда они чуть не переспали, Дюпри выдал дурацкое сравнение с гольфом. Милый разговор под одеялом. И дело было даже не в прозе второй попытки. А что потом? Вот какая мысль печалила и отдаляла от него. Останутся пустота и гадкое чувство, что с Каролиной он изменил жене и лучшему в себе.

Она вошла в дом, поставила сумку на пол. В гостиной кто-то сопел. Наверное, Джоэл. Каролина включила свет и увидела отца, который одетым спал на кушетке, из-под одеяла выглядывал седой ежик волос.

– Папа?

Отец вздрогнул и ошалело открыл глаза.

– Я ждала тебя только завтра.

Он сел и растер лицо, на котором заметно прибавилось морщин, а седина мерцала уже и в щетине.

– Я был по делам в Сиэтле и выбрался на день раньше. Джоэл встретил меня в аэропорту. Я тут прилег, ничего?

– Конечно. А Джоэл...

– Спит. – Отец зевнул. – Где ты была?

Каролина подседа к нему и взяла его крупную руку в поросли темных волосков. Погладила выступавшие вены, крепко сжала ладонь и привалилась к плечу. Только сейчас она почувствовала, как устала. Хотелось спать, хотелось плакать. Двухтонным грузом давила мысль о

предстоящей работе. Перед глазами маячили мертвая девушка в холодильнике, Паленый на краю плотины, мать, ускользающая в небытие. Стало ужасно одиноко и страшно, как ребенку, которого уложили в кроватку. Покойники, Джоэл, Дюпри, папина рука... Каролина уткнулась лицом в отцовское плечо.

– Ничего, – прошептал отец. – Поплачь, детка, поплачь. Ничего.

Она еще плакала, когда через десять минут зазвонил ее мобильник.

Жаклин злилась. На переднем сиденье пикапа она дрочила мужику, а тот, сволочь, сдерживался, чтобы не кончить. Вообще-то ей похер, кто чего любит, но на сегодня она уже отработала, и не хрена обыкновенную дрочку превращать в любовные игрища. За сорок баксов всего лишь отдрочить – несусветная удача, и все же... Да еще в машине воняет чем-то непонятным. Может, слинять? Но мужик рядом, и уж больно деньги хорошие. Кончал бы он скорее, что ли?

Мужик здоровенный – вон какие ручищи и шея как у быка. Жаклин передернуло, когда болт закрыл глаза и простонал: «Так... еще... засоси...» Вот этого она терпеть не могла. Спасибо, что имя не выкрикивает. Были такие, кто воображал давнюю подружку, сослуживицу или даже сестру. Да плевать-то сто раз. Противно только, что какие-то несчастные бабы знали с этими мудаками.

Мужик захрюкал, и Жаклин отвернулась к окну, чтобы не видеть его рожу. А вот Риса обожала смотреть на кончавших мужиков – утверждала, что в этот момент даже самые крутые болты совершенно беспомощны, делай с ними что пожелаешь, хоть замочи. Жаклин шибко сомневалась, что сумела бы с кем-то справиться. Беспомощные-то они недолго. Жаклин покосилась на мужика – зараза, теперь себя щиплет, чтобы сдержаться. Она приостановилась. Уже и рука устала, а болт прям готов отрезать себе яйцо, лишь бы не кончить.

– Ну же, давай.

И тут он словно сбесился: крепко взял ее за шкуру и пригнул ее голову к своим коленям. Хватка у него прям железная. Жаклин сообразила, чем воняло в машине – хлоркой. Вторая рука мужика нащупала ее шею...

Пальцы сомкнулись на ее горле, и Жаклин отметила настораживающую деталь: мужик был в замшевых водительских перчатках. Она вдруг поняла, что ее не душат, а пытаются сломать шею. Риса всегда остерегала ее от низеньких крепышей – они злые на весь белый свет.

Мужик зарычал, точно пес, и Жаклин, поняв, что сейчас умрет в этом пикапе, покорила тому, что давно знала: болты сильнее и этим все заканчивается, когда они справят свое дело. Еще в шесть лет она разглядела в мужских глазах эту мерзкую возбужденность и злость, непроглядную тень и тьму. Все девчонки помалкивали о самой скверной стороне их

ремесла: незлых мужиков не бывает, и для большинства из них секс – всего лишь изнанка хорошей взбучки.

Стояк отморозка это подтверждал. Не думая, Жаклин схватила мужика за яйца: она не пыталась спастись, просто здорово разозлилась. Мужик чуть ослабил хватку, и Жаклин что есть мочи сжала кулак, сломав ноготь. Болт попробовал вывернуться, но она своим весом придавила его к сиденью.

Потом вскинула другую руку и саданула его в кадык, как учил Майкл. Мужик всхлипнул, поперхнулся и разжал пальцы. Воспользовавшись моментом, Жаклин толкнула дверцу, вывалилась из пикапа и, полоща руками, пустилась наутек. Из машины неслись стоны, заглушавшие шлепанье ее босых ног по асфальту. Миновав строй связанных цепью тележек на магазинной парковке, она бросилась в кусты. Сзади пикап одновременно взревел мотором, скрежетнул передачей и взвизгнул покрышками.

Она понимала, что надо запомнить номер машины, но распласталась рядом с пустым бидоном, из которого несло скисшим молоком, и не могла шевельнуться. Саднило горло, хотелось заплакать.

Пикап рыскал по окрестностям. Потом фары мазнули по стене магазина. Жаклин затаила дыхание, но обошлось, машина уехала. Жаклин замерла. Через пару минут пикап вновь миновал парковку.

Пора, решила Жаклин. Она вскочила и кинулась вдоль фасада магазина, извещавшего о скидке на подгузники. До мотеля, где жил Майкл, было около мили. Дыхание сбилось мгновенно. В горле как будто открытая рана. Она не ждала от Майкла защиты (и презирала шлюх, путавших сутенера с дружкой), но сейчас мотель казался самым безопасным местом.

Они с Рисой решили подкалымить, и Майкл их напутствовал: поаккуратнее там. Даже назвал ее настоящим именем и все такое. Ведь говорили ей, дуре набитой: осторожнее. Так нет, она лезет в первую попавшуюся машину. Да еще в ночь, когда опять нашли убитую девчонку. Это уже перебор. В стороне от оживленных улиц и ярких перекрестков Жаклин бежала по разбитым тротуарам, ныряла под деревья, укрывалась за припаркованными машинами, а тень ее скакала по чохлым лужайкам, освещенным крылечными фонарями. Казалось, забегу этому не будет конца.

Мотель был неподалеку от Ист-Спрейг и съезда с Третьей авеню. Многие шлюхи приводили сюда клиентов, однако Жаклин предпочитала работать в машинах. На вывеске никакого названия, просто «Мотель». Дождавшись, когда не будет машин, Жаклин пробежала к двухэтажному

дому на другой стороне улицы. Она чуть успокоилась, однако шея уже болела всерьез. Жаклин миновала администраторскую и посмотрела на площадку второго этажа. Наверное, Майкл и Риса все выкурили. Какого черта она вообще связалась с этим козлом, когда здесь ее ждала доза? Она уже почти поднялась на площадку и тут в окно увидела темно-красный пикап с белокрасным тентом, остановившийся под фонарем в конце парковки.

Жаклин прижалась к стене. Из машины никто не вышел. Наоборот, кто-то сел в машину. Риса.

Жаклин хотела крикнуть, но лишь беззвучно открыла рот. Риса забралась на сиденье, захлопнула дверцу. Машина не двигалась. Жаклин спустилась на ступеньку потом еще на одну. Пикап отъехал.

Жаклин взлетела на площадку и забарабанила в дверь номера, но никто не ответил. Она вошла в незапертую комнату. На столе две пустые пивные бутылки. Больше ничего. На кровати вывернутая сумочка Жаклин, Майкла нет. Ошпарила мысль: кранты – мужик как будто знал, где ее искать. Бедная Риса. Надо литься как можно скорее и как можно дальше от мужика в красном пикапе. Может, даже уехать домой. Кольнула вина, но Жаклин сказала себе: Рисе ничем не поможешь.

Хотя один способ *есть*. Жаклин достала визитку полицейской дамочки. В комнате не было телефона, пришлось бежать к таксофону на углу. Кое-как приладив визитку на аппарат, Жаклин трясущимися пальцами натыкала номер. Казалось, сейчас ее вырвет.

Через три гудка тетка ответила; похоже, она плакала.

– Вы полицейская дамочка? – Жаклин сама не узнала свой хриплый, задыхающийся голос.

– Кто это?

Слова полились потоком:

– Неважно эта сволочь хотела меня задушить я убежала а сейчас видела как Риса с ним уехала помогите ей господи!

– Не тарахти, – сказала тетка. – Это ты, Жаклин?

Она не сразу вспомнила свое новое имя.

– Да сделайте что-нибудь красный поехал на Спрейг.

– Погоди. Скажи, где ты сейчас.

Жаклин бросила трубку и, задыхаясь, оставилась на аппарат. Пропади все пропадом. Она прижала кулаки к лицу и разревелась. Надо рвать отсюда. Скорее. Жаклин вышла из будки, но вернулась и забрала визитку Каролины Мейбри.

Часть третья

Июнь. Огненная проповедь

Справка особого отдела
Дополнительный отчет

Секретно

Дата: 4 июня

Номер(а) дел(а): 01-10643, 01-20054; 01-20154-А, 01-20159, 01-20161, 01-20179, 01-22390, 01-24911, 01-25212, 01-26055.

Подозреваемый: Леонард М. Райан и/или неизвестные лица

Преступление: убийство (не единичное)

Следователь: сержант Алан Дюпри

Отдел: группа по серийным убийствам

Факты. 21 мая около 11.00 детектив особого отдела Каролина Мейбри увидела белого мужчину, в котором предположительно опознала Леонарда Миллера Райана (род. 20.07.1963). В тот момент Райан подозревался в совершении двух убийств, а также в покушении на убийство и грабеже (см. прилагаемые дела). Детектив Мейбри видела, как мужчина подошел к молодой проститутке – белой, примерно двадцати лет, назвавшейся Жаклин, – с которой незадолго до того провела беседу. Чтобы удостовериться в личности мужчины, детектив Мейбри вернулась на место, где видела «Жаклин» и предположительно Райана, однако там уже никого не было.

В тот же день около 23.00 детектив Мейбри, участвовавшая в полицейской облаве, увидела белого мужчину, в котором уверенно опознала Райана. По улице, расположенной между Спрейг и Первой авеню, детектив Мейбри проследовала за объектом и на Магнолия-стрит обнаружила труп белой женщины, помещенный в холодильник. В результате расследования была установлена личность мертвой женщины – Андреа Джин Маккри, род. 13.02.1981. Причина смерти – удушение. Повреждены гортань и трахея. Огнестрельное ранение в грудь посмертно нанесено из оружия 38-го калибра. На запястьях остались следы веревок, однако признаки сексуального насилия не обнаружены. У этой жертвы тоже обломаны ногти нескольких пальцев, что, возможно, говорит об оказанном

сопротивлении, но под сохранившимися ногтями образцы тканей не найдены. Маккри принадлежала к «группе риска» – наркотики, проституция. Вскрытие определило приблизительную дату смерти как 14 мая, то есть за семь дней до момента обнаружения тела. Два нечетких отпечатка пальцев, найденных на дверце и/или ручке холодильника, совпали с отпечатками Леонарда М. Райана.

Примерно пятью часами позже, в 04.50 22 мая, поступил звонок на сотовый телефон детектива Мейбри. Женщина, опознанная детективом Мейбри как «Жаклин», заявила, что белый мужчина, владелец красного автомобиля, пытался ее задушить. Потом она видела, как другая проститутка по кличке Риса села в эту машину. Передав информацию патрульным нарядам, детектив Мейбри проехала к мотелю в районе Ист-Спрейг, однако ни «Жаклин», ни «Рисы» там не оказалось. Попытки установить личности и местонахождение этих проституток, а также местопребывание Леонарда Райана результатов не дали.

В последующие две недели оперативная группа сосредоточилась на Райане как главном подозреваемом в нераскрытых делах об убийстве минимум четырех и исчезновении двух проституток. После публикации в местной газете (см. прилагаемую статью «Улицы страха: полиция не особо усердствует в поимке маньяка») мне велели представить данный отчет о проделанной работе и объяснить явную затяжку в составлении профиля преступника. Во исполнение последнего я попросил помощи у отдела поведенческого анализа и командировал детектива Каролину Мейбри в Новый Орлеан, Луизиана, – побеседовать с отставным аналитиком ФБР.

Предыстория. Ленин Райан – главный фигурант в деле об убийстве Кевина Хэтча по кличке Паленый, совершенном 28 апреля. Хэтч и фигурант, проводившие наркосделку, пытались бежать от сотрудников особого отдела. Спасаясь от преследования, Райан сбросил подельника в реку Спокан. Тело Хэтча не найдено, он числится мертвым. Райан сбежал (см. дело № 01-10643).

В тот же день меня и детектива Полларда вызвали на убийство, совершенное на Саут-Стоун, 900. Смерть потерпевшего наступила в результате травмы головы, нанесенной тупым предметом; газовый ключ, орудие убийства, найден на месте преступления. Жертва – Алберт Стэнхаус, род. 01.07.1937. Расследование выявило, что он приходился дядей Леонарду Райану. По фотографии соседи опознали Райана в молодом человеке, который поссорился со Стэнхаусом, а затем уехал в его машине. Позднее автомобиль обнаружили на стоянке грузовиков на 395-м шоссе

(см. дело № 01-20159).

29 апреля Дэниэл С. Меллинг, род. 04.09.1962, владелец ломбарда на Норт-Дивижн, 900, подвергся ограблению и получил огнестрельную рану в лицо. По фото он опознал Райана в человеке, который в него стрелял, а перед тем предъявил квитанцию на браслет, заложенный проституткой, впоследствии убитой.

Независимое расследование, проведенное мной и детективом Поллардом, установило личность этой проститутки, находившейся в связи с Леонардом Райаном, – Шелли Нордлинг, род. 16.09.1972 (см. дело № 01-20161). В 1996 г. Нордлинг вместе с Райаном была арестована за хранение наркотиков с целью сбыта и дала показания против него. В конце 1999 г.

Нордлинг перебралась в Спокан, где занималась проституцией. 8 февраля сего года она была убита, ее тело нашли неподалеку от места, где 21 мая также обнаружили труп. Райан не подозревается в ее убийстве, поскольку в то время отбывал наказание в Ломпоке, Калифорния.

Райан освобожден 5 марта и тотчас нарушил правила УДО. С тех пор его местонахождение неизвестно. Экспертное заключение и опрос свидетелей (см. прилагаемые протоколы) позволяют датировать смерть первой жертвы 1–2 апреля, когда Райан уже был на свободе.

Дэвид Нордлинг, приемный отец убитой проститутки, проживающий в Ричмонде, Калифорния, показал, что примерно 16–18 марта под видом полицейского к нему явился человек, соответствующий описанию Райана. Мистер Нордлинг отдал ему обувную коробку с личными вещами приемной дочери, полученную от споканской полиции. Позже коробка была обнаружена возле холодильника, в котором 21 мая нашли труп Андреа Маккри.

Не представляется возможным с уверенностью определить местонахождение Райана в период с 20 марта по 4 июня – времени убийства четырех и исчезновения двух проституток.

Текущая стадия. Продолжается расследование. После отработки множества версий установлен главный подозреваемый – Леонард Райан. Возможный мотив для убийств – гибель Шелли Нордлинг, смещенный гнев (см. определение в прилагаемых материалах ФБР, полученных от отдела поведенческого анализа).

После критики в местных средствах информации руководство полицейского управления предложило мне извиниться перед спецагентом ФБР Джеффом Макдэниэлом за мои «грубость» и «безразличие» к его обаянию и уникальным талантам. Кроме того, мне велели связаться с

Кёртисом Блантоном, бывшим сотрудником ФБР, ныне консультантом по вопросам правопорядка. Дано указание от обоих специалистов получить их оценки почерка и методов преступника, подтверждающие, что главный подозреваемый определен верно. С этой целью детектив Мейбри, безусловно работающая в группе, вылетает в Новый Орлеан, Луизиана, дабы получить экспертное заключение мистера Блантона и его общую оценку расследования.

Рекомендация. 2 июня по телефону я связался со спецагентом Макдэниэлом в Сакраменто, где он оказывал помощь в расследовании серийных убийств. Мистер Макдэниэл принял мои извинения и уведомил, что нашим делом сможет заняться не раньше чем через месяц. В тот же день я телефонировал Кёртису Блантону, и тот в недвусмысленных выражениях известил об отсутствии интереса к нашему делу, а также пренебрежении к усилиям группы. После этого я рекомендовал уважить занятость мистера Макдэниэла и просьбу мистера Блантона оставить его в покое и самим «поднатужиться». Однако через два дня начальство, не поставив меня в известность, переслало мистеру Блантону все материалы дела, из чего я заключаю, что мою предыдущую рекомендацию восприняли как кучу дымящегося дерьма, и посему прошу прощенья, если недостаточно тужусь, выдавая очередную порцию бессмысленных мнений.

Дополнение. Сегодня, 5 июня, в 08.00 меня известили, что ночью Дэниэл Меллинг, хозяин ломбарда, умер от осложнений, возникших в результате ранения. Обвинение против Леонарда Райана в покушении на убийство переквалифицировано в обвинение в убийстве первой степени.

В детстве Каролина называла восход «Мистер Розовое Солнце». Ей нравилось удивление отца, когда утром, спускаясь по лестнице, он видел свою раннюю пташку: закутавшись в одеяло, в пижамке-комбинезоне она сидела на подоконнике и ловила мельчайшие перемены в оттенках горизонта, отмечавших рассвет. С годами ее увлечение восходом стало исследовательским – она пыталась зафиксировать точный момент наступления утра. Каролина приказывала себе сосредоточиться, но каждый раз отвлекалась на всякую мелочь вроде причудливого облака, сосновой хвои или росы на лужайке, и момент ускользал, а он-то, возможно, и был решающим, поди знай. Ее словно обкрадывали, а сгинувшие моменты казались предостережением: отвлекаясь на *житейские* мелочи, можно проморгать саму *жизнь*. В следующий уик-энд Каролина еще затемно усаживалась на подоконник и, сосредоточенно вперившись в горизонт, впадала в некое подобие транса.

По лестнице спускался отец, заправляя в штаны фланелевую рубашку, которую носил по выходным, а она смотрела и смотрела на горизонт, хотя в глазах уже все сливалось. Сморгнув огненные пятна, Каролина улыбалась отцу, и они, если была суббота, надевали куртки и вдвоем выходили на улицу. Мама и брат еще спали, на востоке догорали угольки рассвета.

«Поразительно, – иногда говорил отец. – Девяносто пять процентов людей пропускают самые красивые минуты дня».

Маршрут субботних прогулок лежал через мост на Монро-стрит. Одна ладошка Каролины пряталась в отцовой руке, а другая бежала по бетонным перилам, сквозь балясины которых мигал водопад.

«Высокая вода», – говорил отец. Или: «Запоздалый сброс». Или: «Наверное, перекрыт водосток». Или еще что-нибудь, но его замечания никогда не повторялись. Он столько всего знал о плотинах и воде в разные времена года. Они переходили через мост, и Каролина оборачивалась к плотине, подманившей к себе реку. Однажды увидела, как мусор – пустые бутылки и картонные коробки – кружится в водовороте и исчезает за краем плотины.

В бакалее отец покупал газету, рогалики себе и маме, пончики Каролине и Питеру, и тем же путем они шли обратно. Каролина знала, что отведаст пончик не раньше чем пробудится братец-соня, но не роптала, потому что ее ждали еще час с папой и откровения зарождающегося дня.

Рука Джоэла легла на ее плечо и вернула в реальность.

– Все хорошо?

В зале вылета Каролина, замороженная восходом на горизонте, стояла у большого окна.

– Проморгала, – усмехнулась она.

Джоэл обернулся к выходу, где посадка только началась:

– Да нет, еще пропускают тех, кто в хвостовом салоне.

Каролина посмотрела на него. Джоэл прятал глаза, точно ребенок, который боится сказать что-нибудь невпопад. Она взъерошила ему волосы – пальцы ее пробежали, словно ветерок по стерне.

– Я думала о другом.

Джоэл кивнул, но не спросил – о чем.

– Книги не забыла?

Каролина открыла сумку и достала две книги в мягком черном переплете с одинаковыми фотографиями на задних обложках: слегка косоглазый и весьма толстый Кёртис Блантон, ведущий специалист по серийным убийствам, бывший агент ФБР. Он сделал себе имя на изучении и допросах психопатов, самым известным его подопечным был Тихоокеанский Убийца, взявший в привычку мусорить на Тихоокеанском шоссе мертвыми шлюхами. Сейчас Блантон находился в свободном полете – сотрудничал с полицейскими управлениями и выступал консультантом в кино и на телевидении. Написал две книги – «Охота за самыми известными американскими убийцами» и «Отлов самых известных американских маньяков». Каролину замутило, едва она собралась глянуть эти творения в интернете. Вместо имени автора набрала в поисковой строке «серийный убийца». Результат: издано восемьдесят шесть книг о серийных убийцах. Заголовки вопили: «потрясающие» и «кошмарные» убийцы, «невероятные» и «сногшибательные» истории. Энциклопедия серийных убийц. Коллекционные карточки. Самиздат практического пособия. Вместо рабочей информации целый литературный жанр. Городская зараза обернулась бурно развивающейся отраслью. Сейчас какой-нибудь Жаклин цена баксов двести в день, пока не увянет, не загнетса от СПИДа и гепатита или не схлопочет пулю взбешенного болта. Но если она попадет в лапы чудовища, может удостоиться главы в подобной книжонке или даже стать собирательным образом в минисериале.

Книги Блантона доставили два дня назад. Описания серийных убийств опротивели мгновенно. В них было столько узнаваемых деталей, что сочинения эти выглядели чуть ли не предсказанием. Мало того, они представляли собой странную смесь смачных подробностей и

психиатрических гипотез, состоявших из наобум спаренных терминов популярной психологии: «психосексуальная объективация», «модель посткоитально-посмертной одержимости».

Каролина кинула книги обратно в сумку.

– Чем без меня займешься? – спросила она.

Джоэл пожал плечами:

– Потусуюсь. Может, с Дерекком и Джемем полазаю по скалам. Буду ждать тебя.

После смерти ее матери он стал очень внимателен. А после короткого визита отца просто милым.

Может, папа ему что-нибудь сказал? Типа, ты уж поласковой с моей девочкой.

Джоэл поцеловал ее так нежно, что Каролина чуть сморщилась. Она пошла к выходу, опять вспоминая отца. Раньше в деловые поездки его провожали всей семьей. Уходя на посадку в самолет, он всякий раз оборачивался на полпути и махал одними пальцами, как машут ребятишкам. Последний раз Каролина сама отвезла его в аэропорт. Они хотели разобрать мамини вещи, но тут ее подключили к группе Дюпри, и выходные пропали. Разборкой решили заняться летом, Каролина обещала, что в августе возьмет отпуск. Но все равно казалось, будто они сделали нечто важное, и Каролина немного простила отца. По крайней мере, так ей казалось, когда на полпути в посадочный рукав отец обернулся. Каролина ждала, что он ей помашет, но отец лишь печально улыбнулся. Его обтекали другие пассажиры. Долгие секунды он смотрел на нее, потом скрылся.

– Мэм? – Контролерша ждала билет, и второй раз за утро Каролина вырвалась из хватки воспоминаний. Она подала талон, закинула сумку на плечо и пошла в самолет. На полпути в рукав обернулась, чтобы помахать Джоэлу. Но тот уже ушел.

Девчонка-вратарь шла прямо на Марка Дюпри. Парой финтов он освободился от опеки, вышел в свободную зону и собрался пробить, и тут девчонка покинула ворота и пошла на него, как и положено вратарю. Правда, одиннадцатилетние голкиперы редко следовали правилу. А эта пошла. Осклабившись брекетами и сузив глаза. Девчонка шла прямо на Марка. Большая.

– Бей! – крикнул тренер, но Марк замер: вес тела на одной ноге, другая носком уткнулась в газон – пластмассовый супергерой в миг бездействия. Девчонка, вышедшая из ворот, его обездвигила. Словно кто-то поставил фильм или игру на паузу, отлучившись в туалет.

Однако через пару секунд нерешительность сменилась страхом. Марк заставил себя очнуться и, сместившись вправо, ударил по мячу. Подоспевшая девчонка ударила с ним одновременно. Казалось, кто-то грохнул в барабан, а мяч застрял, зажатый двумя ступнями. Инерция протащила Марка вперед, и он, кувырнувшись через девчачью ногу, навзничь грохнулся на газон. «Футбол – дрянь, – подумал Марк. – Лучше бы играл в бейсбол, как в прошлом году».

Он психанул и кинулся вслед за черно-белым мячом, от вратаря перелетевшим к защитнику и дальше к славному пареньку из «Пик», который, по слухам, уже щупал девчонку, взрослую семиклассницу, а сейчас мчался по правому краю. Тренер учил не гонять мяч «сломав голову» или чего там, а играть позиционно, но Марк – морда красная, зубы стиснуты – забыл все наставления и, пыхтя как паровоз, летел к своим воротам.

В центре поля его настиг зычный вопль тренера: «Дюпри-и-и!!!» – но Марк им пренебрег и продолжил погоню. Славного паренька, изготовившегося к финту, он нагнал уже в своей штрафной и с разгону в него врезался в лучших традициях американского футбола. Второй раз за последние полминуты Марк оказался на газоне. Рядом лежал оглушенный соперник с расквашенной губой. Вдруг захотелось поинтересоваться, как это – щупать девчонку.

Судья назначил пенальти и показал Марку желтую карточку. Тренер испепелил его взглядом, но Марк украдкой смотрел на зрителей, надеясь отыскать отца. Наконец он его разглядел в кучке родителей с видеокамерами: отвернувшись от поля, отец, жестикулируя, говорил по

дурацкому мобильнику. Тренер выпустил Эндрю, а Марк побрел за боковую линию.

– И чего ты добился, гоняя сломя голову? – сказал тренер. – Ты уже пятиклассник, Дюпри. Пора поумнеть.

Марк плюхнулся на ящик-холодильник между тренером и отцом, который так и стоял спиной к полю.

– Да, я обороняюсь, – говорил он в телефон. – И вы бы оборонялись, если б через вашу голову просили какого-то отставника *оценить* вашу работу. – Отец помолчал. – Я знаю, кто он такой, я смотрю телевизор. Послушайте, лейтенант, я обратился к нему за помощью, но он четко ответил, что у него есть дела поважнее. – Пауза. – Он со мной разговаривал, как рок-идол с фанатом. А я, значит, вынужден посылать своего лучшего сотрудника в Луизиану, чтобы мистер Тюфяк прочел наши рапорты, поковырял в жирной заднице и выдал психологическую белиберду про то, как Ленни Райан сдвинут на шлюхах. Да пошел он на хер!

Марк глянул на других родителей. Кое-кто обернулся, когда отец возвысил голос, и, посмотрев на Марка, вновь отвернулся к полю. Славный паренек из «Пик» утер кровь, установил мяч и пробил пенальти как последний слабак: мяч прошел в пяти футах от правой штанги. Марк опять посмотрел на отца. Раньше тот никогда не ругался. Только однажды сказал «бляха-муха», когда Марк уронил машинку в систему рециркуляции воздуха. Другие взрослые матерились, и это всегда выглядело как-то странно – словно они чокнутые или уголовники. А может, хотели выпендриться перед одноклассниками своего сына. Марку было неприятно думать, что и отец такой же.

– Я не оправдываюсь. – Отец потер лоб. – Но когда я прочел письмо начальства, где оно лижет задницы хмырям из ФБР... наверное, меня занесло.

Без брани разговор казался скучным. Видимо, отец говорил о делах, из-за которых теперь жил на съемной квартире. Возможный развод родителей не особо пугал. Поначалу-то Марк взъерепенился, но потом увидел, что мать не сильно горюет, а отец по-прежнему водит его и Стейси поесть пиццы и гамбургеров. И потом, некоторые ребята, чьи родители развелись, получали еще больше подарков – вот, скажем, кухне Андреа купили телефон и игровую приставку.

– Если б Райан был в городе, мы бы давно его взяли. – Отец шагнул дальше от поля. – Он сбежал, ему нет смысла тут оставаться. Но даже если он здесь, каким образом жирный отставник, который торчит в Новом

Орлеане, поможет нам его поймать? Вы слишком уж полагаетесь на федералов.

Скукота. Из ящика-холодильника Марк достал упаковку сока. Выпил. Покопался на тренера – может, вернет в игру? Но тот даже не глянул в его сторону.

Заканчивая разговор, отец подошел к скамейке запасных. Он говорил Марку, что из дома уходит временно – мол, вернется, как только они с мамой «кое в чем разберутся». Однако не похоже, чтоб они в чем-то разбирались, – просто избегали друг друга, и все. Марк заходил к отцу – квартира вроде нормальная, только по кабельному мало чего – и потом не знал, стоит ли говорить матери. Они с ней как будто вели нескончаемую игру, притворяясь, что отец умер. Отец иногда спрашивал о матери, но как спрашивают о больном, не особо интересуясь ответом. «Как мама?» – «Хорошо». – «Вот и славно».

Брайан сказал, что теперь отец заведет себе подружку. Марку мысль понравилась – может, увидит ее в одних трусах или еще чего. Но пока подружка не появилась, и, похоже, отец не собирался никого заводить.

– Это была шутка, лейтенант. Маленькая шутка в сухом отчете. – Отец послушал собеседника, кивнул и раз-другой хмыкнул. Мимо Марка он прошел к кромке поля и остановился меж двух родителей с видеокамерами. – Нет, сейчас явиться не могу. Я смотрю, как мой парень играет в футбол. Завтра первым делом. Сразу к вам.

Отец отключил телефон и сунул в карман. Потом, приняв беззаботный вид, сосредоточился на игре. «А ведь он и не знает, что меня заменили», – злорадно подумал Марк. Он смотрел, как отец взглядом обшаривает поле и постепенно понимает, что там нет того, ради кого он пришел на матч.

Это даже хорошо, что Марка заменили. А то бы и не узнал, что отец болтал по телефону и все пропустил. Потом сказал бы, что Марку не хватает игровой дисциплины, что нужно раньше отдавать пас и прочую муру, и Марк все принял бы за чистую монету. А по правде, отец даже не видел этой дурацкой игры. Поразительное открытие печалило и наделяло властью. Отец озадаченно вертел головой, и Марк уже хотел спрятаться за тренера, чтобы продлить удовольствие. Но тут отец обернулся и, увидев сына верхом, ухмыльнулся:

– Вот те на. Что за дела?

Марк только пожал плечами. Отец смотрел на него, и взгляд его стал странным, каким, вероятно, был взгляд самого Марка. Взгляд человека, вокруг которого все изменилось, и он умывает руки.

– С тобой все нормально? – спросил отец.

Все было прекрасно, но Марк, не ответив, устоялся на поле.

Бургунди-стрит воняла. Конечно, слабее, нежели Бурбон-стрит, где по бульжникам струился ручей извергнутых коктейлей, однако и здесь витало зловоние Французского квартала, жарким влажным потоком омывавшее узкие улочки, опоры провисших балконов и строй обветшалых домов. На углу Бургунди и Дюмэйн-стрит молодой белый парень – солнечные очки, куртка метрдотеля, плавки и шлепанцы – из садового шланга поливал тротуар, явно не стремясь навести чистоту, а лишь перемещая неопределимое месиво подальше от парадного входа.

– Эй, милашка! – Парень подмигнул, словно не блевотину смывал, а играл на пианино или в спортзале качал мышцы. – Куда разогналась-то?

Каролина даже не взглянула на него, пребывая во власти мысли, целый день ее изводившей: Французский квартал расположен ниже уровня моря. Как ни старалась, она не могла уразуметь того, что противоречило всем ее знаниям о воде. Здешняя жизнь была столь вялой, что невольно вспоминалось подводное царство. Днем, убивая лишний час, на пассажирском пароме Каролина прокатилась по мутной Миссисипи и поразились невзрачности великой реки, отнюдь не придававшей четкости окружающему миру Река текла в ритме вялого города. Спокан, хоть и был меньше, пробивал себе путь сквозь базальт и гранит и своей бурной суровостью, контрастной городу, напоминал укрощенного, но все равно опасного зверя. А вот Миссисипи была опасна, как городской квартал. Даже, наверное, меньше.

Услышав позади шаги, Каролина поняла, что метрдотель за ней увязался.

– Чё ж мы такие грубиянки, – сказал он.

Каролина резко развернулась, и парень чуть не налетел на нее. По опыту она знала, что большинство мужчин не выдерживают прямого взгляда. Парень был из их числа и тотчас стушевался.

– Не хочу быть невежливой, но я спешу, – четко выговорила Каролина без намека на извинение. И пошла прочь.

Парень опомнился, когда она отошла шагов на шесть.

– Ладно, ты знаешь, где меня найти! – крикнул он вслед.

Каролина свернула на Сент-Филип-стрит и на углу увидела бар «Кузня Лафитта» – от времени потемневшее деревянное строение, похожее на конюшню, которой некогда и было. Табличка извещала, что это старейшая

таверна в Америке. Дом как будто кичился своей мрачностью и облупившейся краской. Входная дверь имелась, а вот окон не было, и оттого внутренность бара напоминала дупло, выдолбленное в стволе доисторического дерева. На столах мигали свечи, и Каролина остановилась в дверях, давая глазам обвыкнуться. Вскоре она разглядела узкую барную стойку, миксер для «ураганов» и «зомби», кассовый аппарат и два пивных крана. Единственная электрическая лампа над стойкой освещала кассовый аппарат, на который смотрело и око видеокамеры, стерегущее вороватых барменов. Камера стала полной неожиданностью, и Каролина присмотрелась к залу. Теперь она увидела и другие источники света: неоновые стрелки на полу, указующие выход, и лампочки, освещающие лестницу на задах бара. Хозяин постарался спрятать все лампы и камеру, дабы вопреки противопожарным предписаниям сохранить для туристов старинный полумрак.

– Мисс Мейбри?

Кёртис Блантон оказался еще грузнее, чем на фото с обложки, особенно в области шеи, в которую впился расстегнутый воротничок рубашки. Пухлой правой рукой он болтал стакан с коктейлем (бурбон и еще что-то), левая покоилась на массивном загривке. Коротко стриженная борода, круглые очки, полыхающие мясистые щеки. Блантон встал и подал руку.

– Спасибо, что согласились встретиться, – сказала Каролина.

Она ожидала увидеть, что папки с делом разложены на столе или кипой высятся на стуле, но перед Блантоном стоял только стакан. Каролина села напротив, Блантон подал знак бармену.

– Впервые в Новом Орлеане?

– Да. Здесь мило.

Блантон окинул ее взглядом:

– Не слишком жарко?

– Нет, хорошо.

– Но здесь жарче, чем в Спокане, – сказал Блантон, и Каролина отметила, что произнес он верно, многие говорили «Спокейн».

– Вы бывали в Спокане? – спросила она и тотчас поняла, что сморозила глупость.

Блантон огорченно усмехнулся, как учитель, обнаруживший, что ученик не сделал домашнюю работу:

– Я работал по Убийце с Грин-Ривер. Один подозреваемый жил в Спокане.

Уильям Стивенс, вспомнила Каролина. Квитанции кредиток

подтвердили его алиби. А потом он взял и умер. И все равно бытовало мнение, что на его совести несколько жертв. В своей книге Блантон писал: он не считает Стивенса виновным, хотя почерк Убийцы с Грин-Ривер говорил, что не все сорок девять убийств совершены им.

– Конечно, надо было сообразить, – сказала Каролина. – Я прочла ваши книги.

– В самолете? – Блантон допил коктейль и помахал бармену стаканом.

Каролина хотела соврать, но раздумала:

– Да, в самолете.

Блантон покачал головой:

– Когда ваш руководитель... как его, Дюпри?

Каролина кивнула.

– Когда сержант Дюпри попросил консультацию, я ответил, что занят. Но ваш замначальника, с которым мы пересекались по делу Грин-Ривер, все равно прислал материалы. У меня, говорю, нет времени рыться в папках, а он – ничего, говорит, мы пришлем детектива, который все разжует и положит вам в рот. Меня, говорю, вырвет. Не страшно, отвечает. Я, говорю, не гарантирую, что хотя бы пролистаю материалы.

Бармен принес очередной стакан и взглянул на Каролину. Та помотала головой.

– Но вы их глянули? – спросила Каролина.

Блантон посмотрел на нее и уставился в стакан:

– Он белый. Возраст от двадцати четырех до сорока восьми. Ездит на американском седане. Женат не был. Эректильная дисфункция. Родом из вполне обеспеченной семьи, внешне добродушен и спокоен, но это не так. Травма, связанная с матерью. Покопайтесь – может, что-то явное, типа смерти или развода, или неявное, типа застал матушку во время полового акта. – Блантон усмехнулся. – Он смеется над тем, над чем смеяться не принято. Возможно, в детстве часто переезжал, или его лупили, или имело место нечто совсем простое типа позднего созревания. Но с рождения он классический свой/чужой и, пожалуй, не дает разбежаться своим тараканам, хотя по правде... – Блантон смолк и прихлебнул из стакана.

Каролина хотела достать диктофон, но Блантон покачал головой:

– Не надо. Лучше выпейте. Терпеть не могу пить в одиночку.

– Тогда я выпью «гибсон».

Блантон допил свой коктейль, точно воду, и подозвал бармена:

– «Гибсон» для дамы, мне повторить.

Бармен исчез.

– Я не работаю над двумя делами сразу, мисс Мейбри. Потому и ушел

из ФБР. В каждом деле свой язык, свое содержание. Помогать в вашем деле отсюда все равно что давать прогноз вашей погоды. Сколько у вас женских жертв?

Каролина отметила странный речевой оборот. Бармен поставил перед ней бокал с «гибсоном».

– Четыре верных. Кого-то, возможно, не обнаружили.

– Сколько из них шмар?

Каролина моргнула, но не отвела взгляд. Может, это проверка – как, мол, она реагирует на жаргон? В своих книгах Блантон прибегал к иным формулировкам, сухим и бесстрастным: «исступленная ярость проявлена через внедрение инородных предметов» и тому подобное.

– Все, – ответила Каролина. – Все проститутки.

– Сколько хронических наркоманок?

– Все.

Блантон ее разглядывал.

– Составить профиль довольно просто, мисс Мейбри. Изучаешь место преступления и создаешь полный портрет. Но тут...

Из кармана пиджака он достал фотографию и подал ее Каролине. Этаким школьный снимок на фоне синей драпировки в блестках. Девочка с брекетами, не старше двенадцати.

Блантон сыпал цифрами:

– За последние три года девятнадцать жертв в Новом Орлеане. Двенадцать проституток, пять наркоманок, сидевших на героине или кокаине, одна студентка и вот... – он щелкнул по фотографии, – пятнадцатилетняя девочка, которая смылась из дома на студенческую вечеринку в Тулейне, но, понятное дело, до места не добралась. – Блантон забрал снимок. – Все женщины добровольно сели в машину, всех оглушили и отвезли на болота. Примерно половина умерли от побоев, но другие были живы и, вероятно, в сознании, пока длилась эта кошмарная поездка. А теперь представьте моего субчика на болотах, а?

В последней фразе послышалась каджунская манерность. Снова помахав бармену пустым стаканом, Блантон без паузы продолжил:

– Ну вот, в одних случаях женщины живы. В других мертвы. Представили?

– Допустим.

– Как вы считаете, он по-разному себя ведет с живыми и мертвыми?

– Я не знаю.

– Как вам кажется?

– Наверное, вынужден по-разному.

– Наверное. Однако нет. Отметьте эту деталь. Ему все равно, живы они или мертвы. Плевать. Живых и мертвых он за волосы вытаскивает из машины. Насилует в вагину, потом в анус, затем все повторяет, но уже каким-нибудь предметом – обрезком трубы или, там, монтировкой...

Каролина все же отвела взгляд.

– Затем он принимается их избивать, но не монтировкой, а камнем или палкой, какие найдет. Вот тогда он убивает тех, кто еще был жив. Затем опять насилует, в том же порядке. Наконец придает жертвам позы – раздвигает им ноги и скрещивает руки на груди. Как долго он возится с каждой жертвой?

Каролина покачала головой, не в силах произнести ни слова.

– Ну же, сколько времени у него уходит?

Она опять покачала головой.

– От четырех до шести часов. Нет, понятно, возни много – изметелить, отдрючить, придать позу. Но от четырех до шести часов между первым и вторым совокуплением?

Бармен принес новый стакан, который Блантон, сделав паузу, осушил в два больших глотка.

– Дел невпроворот, но от четырех до шести часов? Чем же он занят в остальное время?

Каролину уже мутило, однако Блантон пялился на нее, не отпуская с крючка. Каролина сморгнула:

– Колесит по округе. Или сидит около жертвы. Накапливает ярость или что там у него. Фотографирует. Может, раскаивается.

– Ага. – Блантон покивал, словно радуясь достигнутому соглашению. – Вот и я так думаю. – Он вроде как немного смутился, сообразив, что в разговоре его книжное «совокупление с жертвой» превратилось в «изметелить и отдрючить». – Вы знаете, что я ответил, когда ваши попросили меня о консультации?

– Что вас это заинтересует, если убиты не только шлюхи.

– Что еще?

– Или если будут новые трупы.

– Именно так я сказал?

Каролина смотрела в свой бокал.

– Сержант Дюпри передал, что самонадеянный хмырь велел его не беспокоить, пока не достигнем двузначных чисел.

Блантон улыбнулся, одобряя точность изложения:

– Да, вот так я и сказал. Двузначные числа. Вы любите бейсбол, мисс Мейбри?

– Нет.

– Бейсбол – это сплошь статистика. Вот что мне в нем нравится. Цифры. У вас кучка трупов, это низшая лига. Здесь у меня девятнадцать штук. Высшая лига. Тридцать один труп ждет меня в Ванкувере. Всего двенадцать в Детройте, но там две домохозяйки. А Сиэтл, Грин-Ривер... Блин, сорок девять трупов! Это же Димаджио^[9]. Бил пятьдесят шесть игр подряд. Никто не превзойдет этот рекорд. Во всяком случае, в США.

Каролина смотрела в стол, пытаясь сохранить самообладание.

– Вы понимаете, зачем я это рассказываю, мисс Мейбри? В двух дюжинах американских городов действуют серийные убийцы, которые охотятся на женщин того сорта, что интересует вашего подозреваемого. Наркоманки, шлюхи, бездомные. Они – корм, который мы кидаем чокнутым ублюдкам, чтобы они не трогали наших секретарш, домохозяек и пятнадцатилетних дочек... Пусть это грубо, но вам следует знать: мне недосуг заниматься всеми. И некогда быть вежливым. – Блантон поерзал, словно не сумел точно выразить свою мысль. – Ваша первая убитая проститутка, напомните...

Его речевая манера сбивала с толку: от «шлюхи» к «шмаре» и далее к «проститутке», от каджунского диалекта к этакому среднезападному и далее к интонациям клинициста с Восточного побережья.

– Ребекка Беннетт, – сказала Каролина.

Блантон замахал мясистой рукой, будто имена нарушали правила игры:

– Я не об этом. Как?

– Задушили, потом пристрелили. Труп бросили у реки.

Блантон кивнул:

– И что предприняла полиция Спокейна? – Теперь он неверно произнес название города. – Что она сделала по этому кошмарному преступлению?

– Тогда я еще не работала в группе.

Блантон был явно разочарован.

– Ничего особенного, – сказала Каролина. – Один следователь, обычный осмотр места происшествия.

– А если б жертвой стала домохозяйка?

Каролина вздохнула:

– Месяц опрашивали бы соседей.

– Верно. А по последней жертве? – спросил Блантон и сам же ответил: – Создали спецгруппу, привлекли ФБР, лазеры-шмазеры, компьютеры и прочее шапито. Объявили большое вознаграждение, провели кучу бессмысленных допросов. По сравнению с первой жертвой

активность возросла раз в десять? В двадцать?

Каролине казалось, что она не беседует, а боксирует с Блантоном, и тот отправил ее в нокдаун.

– Не знаю... в двадцать, наверное.

– Все верно. – Блантон отсалютовал стаканом, словно что-то доказал. – Выходит, жертва номер пять важнее первой. Теперь представьте, насколько важнее пятнадцатая или девятнадцатая жертва. А домохозяйки в двадцать раз важнее шлюх, так? И что говорить о пятнадцатилетней девочке, ась? Вы улавливаете, к чему я клоню, мисс Мейбри? Сечё-оте, что такое очередность? – Он опять съехал в тягучий луизианский говор.

– Да, – сказала Каролина.

– Если уж не можете расставить пациентов в очередь, то собственно операция... – Не закончив фразу, Блантон взял свечу и капнул расплавленным воском в стакан. Пламя затрепетало, чуть не погаснув. Он поставил свечу на место и заговорил учительским тоном: – Как мы ловим убийцу, мисс Мейбри? Заурядного мокрушника. С чего начинаем?

Каролина задумалась.

– С мотива.

– Хорошо, – сказал Блантон. – Значит, когда появляется серийный убийца, мы призываем лучшего детектива – допустим, вашего Дюпри – и он действует привычным методом, ищет мотив. А толку чуть. С этими ребятами все иначе. Мотив – верхний слой. Секс. Подчинение. Похоть и власть – всегдашний мотив. Надо копать глубже, вжиться в убийцу и найти то, что лежит под мотивом.

– И что же это?

– Фантазия. Тут все упирается в фантазию. Сложите ее фрагменты – и получите портрет убийцы. Абсолютно все: место и орудие убийства, обстановка, внешность жертвы – вписывается в фантазию. – Навалившись на стол, Блантон буравил Каролину взглядом. – Осматривая место преступления, представляешь ход мыслей убийцы – почему на плече жертвы следы укусов, почему она лежит ничком? Что он фантазировал? В третьем-четвертом убийстве ищешь шаблон. В десятом – отклонение от шаблона. На этом убийцу и ловишь. На отклонении. На единственном отличии. Вот в нем-то он себя и выдает.

Блантон смолк и уставился в столешницу. Потом заговорил, не поднимая глаз:

– Ее нашли через сорок восемь часов. Других находили через год, но то были шлюхи и наркоманки, их исчезновения никто не заметил. Идентифицировали только по зубам. А пропажу пятнадцатилетней девочки,

конечно, заметили. Пустили собак по следу, они привели на болота. Я тут уже три недели... Он ее изнасиловал всего раз. Остальное по шаблону: оглушил монтировкой, выволок за волосы, в конце придал позу. Но изнасиловал только раз. Еще живую. Почему? Что изменилось? – Блантон опять замолчал, словно на что-то отвлекшись. – Знаете, что обнаружили в ее желудке?

Каролина покачала головой.

– Плюшку с корицей, купленную в торговом центре. В Спокуне продают такие плюшки?

Блантон опять неверно произнес название. Наверное, валял дурака машинально. Дурная привычка, вроде как грызть ногти. Потом помахал бармену и, получив новый стакан, отдал кредитку:

– Мне хватит. – После чего вопросительно взглянул на Каролину, но та еще не справилась с «гибсоном». – Ну так расскажите мне о моем парне.

– О вашем? – Каролина вдруг осипла.

– Да. Почему он только раз ее изнасиловал? Что изменилось? Почему отклонение? Что не заладилось с фантазией?

Каролина попыталась вспомнить что-нибудь из книг Блантона, где тот, основываясь на уликах, легко делал вывод о психологии преступника. Но она вдруг так устала, что ничего не вспоминалось, в голове была каша из научнообразных предположений. Мелькали какие-то мысли о шаблонах, направлениях поиска и перемещениях фигурантов.

– Наверное, – промямлила Каролина, – плюшку купил он.

Блантон как будто удивился:

– С чего вы так решили?

– Вы сказали, ее изнасиловали еще живую. Если плюшка не переварилась, значит, ее съели незадолго до... – Каролина запнулась. – Поэтому я считаю, что булочку купил он.

– Да, верно, – сказал Блантон. – Рядом с ее домом нет торгового центра, и потом, трудно представить, что девочка, сбегавшая на студенческую вечеринку, заходит за плюшкой.

– Тогда первым делом я бы проверила, нет ли в торговом центре фотоотдела.

Блантон склонил голову набок.

– Вы сказали, он, как правило, придает жертве позу. Возможно, он фотографирует. Такую пленку в «Фото за час» не отдашь, значит, у него своя фотолаборатория. Где-то он покупает оборудование и материалы. Конечно, это всего лишь предположение, но...

Блантон смотрел безучастно.

– Потом я бы обошла местные фотомагазины и проверила квитанции кредиток – кто из покупателей уже был замешан в сексуальных преступлениях.

Блантон молчал.

– Может, теперь займемся моим фигурантом? Как вы сказали? От двадцати четырех до сорока восьми. Американский седан. Не был женат. Средний класс. Травма из-за матери, легкая или серьезная. Позднее созревание. Классический свой/чужой.

Блантон смотрел бесстрастно.

– Но эта характеристика, мистер Блантон, подойдет любому маньяку, правда? Стандартный профиль. Трафарет, четыре попадания в пяти попытках. Нет, было бы гораздо интереснее услышать ваше мнение *после* ознакомления с нашими материалами.

Впервые за все время Блантон улыбнулся:

– Хорошо, мисс Мейбри. Вечером я посмотрю ваши дела. Утром у меня встреча с судмедэкспертом. В озере Пончартрейн выловили молодую особу, надо удостовериться, что здешний убийца ни при чем. Желаете присоединиться?

Он подписал чек, и Каролина заметила сумму – шестьдесят восемь долларов. Море бухла.

Блантон перехватил ее взгляд:

– До вашего прихода я был с друзьями. – Он встал. – Хотите мою теорию, почему женщины интересуются бейсболом меньше мужчин?

При слове «теория» Каролина невольно улыбнулась, вспомнив Дюпри:

– Конечно.

– Разумеется, женщины могут увлечься бейсболом, но они не способны вжиться в игру, как мужчины. Женщины не боготворят цифры. Мы с вами уже обсудили важность цифр. Пять, девятнадцать, сорок девять, пятьдесят шесть. Но без фантазии цифры ничего не значат. Если не можете вообразить себя бейсболистом. Мужчины могут. Они этому обучены, но дело даже не в том, это... их природа. Мужчины могут вообразить себя в игре. Ясно вам? Даже те, кто никогда не играл в бейсбол... Мы понимаем фантазию. Самое главное – фантазия. Ясно?

– Да.

Блантон уставился в пол:

– Извините, если задел вас, мисс Мейбри. В Куантико в следственном отделе всегда работала какая-нибудь женщина, но, если честно, в подобных делах я не видел от них особого проку. К счастью для женщин, они не способны понять этот тип убийцы, понять его фантазию.

– А вы считает, что без этого никак.

Блантон задумался.

– Да. Считаю. Конечно, нужна и... плюшка с корицей. Но вы не поймаете убийцу, если не сумеете его вообразить, увидеть мысленным взором.

Взгляд его стал испытующим, как в начале встречи. Казалось, каждое его слово – проверка, жестокая игра.

– Ну что, можете вообразить? – спросил Блантон хриплым шепотом. – Видите его, детектив Мейбри?

Измученная Каролина встала и оглядела бар, всеми силами старавшийся сохранить полумрак. В темноте она увидела, как Ленни Райан нескончаемо сбрасывает Паленого в реку, а потом замедленно поворачивается к ней, беспомощно замершей, и ждет, что она сделает.

– Да, – сказала Каролина. – Вижу.

Поддатые девицы уселись за их столик, и вскоре Джоэл понял, что ситуация выходит из-под контроля. Одна мочалка (в своем баре он бы попросил ее показать водительские права) прилюдно уселась к нему на колени и вела себя так, словно это в порядке вещей. Телка, положившая глаз на Дерек, рассказывала бородатый анекдот про дамочку, которая с дружком поехала за город: машина застряла в колдобине, и дамочка догола раздевается, одну за другой подсовывая шмотки под колеса. Дерек, закинув руку на перегородку кабинки, ржал, словно в жизни ничего смешнее не слышал. Джей его поддерживал, переглядываясь с доставшейся ему девицей. Добравшись до кульминации, рассказчица выскочила из кабинки и разулась.

– И вот в чем мать родила она стучится на ферму. – Девица туфлями прикрыла промежность. – «У меня там парень застрял. Не поможете ему вылезти?»

Джоэл вежливо усмехнулся, а девица у него на коленях расхохоталась и заерзала, стараясь поймать его взгляд.

– Какая пошлость, Сэнди, – сказала Джеева подруга. Из троицы только она была темненькая. Джей взял ее за коленку.

– Потеха, – сказал Дерек. – Вот потеха.

– Умора, – поддержал Джей. – Чистая умора.

Они сидели в дальней кабинке бара «У Маккула» – длинном узком зале с предсказуемо ирландским декором: зеленые стены, клевера, национальные флаги и карты, стяги университета Нотр-Дам и прочее.

– Покатуха, – сказал Дерек.

– Чума, – подхватил Джей. – У меня там парень застрял.

Хохот перешел в смешки и улыбки, и девицы, точно футболисты, разбежавшиеся по игровым позициям, занялись своими кавалерами.

– Ты кем работаешь? – спросила девица на коленях Джоэла.

– Барменом.

– Ой, правда?

– Нет, цену себе набиваю.

– Круто. – Девица уселась удобнее. – Женат?

– Нет, но есть подруга.

– А где она?

– Уехала. – Джоэл сам не знал, почему так ответил. Ведь мог бы

сказать «дома» или «скоро подойдет». Ощущение, что его видно насквозь. Почему такая пропасть между тем, какой ты есть, и тем, каким хочешь быть? Он осушил стакан, спихнул девицу с колен и встал: – Я за выпивкой. Тебе чего-нибудь взять?

– Пожалуй, «манхэттен».

Ну конечно. Нынче все пили сухой мартини и коктейли на его основе. Три года назад Джоэл в основном тягал пивные краны, а сейчас всякий студентка строит из себя коммивояжера. Все, в том числе и выпивка, возвращается на круги своя, и теперь молокососы тебя поучают, какой сорт джина им нужен, а ясноглазые совершеннолетние мочалки заказывают «манхэттен». Смешно. Каролина тем и привлекла его внимание, что заказала «гибсон» – одну из немногих выпивок, не вернувшихся на круги своя. Он смешал ей водочный «гибсон», и Каролина заговорила с ним, точно с десятилетним недоумком – как надо правильно смешивать и сколько луковок класть. Когда она попросила повторить, он поставил перед ней пинту джина и пивной кувшин, по горлышку опоясанный связкой из пятнадцати маринованных луковок, этаких захмелевших жемчужин.

У стойки Джоэл достал скатку баксов и отслоил пару купюр. Лысый бармен, демонстрируя приличную концентрацию, но не лучшую технику, кидал лед в шеренгу стаканов. Джоэл мгновенно понял, что здесь недоливают – меньше выпивки, больше льда. Он глянул на бутылки, выстроившиеся точно болельщики на открытой трибуне. Обычно в барах, где недоливали, мухлюют и другими способами: спиртное разбавляют, дешевые марки смешивают с дорогими – например, джин в пластиковых бутылках с «Бомбеем», паршивый виски с «Гленфиддиком». А чего, двадцатидвухлетний сосунок, заказавший восемнадцатилетний скотч, не почувствует разницы. Наверное, люди получают, что заслужили.

– Что для вас?

– «Манхэттен» и «Ноб Крик», лед в отдельном стакане. – Джоэл хотел наверняка получить полную порцию. – Это ведь настоящий «Ноб Крик»? Или лучше заказать что-нибудь другое?

Бармен скользнул по нему взглядом:

– Не надо, хороший выбор.

Джоэл повернулся спиной к стойке и оглядел бар, как во всем мире поступают мужчины, заказав выпивку. Сплошное разочарование. Джоэл посмотрел налево и встретился взглядом с человеком, в котором не сразу узнал Каролининого приятеля Алана Дюпри, в одиночестве сидящего за столиком. Дюпри отсалютовал стаканом. Джоэл подошел.

– Привет. – Мысль, что Дюпри видел его с девицей на коленях,

повергла в панику. – Как дела?

– Хорошо. Как у вас?

– Ничего. Приятели маленько завелись.

Джоэл оглянулся на стойку, но бармен еще возился с другим заказом – добавлял лайм в джин с тоником.

– Не знаю, видели вы ту девушку, в смысле...

– Да, видел. Милашка.

– Я ничего не делал, она сама ко мне села.

Дюпри кивнул, но как-то огорченно, словно хотел, чтобы между Джоэлом и девицей что-то было.

– От Каролины нет вестей?

– Она не любит звонить. – Джоэл посмотрел на свой столик. – Давайте к нам?

Дюпри глянул на девиц. Джоэлу показалось, что старикан вздохнул.

– Хотелось бы, да с утра у меня важная встреча. Но все равно спасибо. Если будете говорить с Каролиной... – Дюпри посмотрел в пустой стакан. – Ничего, идите к друзьям. Поговорю с ней, когда вернется.

– Ладно. – Джоэл бочком двинулся к стойке. – Ну... пока.

Он забрал выпивку, оставив доллар чаевых. На пути к столику прихватил еще один стул, чем огорчил мочалку, протянувшую ему пару баксов. Джоэл отмахнулся и сел в конце стола.

Оглянувшись, он увидел Дюпри, который пробирался сквозь хмельную толпу. Жилистый сыщик вышел на улицу, остановился под фонарем, вперившись в тротуар. И на секунду Джоэл представил себя на его месте: пятый десяток, волосы редеют, дрябнет тело. Вдруг накатило чувство, что вся жизнь мелочна, суетна и предрешена. А сам он – точно лабораторная мышь, что слепо тыркается на развилке двух проходов, мечется между одиночеством и семейным очагом. Но всюду тупик, из которого веет холодом неизбежности и удушающим страхом старости.

Дверь захлопнулась, Дюпри исчез. Джоэл залпом выпил виски. Телка Дерекка начала новый анекдот:

– У одной девахи, плоской, как камбала...

После полуночи Бурбон-стрит превратилась в тонкую, но резвую струю пьяных охламонов, качко мотавшихся по мостовой среди луж пролитой выпивки и озер, порожденных забитыми стоками. По пояс голые гуляки, преимущественно мужского пола, отплясывали перед барами и толпились в очередях перед окошками, через которые бармены продавали пластиковые стаканчики со всевозможной отравой. Всех их, молодых и не очень, объединяло неумение пить, но и в остальном они не сильно различались: от двадцати пяти до пятидесяти, остекленевшие глаза, развинченное тело и пьяная похоть во взоре, хотя вряд ли кто из них на что-нибудь годился. Один такой мутноглазый и мокрогубый питок, которого изрядно мотало, возник перед Каролиной со стаканом в руке:

– Куда это мы намылились?

Она осторожно его обошла и зашагала дальше. Вчера, когда Каролина оформлялась в гостиницу, портье заверил ее, что июнь – «тихий месяц»: никаких праздников, студенты разъехались на каникулы или сдают выпускные экзамены. Для долгих гулянок слишком жарко и душно, и потому в июне здесь царят буколический покой и очаровательная истома старого Юга.

– Покажи сиськи! – крикнул кто-то в компании высоченных парней, по виду спортсменов.

Каролина остановилась. Может, ошарашить их и себя? А что, студенткой она это делала. Но глупая мысль утонула в осадке от разговора с Блантоном, и тотчас захотелось пристрелить наглецов. Однако через секунду Каролина сообразила, что дерзкое предложение сделано не ей, а кому-то на балконе над ее головой. Она сошла с тротуара и посмотрела вверх. Десятка два пьяных девиц перевешивались через балконные перила или отплясывали, выпрашивая бусы Марди Гра, все еще пользовавшиеся спросом, хотя карнавальный сезон давно минул.

Одна девушка, вся такая правильная и пухленькая, как индейка на День благодарения, охотно задрала блузку, и зрители, радостно завопив, метнули ей бусы. Ее соседка проявила талант к дразнящей постановке: покачивая бедрами, обнажила одну грудь, потом другую, потом разом обе. Ей досталось больше бус.

«Что я здесь делаю?» – подумала Каролина. После встречи с Блантоном она не смогла уснуть: перед глазами маячила фотография

пятнадцатилетней жертвы. В два ночи Каролина раскрыла телефонный справочник и выписала торговые центры, где имелись кондитерские. Таких было три. Каролина сопоставила этот список со списком центров, располагавшихся фотомагазинами.

Потом опять легла, но так и не уснула. Встала, надела спортивные штаны и решила прогуляться к реке. Но ее привлекли крики и музыка, слышимые за два квартала, и она пошла на Бурбон-стрит, где влилась в толпу перед заведениями, сулившими эротические зрелища. Может, сработала полицейская выучка пресекать беспорядок? Или причина в нынешнем деле и мысли, занозой сидевшей в голове?

Фатализм проститутки Жаклин породил эту мысль, а безоглядная извращенность маньяка, описанная Кёртисом Блантоном, ее укрепила. Полиция и поп-культура представляли серийных убийц неисправимыми злодеями. Существовал стереотип, который помянул Блантон: холостяки от двадцати четырех до сорока восьми и так далее. В сочетании с другими факторами эти характеристики складывались в монстра, нечто *ненормальное*, нечеловеческое, кошмарное: Джеффри Дамер, Тед Банди, Ганнибал Лектер^[10].

Хотя и сам стереотип порождал тревожные мысли. От двадцати четырех до сорока восьми? Холостяк? Проблемы с близостью? Комплексы из-за матери? Но любой мужчина мечтает побыть холостяком, сблизиться ни с кем не способен и отводит глаза, говоря о матери.

Как там сказала Жаклин? «Мэм, меня от всех мужиков жуть берет». Целый список опасных клиентов, которые кусались, дрались, дергали за волосы и брали силком. И все они просто мужчины, не монстры. Банкиры, продавцы, фермеры и учителя биологии. Возможно, копы и бармены.

Каролина мысленно возвращалась к списку странных клиентов, вспоминая категоричность Блантона: только мужчина поймает серийного убийцу. И тогда неизбежен вывод: серийный убийца – не отклонение, но кульминация мужской фантазии. Может быть, и нет никаких монстров. Может быть, всякий мужчина, листающий «Пентхаус», неизменно вступает на путь, в конце которого кто-то до смерти избивает и балонным ключом насилует женщину. Неудивительно, что Блантон сомневается в полезности Каролины. Если ей не дано воспроизвести фантазию насильника, что она может вообразить? Жертву. Страх. А что в том проку?

Каролина глянула на сборище парней, вперившихся в балкон, – рты приоткрыты, тела напряжены. Появилась новая девушка, которую, похоже, вытолкнули на балкон. Юная, худенькая, в джинсах и майке. Голова свесилась на грудь, тело обмякло. Мужчина вдвое старше ее

поддерживал девушку за талию и, ухватив за кисть, ее рукой помахал толпе. Девушка открыла глаза, улыбнулась своему спутнику, но тотчас голова ее опять упала ему на грудь, а глаза закрылись. Мужчина вздернул ее майку и помял маленькие груди. Зрители возликовали. Крики пробудили девушку, она снова улыбнулась мужчине, посмотрела на толпу и опять уронила голову. Парни швырнули бусы, мужчина их подобрал и надел девушке на шею. Потом снова задрал майку и помял груди. Не открывая глаз, девушка чуть ухмыльнулась, голова ее безвольно моталась.

– Покажи ее шахну! – крикнули в толпе. Каролина пошла прочь, но остановилась и посмотрела на парней, перегородивших улицу. Потом вернулась и, решительно растолкав зевак, вошла в дверь под балконом. В баре было битком народу. Раз-другой шлепнув по приставучим рукам, Каролина пробралась в конец зала, к лестнице, перегороженной красным бархатным шнуром. Бугай в деревянном кресле помахал растопыренными пальцами, точно веером:

– Давай глянем.

Каролина стиснула кулаки:

– На что?

– Это мой балкон. – Бугай возвел глаза к потолку и ткнул себя в грудь. – Халтуры народ не потерпит. Покажи, чем богата. – Из коллекции бус на своих коленях он взял одну связку.

Каролина молчала. Мужик потянулся к ее рубашке: – Ну давай. Если уж тут стесняешься, наверху тебе делать нечего.

Каролина оттолкнула его руку и четко, спокойно выговорила:

– Там девушка, которой на вид не больше шестнадцати.

Бугай выпучился на нее.

– А с ней сорокалетний мужчина, который на забаву толпе ее лапает.

Бугай молчал.

– Я полицейский, сейчас не при исполнении обязанностей и надеюсь, что мне не придется их исполнять. Может, я не буду вызывать наряд и мы сами во всем разберемся?

Бугай вздохнул, выбрался из кресла и опустил шнур. По лестнице они поднялись в сумрачный коридор с резными деревянными дверями по обеим сторонам. В конце его маячили силуэты танцующих девиц, с улицы доносились крики.

Привратник неумолчно бубнил:

– Малолеткам сюда ходу нету, точно говорю. У нас с этим строго, мэм, очень строго.

На узком балконе было не протолкнуться. Хмельной народ размахивал

пивными кружками и бокалами с дайкири, девицы задирали блузки и ловили бусы, брошенные с улицы. Каролина ввинтилась в толпу, увидела толстушку и ее подругу, но обморочной девушки нигде не было.

Она посмотрела на зевак, сгрудившихся на мостовой. Внизу эти рослые парни казались уверенными в себе крупными самцами, а отсюда их запрокинутые лица выглядели совсем мальчишескими. Каролина отвернулась.

– Здрась! – Тощий очкарик, в умат пьяный, заступил ей дорогу – Как пживате?

Каролина отпихнула его плечом.

– Не вижу никаких малолеток, – буркнул бугай.

Каролина заглянула в коридор:

– Что это за двери?

– Гостиничные номера, мэм.

– У вас есть дежурный ключ?

Бугай криво усмехнулся:

– Если собираетесь шнырять по номерам, тогда вызывайте наряд.

Каролина вернулась на балкон. Толстушка освоила исполнительский стиль подруги и теперь тоже показывала груди поочередно. Каролина цапнула ее за руку, и пышка испуганно обернулась, словно ожидая увидеть свою мамашу.

Перекрывая музыку, Каролина прокричала ей в ухо:

– Тут была девушка! В джинсах и майке! Сильно пьяная, почти в отключке!

Пышка отстранилась, звякнув дешевыми пластмассовыми бусами:

– С ней чё-то случилось?

– Не знаю! Ты видела, как она ушла? С ней был взрослый мужик!

– Они пошли в бар, добавить! – Пышка улыбнулась: – Чтоб была поговорчивей!

Каролина выскочила в коридор. Бугаю вся эта канитель уже изрядно надоела:

– Все путем, мэм?

– Если с девушкой что-нибудь случится, я прикрою вашу лавочку, – на ходу бросила Каролина.

Бугай промолчал и поспешил следом.

На площадке Каролина остановилась и оглядела переполненный бар. Толстые потолочные балки кое-где перекрывали обзор. Каролина спустилась в зал и, проталкиваясь сквозь толпу, осмотрела все столики. Наконец она добралась до кабинки у стены, выходящей на Бурбон-стрит.

За столиком сидели две пары, одна из них та, что была на балконе. Сейчас девушка выглядела старше, лет на двадцать пять, а мужчина моложе – тридцать пять, не больше. Оба смеялись, рассказывая друзьям о звездной минуте на балконе. Девушка была увешана бусами. Голова ее пьяно моталась, рот обслюнявился, но она была в полном сознании и вполне совершеннолетняя.

– Я там чуть не шомлела. – Язык ее заплетался. – Муженька мои сишьки давно так не интересовали!

– Ты же сама захотела пойти, – оправдывался мужчина.

– Я шучу, малыш.

Девушка ткнулась мужу в плечо, и тот ласково поцеловал ее в маковку. Потом заметил Каролину:

– Дорогуша, сделайте нам еще по стаканчику.

Каролина кивнула и вышла из бара. На первом же перекрестке она свернула в тихую улочку и, засунув руки в карманы, побрела мимо ломбардов и книжных лавок, удаляясь от шума и гама Бурбон-стрит. На Французском рынке зашла в ночное «Кафе дю Монд», взяла латте и понемногу успокоилась, раздумывая о ненадежности человеческого восприятия и памяти. Вспомнилось одно давнее дело об ограблении: хозяйка десять минут подробно описывала человека, проникшего в ее дом, полицейский художник нарисовал портрет, и Каролина поняла, что на нем изображен хозяйкин покойный сын, чья фотография стояла на каминной доске. Наверное, одни видят то, что хотят, другие – то, чего боятся.

Из кованого кресла Каролина наблюдала за официантами в засаленных бумажных шляпах. В кафе было человек двадцать. Одни очухивались после доброй выпивки, другие вели серьезную беседу, третьи одиноко сидели с газетой или книгой или что-то черкали в блокноте. Мужчины. Не монстры.

Каролина выпила кофе и потихоньку добрела до пристани у северного берега Миссисипи. Ветерок, старавшийся не обгонять речное течение, чуть помешивал густой воздух. У реки, даже такой широкой и ленивой, Каролине стало хорошо. Пожалуй, здесь и надо провести остаток ночи.

Когда отец ушел из семьи, у матери нарушился сон, а потом возникла тяжелая бессонница. Каролина помнила мамины панические звонки в два ночи. Она даже не успевала сказать «алло», а мать уже стрекотала: извинялась за какую-то давно забытую фразу, хотела обсудить меню праздничной трапезы на двоих, предлагала мужские и женские имена для будущих детей Каролины. Максвелл и Коринна. Блейк и Сандра. Каролина терпеливо слушала мать, которая, исчерпав две-три темы, переходила на телепрограммы и газетные статьи. «Ляг, поспи», – говорила Каролина. «Не

могу, слишком устала. – Голос матери полнился маниакальным страданием. – И еще столько всего надо сделать».

После маминой смерти у Каролины тоже началась бессонница. Однажды она проснулась в три ночи – вроде бы звонил телефон. Померещилось, что звонит мать – хочет спросить, можно ли подавать суп в тарелках для пасты, которые она привезла из Генуи, или кому больше подходит имя Трейси, мальчику или девочке. Однако телефон молчал, и Каролине показалось, что она не успела взять трубку.

С тех пор бывали ночи (по меньшей мере, раз в неделю), когда она вообще не смыкала глаз. Все бы ничего, да вот только телефон не звонил, в трубке не раздавался мамин голос. Каролина расхаживала по комнате, что-то записывала или до полного изнеможения гуляла по улицам, готовая обсуждать имена детей, которых никогда не будет, или меню обеда на День труда. И еще, выходит, принять супружескую пару за извращенца и малолетку.

Каролина рассказала о бессоннице доктору Юинг, полицейскому психологу. Это вполне естественно, ответила та, на вас столько всего навалилось: смерть матери, Джоэл, осечки с Ленин Райаном и Тормозом Джеем, застарелое чувство вины перед убитым дебоширом и, конечно, нынешнее дело.

Нынешнее дело. В нем маниакально звучали свои безумные голоса – Дюпри, Жаклин, а теперь еще

Блантона, – пришедшие на смену голосу маминой бессонницы. Вот они-то сегодня и не дали уснуть: голос Блантона говорил о фундаментальной важности мужских сексуальных фантазий, голос Жаклин жаловался на клиента, выдиравшего ей волосы, голос Дюпри вписывал Ленин Райана в теорию волчка. И еще другие голоса, рябь подсознания.

Голос брата: «Я не такой, как ты, Каролина». Голос отца: «Все хорошо, детка?»

Каролина села на скамью над рекой. Сейчас Миссисипи почти не отличалась от Спокана. Ну да, все воды – часть Мирового океана. Не имеет значения, в каких водах сгинул Паленый – Спокана, Миссисипи, Нила или Индийского океана. Как и мать. В конечном счете вода поднимается, всех забирает и уносит прочь. А в Новом Орлеане, расположенном ниже уровня моря, это совершенно неизбежно. В этом городе покойников не закапывают в землю, а прячут в семейные склепы – усыпальницы из гранита и двухсотлетнего мрамора, где покоятся останки сотен людей. Склеп открывают, старые кости и прах пропихивают глубже и укладывают очередного мертвеца. «Город мертвых», старейшее новоорлеанское

кладбище, издали впечатлял контурами склепов и надгробных скульптур, а вблизи представал скопищем голых кирпичей и обшарпанного гранита. Там уже давно не хоронили, туда навевались лишь туристы и лиходеи, прятавшиеся в тени склепов.

Ну и пусть кладбищем владеют преступники, думала Каролина. Это неважно. Все равно вода над всем возобладает, даже над городом мертвых. Она придет за нами, накроет скульптуры и склепы, опрокинет надгробия, обрушит могилы. Каролина сидела на скамье. Сегодня не уснуть, слишком устала. И еще столько всего надо сделать. Она подтянула колени к груди и тихонько раскачивалась, подставив лицо ветерку.

Полицейское упр. Спокана
Кабинет замначальника упр.
Расшифровка совещания

Дата: 6 июня, 08.00

Повестка: группа по серийным убийствам

Присутствовали: замначальника управления Джеймс Такер, сотрудники отдела тяжких преступлений – лейтенант Чарлз Бранч, сержант Алан Дюпри

[Начало записи]

ТАКЕР. Так. Эта штука работает? Хорошо. Значит, я заместитель начальника управления Джеймс Такер, со мной... может, вы сами...

БРАНЧ. Нет-нет, давайте вы.

ТАКЕР. Со мной лейтенант Бранч, отдел тяжких преступлений. Ждем сержанта Дюпри, чтобы обсудить его руководство группой и, главное, его поведение...

БРАНЧ. Не лучше ли сказать «результативность»?

ТАКЕР. Да-да, верно. Его результативность.

БРАНЧ. Потому что иначе нам придется, так сказать, внедриться...

ТАКЕР. В его личную жизнь. Правильно. Хорошо.

БРАНЧ. Последнее время у него сложности на этом фронте, и я думаю...

ТАКЕР. Я слышал. Ушел от жены, да?

БРАНЧ...лучше этого вообще не касаться.

ТАКЕР. Полностью согласен.

БРАНЧ. Ему хватит и неприятной новости о...

ТАКЕР. Да. Понимаю.

БРАНЧ. Вот и хорошо.

ТАКЕР. Вы не считаете уместным пригласить детектива Спайви?

БРАНЧ. Ой нет! Разве что вам угодно замывать потом кровь на столе.

ТАКЕР. Ладно. Кофе хотите?

БРАНЧ. Нет, спасибо.

ТАКЕР. Значит, тогда просто подождем сержанта Дюпри.

[Конец записи]

[Начало записи]

ДЮПРИ. Привет, милая. Я дома.

ТАКЕР. Входите, сержант.

ДЮПРИ. Пожалуй, проще пристрелить меня на пороге.

БРАНЧ. Здравствуйте, Алан.

ДЮПРИ. Сюда садиться?

ТАКЕР. Да, пожалуйста.

ДЮПРИ. Слушайте, я знаю, что отчет не место для шуток. Я приношу извинения и... А для чего микрофон?

ТАКЕР. С вашего разрешения, мы запишем нашу беседу, поскольку тема весьма щекотливая.

ДЮПРИ. Что за тема?

ТАКЕР. Обычно мы записываем беседы о кадровом составе управления. На всякий случай.

ДЮПРИ. Что за [ругательство удалено]? Меня увольняют?

БРАНЧ. Никто вас не увольняет, Алан. Просто мы хотим наладить расследование. Садитесь.

ТАКЕР. Сейчас я передаю сержанту Дюпри...

ДЮПРИ, [неразборчиво]

ТАКЕР...копию служебной записки от 5 июня касательно...

ДЮПРИ. На шести листах? Ничего себе!

БРАНЧ. Сядьте, Алан. Дайте закончить, ладно?

ТАКЕР...касательно его результативности как руководителя группы по расследованию недавних серийных убийств. Как видите, сержант, из заголовка явствует, что имели место неприятие помощи коллег и конфронтация с сотрудниками других следственных подразделений. Далее пункты с первого по девятый детализируют ваше неуравновешенное и порой несоответствующее поведение в данном вопросе. И так далее.

ДЮПРИ. Что значит «конфронтация с другими подразделениями»?

ТАКЕР. Вряд ли стоит задерживаться на каждом пункте.

ДЮПРИ. Растолкуйте этот.

ТАКЕР. По-моему, здесь все ясно. 22 мая вы передали ФБР заведомо ложную информацию о том, что Ленин Райана видели на севере Айдахо, где он устроился подносчиком клюшек в гольф-клубе, но вы не можете это проверить, ибо нарушите юрисдикцию другого штата.

ДЮПРИ. По-моему, смешно. Я думал, федералы оценят юмор. Кто же знал, что они примут это за чистую монету? Меня накажут за их тупость?

ТАКЕР. Позже вы насмехались над агентом Джерри Каслом, который

занимался проверкой вашей же информации.

ДЮПРИ, [неразборчиво]

ТАКЕР. На планерке вы продолжили ваши издевки и кинули в агента Касла мячом для гольфа, угодив ему в ногу.

ДЮПРИ. Вообще-то я целился в яйца, но цель слишком мелкая.

БРАНЧ. Что ж, продолжайте в том же духе, Алан, отшучивайтесь.

ДЮПРИ. Кто сочинил эту [удалено]? Вот что это значит? «Ненадлежащее протоколирование допросов».

ТАКЕР. Мы не станем обсуждать каждый пункт, сержант Дюпри. Рапорт целиком войдет в протокол нашего совещания. Будет лучше, если...

ДЮПРИ. А вот это? «Неумение скоординировать стороннюю помощь». Галиматья.

ТАКЕР. Повторяю, мы не собираемся обсуждать служебную записку целиком, сержант Дюпри.

ДЮПРИ. «Неспособность к использованию необходимых технологий расследования». Что это значит?

БРАНЧ. В том-то и дело, черт возьми, что вы даже не знаете, о чем речь. Мы подали заявку на грант в десять тысяч долларов, чтобы снабдить группу компьютерной программой по анализу приоритетных улик, но вы ею даже не воспользовались ни разу.

ДЮПРИ. Были телефонные сообщения, что Ленин Райан улетел на космическом корабле. Я что, должен был справиться у компьютера и получить совет искать зеленого человечка? Хватит, скажите, кто это сочинил.

ТАКЕР. А что с энтомологом?

ДЮПРИ. Чего?

ТАКЕР. Сотрудник заявляет, что вы игнорировали его просьбу вызвать энтомолога, чей анализ воздействия микроорганизмов помог бы точнее установить стадию разложения трупов.

ДЮПРИ. Спайви. Вот [удалено]! Ну конечно. Не получил своего шивового профессора и побежал к вам. Вот гаденьш.

БРАНЧ. Это другой метод работы, Алан. Складывается впечатление, что вы не разбираетесь в новых технологиях, и, наверное, детектив с более современной подготовкой...

ДЮПРИ. Я разбираюсь в том, что такое быть копом! И могу распознать, когда меня хотят выпотрошить, как [удалено] рыбу!

БРАНЧ. Алан, даже если б все эти претензии были несправедливы, вы так и не удосужились привлечь к работе аналитика...

ДЮПРИ. Банда шарлатанов.

БРАНЧ. Вот о том и речь. Что бы вы ни думали об эффективности поведенческого анализа, в данном деле он необходим. Ваш враждебный настрой по отношению к агенту Макдэниэлу и Кёртису Блантону не позволил получить консультации...

ДЮПРИ. Мой враждебный настрой? Блантон послал меня [удалено] и посоветовал дожидаться [удалено] двузначных чисел! Это мой [удалено] настрой?

ТАКЕР. Мы собрались не для того, чтобы дебатировать пункты служебной записки или выслушивать ваш впечатляющий арсенал сквернословия, сержант Дюпри. Мы здесь для того, чтобы ознакомить вас с обоснованным решением о смещении вас с должности руководителя группы.

ДЮПРИ. Вот как? И чем я теперь буду заниматься?

БРАНЧ. Решать вам, Алан. Если хотите, можете остаться в группе следователем, пока идет ваш испытательный срок...

ДЮПРИ. А вот это что такое? «Передача общественности намеренно ложных сведений о месте преступления».

ТАКЕР. 28 апреля вы работали на месте убийства дяди Леонарда Райана и сообщили тележурналисту, что жертву кастрировали и у нее вырезали сердце.

ДЮПРИ, [неразборчиво]

ТАКЕР. Говорите в микрофон, сержант.

ДЮПРИ, [удалено] паршивец Спайви [удалено]

БРАНЧ. Перестаньте, Алан. Сядьте.

ДЮПРИ. И кто возглавит группу?

БРАНЧ. Алан, вряд ли...

ДЮПРИ. Призовете чужака? Или кто-то идет на повышение? Поллард?

ТАКЕР. Мы назначаем детектива Спайви...

ДЮПРИ. Он же десятилетний [неразборчиво]!

БРАНЧ. Ему тридцать один, Алан.

ДЮПРИ. Он придурок.

БРАНЧ. Спайви не бегал к нам, Алан.

ТАКЕР. Мы попросили его дать оценку вашей результативности. Он нравится Макдэниэлу, тот готов с ним работать.

ДЮПРИ. Я думал, я его наставник.

БРАНЧ. Назначая его вашим напарником, я, честно говоря, надеялся, что вы, Алан, наберетесь знаний о новшествах...

ДЮПРИ. Что?

БРАНЧ...тем более что Спайви сведущ в поиске улик и экспертизе.

ДЮПРИ. Я не... это...

ТАКЕР. Ваша группа не смогла задержать мистера Райана. Мало того, вы не собрали достаточно улик для обвинения в случае его ареста. Уже этого хватит, чтобы сместить вас с должности. А вкупе с вашей неспособностью...

ДЮПРИ. Вы не понимаете. Этот Райан – он как черная дыра, как сгусток тьмы, как волчок...

ТАКЕР. В конце совещания вам предоставят возможность оправдаться за свое поведение...

БРАНЧ. Результативность.

ТАКЕР. Да, за свою результативность.

ДЮПРИ. Я не знаю, что... Меня еще никогда не увольняли.

БРАНЧ. Я же сказал, никто никого не увольняет.

ДЮПРИ. Всего себя отдаешь работе, а потом однажды утром просыпаешься – и все... [неразборчиво]

ТАКЕР. Детектив Спайви считает, вы можете остаться в группе, если пожелаете.

ДЮПРИ. Умора.

БРАНЧ. Либо возвращайтесь к прежней работе в отделе тяжких преступлений.

ДЮПРИ. Нет. Нет. Коли здесь я вам не угоден, сажайте меня в патрульную машину.

БРАНЧ. Алан, давайте не усугублять.

ДЮПРИ. Куда уж больше? Нет, меня снимают с дела, и до пенсии я буду патрульным.

ТАКЕР. Сядьте, сержант Дюпри. У вас будет возможность оправдаться, я обещаю.

ДЮПРИ. Отправьте меня на улицу. Ваша взяла. Предложение прошло. Принято единогласно. Переходим к следующему вопросу.

ТАКЕР. Поставьте микрофон на место, сержант.

ДЮПРИ. Пункт парламентской процедуры. Предложено мировое соглашение. Заседание закрыто.

БРАНЧ. Алан, хватит вам...

ДЮПРИ. Куда тут у вас это присобачено?

ТАКЕР. Не трогайте шнур, сержант Дюпри.

ДЮПРИ. А, вот куда...

[запись обрывается]

– Хорошо, теперь примените до- и послесобытийную поведенческую модель к вашему парню.

– Что? – растерялась Каролина.

– Модели. – Блантон скрипнул зубами и на секунду оторвал взгляд от дороги. – Мо-де-ли. О чем мы только что говорили?

– Место преступления, организованное и беспорядочное.

– Верно.

Каролина задумалась, постукивая карандашом по желтому блокноту. Блантон свернул, и обертки от снэди из «Макдоналдса» съехали на другой край приборной доски. Нынче Кёртис Блантон был оживленнее и терпеливее. Но терпение его казалось вымученным, когда он подталкивал к нужным выводам. Сегодня он говорил плавно, без всякого каджунского налета. Вместе с тем выглядел рассеянным, что не вполне вязалось с его манерой агрессивной езды. Все это напоминало семинар обкуренного профессора, который вдобавок удирает от полиции.

– Помните об этом, когда вернетесь в Спокан. – Блантон снова произнес название города идеально. – Беспорядочность отлична от импульсивности. Ваш парень может быть импульсивен и вместе с тем организован. Скажем, в машине он возит орудия преступления, что говорит об имеющемся плане, однако собственно хищническое поведение – выбор жертвы, то бишь охота – может проявляться спонтанно.

На светофоре зажегся желтый сигнал, и Блантон придавил газ, но впереди идущая машина не собиралась проскакать перекресток. Кёртис врезал по тормозам, банки содовой и обертки отлетели к ветровому стеклу.

На его манеру езды Каролина решила не обращать внимания.

– По-моему, наш фигурант организован и импульсивен, – сказала она.

– В чем он организован?

– Видна подготовка. Он придает трупам позы, хлоркой обмывает им пальцы, обламывает ногти. Вкладывает деньги в руку. Забрасывает землей и ветками.

– Хорошо. В чем он импульсивен?

– Мы забираем труп, он подбрасывает другой.

– Верно. – Блантон оглядел Каролину. – Прекрасно. В этом ключ к его поведению. Нечто подобное было в деле Тихоокеанского Убийцы. Значит, он где-то прячет трупы, а потом их выкладывает. Они – его инструменты,

шахматные фигуры.

Отсюда обломанные ногти и деньги. Через трупы ваш парень что-то сообщает.

Всякий раз, как Блантон называл убийцу «ваш парень», Каролина морщилась. Наверное, еще и потому, что чувствовала личную ответственность за Ленин Райана, поскольку изгадила облаву и позволила ему сбежать.

Зажегся зеленый, Блантон быстро объехал осторожного водителя и газанул.

– Почему ваш парень вкладывает трупам сорок долларов?

– Извещает, что убивает шлюх.

– Зачем подбрасывает новые трупы?

– Чтобы люди понимали, что он делает.

– Люди? – Через бордюр Блантон заехал на небольшую парковку. – Какие люди?

– Не знаю. Все.

Перед похоронным бюро, белым двухэтажным зданием с громадными колоннами, бампер в бампер стояли два катафалка. Блантон припарковался за ними и вместе с Каролиной вылез из машины.

– Подумайте, кого он уведомляет, – сказал он, глядя на Каролину поверх автомобильной крыши.

Следом за Блантоном Каролина прошла к узкой лестнице, уводившей в подвал. Кёртис пошлепал ладонью по массивной двери. Им открыл белый мужчина: за пятьдесят, припухшие веки, длинный клеенчатый фартук, под стать фартуку серые перчатки. Блантон и Каролина вошли в темный коридор.

– Привет, Кёрти, – сказал человек. – Как оно ничего?

– Здорово, Рассел. – К Блантону вернулся тягучий южный выговор. – Знакомься, агент Мейбри. Специалист из Вашингтона.

Каролина недоуменно взглянула на Блантона – мол, с чего вдруг она стала агентом ФБР? – но тот отвернулся.

Рассел отвесил легкий поклон:

– Рад знакомству. Позвольте сказать, что для чиновницы вы слишком хороши собой.

– Рассел редкостный джентльмен, – сказал Блантон. – Бальзамирует и флиртует почти одновременно.

– Человек Возрождения, – добавил Рассел.

– Судмедэксперт здесь?

– Нет, сэр. Звонил, будет примерно через час. Здесь только мы с тобой.

И разумеется, дама.

Рассел открыл железную дверь, и они вошли в ледяной бальзамировочный зал, где у стены стояли две стальные больничные каталки. У противоположной стены – старое парикмахерское кресло, в котором сидел старик. Каролина уже хотела поздороваться, но успела сообразить, что это покойник. Голый усохший дед, укрытый тонким одеялом, бледный и морщинистый. Левая рука судорожно сжата в кулак, правая вытянута, словно хозяин ее умер во время рукопожатия. В сведенных пальцах точнехонько уместилась бутылка кока-колы.

Блантон проследил за взглядом Каролины:

– Рассел, там... э-э... твой приятель.

– Ах ты черт, это мой подстаканник. Извините. – Рассел забрал бутылку из руки мертвеца.

Все трое уставились на неподвижного старика, потом Рассел прищелкнул языком и отхлебнул из бутылки:

– Восемьдесят один год. Позапрошлой ночью помер во сне. Вот бы нам так свезло, правда, Кёрти? – Он опустил стариковскую руку, но та отпружинила обратно. Рассел пригладил покойнику хохолок. – Надо помочь хорошим людям, мистер Бошан. Не скучайте, я скоренько.

Каролина пыталась поймать взгляд Блантона, но тот, наклонив голову, смотрел в пустые глаза мертвеца. Почувствовав, что за ним наблюдают, переступил с ноги на ногу и вполголоса проговорил:

– Я уже и не припомню, когда видел человека, умершего от старости.

Рассел прошаркал еще к одной железной двери:

– Ну что, станете ждать эксперта?

– Не-е, – сказал Блантон. – Большой беды не будет, если мы одним глазком глянем. – Он повернулся к Каролине: – Можете здесь обождать...

– Все нормально, – ответила Каролина.

Рассел выдал им тюбики с ментоловым кремом – мазнуть под носом для защиты от запаха. Через железную дверь они прошли в небольшую комнату, в центре которой стояла объемистая стальная ванна. Ржавые потеки тянулись к стоку в полу. В ванне лежал труп, укрытый пластиковой шторой. Ментоловый крем не спасал от вони; Каролина вспомнила университетскую лабораторию с ее неистребимым запахом формальдегида и гнили.

– Вряд ли это поможет мне от бессонницы, – пробормотала она.

Блантон одарил ее странным, понимающим взглядом. Интересно, а что снится ему?

– Девица пробыла в воде два дня, самое малое, – сказал Рассел. – И не

шибко раздулась, что прямо удивительно – жара ведь и все такое. Плавала на поверхности, впитала пол-озера. Когда выловили, потянула на двести фунтов с лишним.

Блантон надел резиновые перчатки, другую пару подал Каролине, но та помотала головой. Рассел и Блантон подошли к трупку, Каролина осталась на месте. Сдернули пластиковую штору. Каролина ждала, как Блантон среагирует, но ничего не заметила. На ноге трупа осталась кроссовка. «Рибок». Ношенная. В таких же Каролина ходила на аэробикку.

– Извините, – сказала она и вернулась в бальзамировочный зал. Там села спиной к старику, раскрыла блокнот и стала записывать разговор с Блантоном.

Минут через десять детектив и Рассел вышли из секционной. Блантон стянул перчатки, Рассел допил колу, оба как-то смущались. Явно говорили о Каролине, и она словно завалила экзамен – теперь она больше не специалист из города Вашингтона, а всего лишь изнеженная дамочка из одноименного штата.

– Прошу прощения за нечуткость, мисс Мейбри, – сказал Рассел. – Я тут маленько одичал.

– Вам не за что извиняться. – Каролина обратилась к Блантону, подражая его манере: – Не ваш парень?

– Нет. – Блантон отбросил южную тягучесть. – Никаких следов изнасилования и насилия вообще. В легких столько воды, что хватит помыть машину. Она просто утонула. Родные против вскрытия – не желают знать, чем она ширялась.

– Значит, аутопсии не будет?

– Решать эксперту.

Рассел проводил гостей к двери и вновь поклонился Каролине. Пока шли к машине, Блантон молчал.

Каролина забралась на сиденье и раскрыла желтый блокнот. Блантон вставил ключ зажигания, но мешкал завести мотор.

– Мисс Мейбри, вы не думали уйти из этого дела?

– Простите?

– Никто вас не осудит. Парня вашего найдут и без вас. Не зря женщины так редко работают на подобных делах. Это противоестественно – разглядывать трупы изнасилованных и даже просто утопленниц. И если вам не под силу...

– Вы прочли, как я пыталась спасти пацана? – перебила Каролина.

– Я не к тому, что вы не справитесь...

– Вы именно к этому. – Каролине хотелось объясниться. – Парень

продавал наркотики Ленин Райану, вы дочитали рапорт?

Блантон вздохнул, завел мотор и стал отъезжать от похоронного бюро.

– Да, конечно. У плотины.

– Точно. Его рука чиркнула по моей... я думала, ухвачу его... но вообще-то он меня чуть не стянул. —

Каролина зябко поежилась. – А я... я пыталась его удержать. Но может, выпустила. Может, испугалась воды.

– Вы так считаете?

– Не знаю. Я думала, я сделала все, что могла. Но мысли не отпускают, в голове проигрываешь варианты. Потом начинаешь гадать. Я к тому, что тело так и не нашли. Я беспрестанно думаю об этом парне, и мне паршиво. А еще представляю, как он утянул бы меня за собой. – Каролина кивнула на похоронное бюро: – Когда сдернули простыню, я увидела кроссовку и сразу поняла, что ваш парень тут ни при чем.

– Кроссовку?

– Вы сказали, он придает позы жертвам. Он перфекционист. Такой не оставит жертву наполовину обутой. На самом деле, наверное... – Каролина вздохнула. – Наверное, я просто не хочу смотреть на мертвецов, особенно утопленников. Мне и без того снятся странные сны. – Она отвернулась к окошку. – Если считаете, что я даю слабинку...

Смолкнув, Каролина смотрела на роскошные дома и кованые решетки оград, увитые темными лозами.

– Он наблюдал за вами?

– Что? – обернулась Каролина.

– Ваш убийца. Райан. Он видел, как вы пытаетесь спасти пацана?

– Не знаю. Я об этом как-то не думала.

– Но если видел, что он, по-вашему, чувствовал?

Каролина старалась понять, к чему Блантон клонит, но в голове был сплошной туман.

– Что-то я не очень понимаю...

– Вы сказали, он поставил вас перед выбором: арестовать его или спасти парня. Так неужели он за вами не проследил? А если проследил, неужели ничего не почувствовал?

Каролина попыталась увидеть картину глазами Райана: она вниз головой висит на мостке, Паленого уносит к пенному краю плотины.

– Парень ваш весьма особенный. Должен признаться, рапорт меня озадачил, мисс Мейбри. Субъект демонстрирует комбинацию поведенческих моделей, что не свойственно серийному убийце. Или, скорее, похоже на многих убийц сразу. Ногти и деньги, подготовка и

перемещение тел, символика, изменчивость – то позерство, то импульсивность. Единственная неизменная составляющая – гнев. Он ломает шеи, а потом стреляет. Такая избыточность, мисс Мейбри, свидетельствует о неудержимой ярости, о бешеном желании отомстить.

После бессонной ночи Каролину смаривало, и за мыслью Блантона она не попевала.

– Подобные преступления существуют в границах психологического ряда. – Блантон провел рукой по приборной доске. – На одном конце возбуждение. Секс. На другом – чистая ярость, месть символической жертве. Где расположится ваш парень?

Каролина не ответила, и он продолжил:

– Он ни разу не оставил сперму. Это уже примечательно. Возбуждение, если и было, скоро сменяется желанием отомстить. Гневом. Ваш Райан был влюблен в проститутку. Значит, его влечет к шлюхам. Но пока он сидит в тюрьме, возлюбленная возвращается к своему ремеслу, и он ее за это ненавидит. Он ненавидит шлюх – и он вожделеет шлюх. Он не сумел спасти свою подругу – и других шлюх тоже не спасти. В какой-то момент он понимает, что после него шлюхи будут спать с другими мужчинами. Ему это невыносимо... Предположим, он снял первую шлюху, чтобы с ней переспать. И не может кончить. От возбуждения он соскальзывает к гневу, ломает шлюхе шею и... кончает. Облегченный, он даже не забирает свои деньги. Прячет тело у реки, а со следующей шлюхой повторяет весь цикл. Отсюда трупы номер один и номер два. Я думаю, трупов больше, но вы их еще не нашли. Пока это неважно. Фантазия движется вдоль психологического ряда. – Блантон посмотрел на Каролину: – На чем, я говорил, мы ловим этих ребят?

Каролина припомнила:

– На отклонении.

– Верно. И в чем отклонение? Где отличие? Что изменилось?

– Я не... Он изменился, когда мы нашли первый труп. На то же место он подбросил новое тело.

– Правильно. Правильно. Вся фантазия изменилась. Что-то заставило его измениться, и теперь он выставляет трупы напоказ, словно через них пытается общаться с внешним миром, новыми жертвами заменяет старые. Он убивает других людей – дядю и хозяина ломбарда. Что спустило курок? Что произошло с Ленин Райаном, что его изменило? С кем он пытается поговорить, мисс Мейбри?

Каролина прикрыла ладонью рот:

– О господи.

Со скоростью десять миль в час Блантон полз по обочине. Но чем медленнее катила машина, тем быстрее вылетали слова:

– Он видел, как вы пытались спасти мальчишку, и его это тронуло. Вы его изменили. Он подбрасывает трупы, чтобы вы их нашли. Он заманивает вас в проулок, показывает вам труп, а затем ищет новую шлюху. И кого он выбирает? Жаклин, с которой вы недавно беседовали. Неужто не понимаете? Он разыгрывает вашу первую встречу, дает вам возможность спасти этих людей.

Каролина дышала часто и хрипло.

– Вы сказали, он подбросил новый труп на то же место. Так. Двигайтесь дальше. Кто должен его увидеть? Кто, считает он, спасет этих шлюх? Кто, если б повернуть время вспять, спас бы его подругу?

– Я? – прошелестела Каролина.

– Да, – сказал Блантон. – Вы.

Борода отрастала хорошо. Ленни Райан так и этак посмотрелся в зеркало, поскреб темную густую щетину. Потом добрил голову, стер полотенцем остатки пены, надел очки с минимальными диоптриями и вновь посмотрел на свое отражение, будто перевернутое вверх тормашками – ни волоска сверху, шевелюра снизу. Затем поднес к лицу водительское удостоверение Дэвида Никелла, бывшего мужа Анжелы, и сравнил себя с фотографией лысого бородатого очкарика.

За дверью раздался голос Анжелы:

– Джин, ты скоро?

Ленни вышел в коридор. Запахнув халат, Анжела улыбнулась и погладила Ленни по бритой голове: – В ванной торчишь дольше всякой женщины. Ленни проводил ее взглядом. Вообще-то он не любил крупных баб, но с Анжелой было хорошо и спокойно. Ленни прошел в кухню и обулся. Ботинки – лучшее, чем его наделила встреча с Анжелой на стоянке грузовиков. Муженек ее так поспешил дать деру что бросил не только права, но и кучу шмоток. Почти все пришлось впору, вот только штаны чуть свободны в поясе и коротковаты. Но ботинки просто шикарные. Как бы ни сложилось с Анжелой, думал Ленин, ботинки останутся при нем.

Он вышел на улицу. До чего ж хорошо: никаких машин, только гул высоковольтной линии и шорох деревьев, окружавших шлакоблочный домик. Анжела жила в часе езды от города, к северу. В узкой долине, прорезанной автострадой, фермерские домики и трейлеры отстояли друг от друга чуть ли не на милю. Едва увидев это место, Ленни вспомнил, как сильно любит деревню.

Пригревавшее солнышко пронизывало сосновые и еловые лапы. По грязной дорожке Ленни прошел к курятнику, снял крючок и шагнул в дверь, хрустя соломой и сухой люцерной. Пролез под насест и в первом же гнезде нашел яйцо. Курица негодуяюще клюнула его в ногу. Ленни машинально ее пнул. Удар вышел неожиданно сильным – взметнулось облако из соломы, земли и квохтавшей хохлатки. Ленни сам опешил от собственной ярости. Посмотрел на труху, оседавшую в солнечном луче, и курицу, заполошно кинувшуюся на улицу.

Потом продолжил яичную охоту. Набрал восемь штук. Сложил в подол футболки и просеменил к выходу. Не отрывая глаз от ноши, в кухню вошел через заднюю дверь, звякнувшую колокольчиком. Выложил яйца на стол.

Анжела еще плескалась в ванной. Ленни разбил яйца в железную миску, добавил молока и щепотку корицы, как всегда делала мама. Наверное, молоком она компенсировала нехватку яиц, но Ленин нравился вкус маминого омлета. Взбив яйца, он отставил миску, натер лук и сыр, нашинковал зеленый перец и кусочек ветчины, оставшийся с ужина.

Газовая горелка всхлипнула и, мигнув, озарилась синим пламенем. Ленни бросил кусок масла на сковородку и держал ее над огнем, пока растаявшее масло не стало темнеть. Потом вылил болтушку в сковородку и накрыл крышкой.

– Ух ты, пахнет вкусно. – Анжела шла одеваться, но задержалась на нижней ступеньке лестницы. – Какие на сегодня планы, Джин?

Ленни приподнял края омлета, дал стечь непрожаренной болтушке и вновь накрыл сковородку.

– Съезжу в город.

– В Спокан?

– Угу.

– Я сегодня работаю, но если ты к двум вернешься, я бы тоже поехала.

Ленни не отрывал взгляд от сковородки:

– Нет, я вернусь позже.

– Ну тогда ладно. У меня и здесь полно дел. – Анжела ушла наверх.

Ленни положил в тостер два ломтика хлеба и налил апельсиновый сок в два стакана. Ссыпал сыр, ветчину и овощи в омлет, прикрыл крышкой. Потом взял воскресную газету, которую Анжела принесла из ресторана. Просмотрел раздел коммерческой недвижимости. Ничего. Конечно, на газеты рассчитывать глупо. Ленин опустил газету и уставился в окно.

Спустилась Анжела. В официантском платье и туфлях. О чем-то задумалась. Ленин разделил омлет, пододвинул Анжеле тарелку и тост.

– Кстати, чем ты занимаешься в Спокане?

– Я же говорил. Забираю почту. Кое с кем вижусь. По делам.

– По каким?

Ленни перестал жевать, но не ответил.

Анжела ковырялась в омлете:

– Значит, будешь поздно?

– Еще не знаю.

Анжела разглядывала вилку:

– Просто ты давно не ездил в Спокан.

– Несколько недель.

– У нас тут вроде все неплохо, а?

Ленни жевал омлет и смотрел на нее. Анжела отхлебнула

апельсиновый сок. Обычно она не приставала с вопросами, хотя имела все основания. Наверняка поняла, что Ленни в бегах. Он сразу бросил якорь у нее, а на другой день обрил голову и стал отпускать бороду. Возможно, Анжела считала странным, что он все больше смахивает на ее бывшего мужа, однако ничего не говорила. Видимо, давно решила, что на свете есть вещи, о которых лучше не знать. Она редко спрашивала о делах Ленни, если он сам о них не заговаривал. И похоже, пора заговорить, иначе завтрак будет испорчен.

– В чем дело? – наконец спросил Ленни.

– Ты бы мне сказал, если б у тебя кто-то был в Спокане, да?

– Никого нет.

– Но раньше у тебя была женщина?

– Да.

– Больше нет?

– Нет.

Анжела обкусывала корочку с тоста:

– Извини. Наверное, я кажусь ревнивой каргой.

– Все нормально.

Анжела закатила глаза, рассмеялась и вгрызлась в омлет:

– Вкуснотища! Кому-то повезет с таким мужем.

Ленин ел молча.

На пути из Нового Орлеана в Солт-Лейк-Сити Каролина вся извелась. Она задремывала, но почти сразу просыпалась и, глянув на часы, не могла уразуметь, почему время вдруг остановилось. Над Средним Западом попали в грозу, самолет поднялся выше. Каролина смотрела на вспышки молний внизу, потом опустила шторку иллюминатора. Рев двигателей и треск обшивки служили звуковым фоном рваных сновидений, где женщины тонули в холодильниках, бальзамировщик Рассел угощал Каролину мать кофе, а Миссисипи пенилась в огромном водопаде.

Соседка баюкала уже уснувшего ребенка – «Ш-ш-ш, ш-ш-ш, ш-ш-ш», – и голос ее тоже царапал нервы. Каролина встала и пошла в туалет в хвосте самолета. Пробираясь по узкому проходу, она видела запрокинутые лица пассажиров, словно и они чего-то от нее хотели. Лоб покрылся испариной.

В конце салона проход перегородил мужчина, болтавший с симпатичной девицей. Каролина терпеливо ждала, когда ей уступят дорогу. Не глядя на нее и не прерывая беседы, мужчина вжался в спинку кресла.

В туалете она ополоснула лицо и посмотрела на себя в зеркало.

В Солт-Лейк-Сити на час задержали вылет. Каролина сидела в кафе и писала черновик рапорта о встрече с Блантоном. Кёртис набросал примерный профиль неизвестного фигуранта, под который Райан подходил идеально («...фигурант проявляет мстительную изобретательность, порожденную глубокой травмой, и путем создания суррогата первоначального источника травмы...»). К счастью, абзац о Каролине («...возможно, развитая фантазия субъекта отводит детективу Мейбри роль противника или символической фигуры...») был краток.

Перелет из Солт-Лейк-Сити в Спокан проходил легче. Каролина сидела у окна, соседей не было. Мечтая поспать, она закрыла глаза, но тотчас раздался голос пилота:

– Мы подлетаем к Спокану...

Каролина посмотрела на часы и опешила: она проспала весь полет. Если что-то и снилось, ничего не запомнилось.

Точно сомнамбула, она шла вслед за женщиной с ребенком, которая на первом отрезке пути была ее соседкой.

– Вон он! Вон он! – повторяла женщина. – Смотри!

Высокий длинноволосый мужчина вышел из толпы встречающих и

заклучил мать и малышку в объятия. Они отошли в сторонку. Каролина оглянулась: отец поцеловал дочь в маковку

Даже в полночь в аэропорту было людно. Джоэл сидел поодаль. Увидев Каролину встал и взял у нее сумку. Каролина не сопротивлялась. Джоэл нагнулся и поцеловал ее.

– Привет, – сказал он. – Выглядишь усталой.

Джоэл уложил сумку в джип. Сели в машину, пристегнулись, но Джоэл не заводил мотор.

– Что случилось? – спросила Каролина.

– Я должен тебе кое-что сказать. – Он повернулся к ней: – Хотел дома, но лучше сейчас.

Каролину обуяла сонливость.

– Ладно.

– Вчера вечером я встречался с Дерекком и Джеем... у меня и мысли не было... но... я познакомился с девушкой и... извини... привел ее домой.

– Ладно. – Каролина кивнула и, откинувшись на сиденье, закрыла глаза.

Часть четвертая
Июль. Смерть от воды

Как обычно, первыми исчезли пороги – река обнажила белые округлые валуны, похожие на обглоданные кости, и заостренные камни, которые десять тысяч лет назад притащил ледник, прописав их на илистом каменистом дне. На возникшем мелководье бродили три старика с металлоискателями – по слухам, некогда здесь затонул паром с рудничными сокровищами. Старики прочесывали открывшееся дно и, прислушиваясь к писку в наушниках, мечтали о древних монетах и серебряных самородках, но были бы рады и позывному от старого плуга или автомобильного остова – всякой загадке, которой так не хватало в их жизни. Как все люди, они слишком поздно поняли, что загадка – ключевой интерес земного существования, отвлекающий от мыслей о его неизбежном финале. Человек увлекается и остывает, увлекается и остывает – в конце концов этот алгоритм его и приканчивает. Но старики не делились друг с другом печалью. Кивая и настороженно вскинув бровь, они брели по сверкающему мелководью, выставив металлоискатели, точно трости слепцов, и были равнодушны к глубоким местам, где жизнь продолжалась: речное полотно, взрезанное пловцами, рыболовами и лодками, взрывалось крохотными призмами, осыпавшимися дождем.

Сотню лет народ любовался укрощенной июльской гладью, на двадцать миль протянувшейся от озера Кёр-д'Ален в лесистом Айдахо до ледниковых оврагов на западе, где река замедляла свой бег, отмечая конец лесов и возвращение великой каменистой пустыни Запада. Здесь были уже не белые сияющие камни, чуть волновавшие поток, но черные и мрачные скалы. Слоистые столбы вулканического базальта дробили реку на рукава, похожие на огромные наконечники стрел, оружие доисторических индейцев; камень брал верх над водой, загоняя ее в тесные русла, что огибали скалистые острова и обрывались каскадом. И пусть вода заверяла в своей конечной победе, каждое лето черные мрачные камни говорили, что наступит она весьма не скоро. Зрители не спешили к водопаду, превратившемуся в писающего мальчика. Кому нужны фото камней?

Наверное, потому-то все и проморгали засуху. Но она подкралась к городу. Пятьдесят четвертый день без дождя газета отметила цветной фотографией фермера во втором поколении, в пальцах растиравшего сухую землю. Ну и что с того? Фото и статью о засухе народ воспринял как нечто далекое и теоретическое, вроде телепрограммы, заполняющей время между

ужином и постелью. Неужто кто-то еще верил, что вода нисходит с неба, а фермы до сих пор существуют? Вода течет из кранов. Продукты растут на магазинных полках. При чем тут засуха, если каждое утро поливалки орошают зеленые лужайки?

Вот что было истинным мерилom воды. А не какая-то изможденная река, что, перебравшись через водопады, ковыляла умирать на равнине между Мирной долиной и Девятой милей. При закрытых плотинах вода собиралась в череду озер, безопасных даже для пьяных паромщиков, водных мотоциклистов и собак, вплавь настигавших теннисный мячик. Остаткам реки дозволялось протиснуться сквозь турбины и очистные сооружения, где, миновав отстойники, вода продолжала свой путь мимо строительных комбинатов, конезаводов и ферм и, обогнув индейскую резервацию Колвилл, впадала в Колумбию, которая уже давно перестала быть великой американской рекой и превратилась в обыкновенную систему плотин и озер.

В мифической западной реке есть равновесие и покой, рыбак, удящий нахлыстом, сливается с природой. Но нынче все реки загажены скотиной и дорожным мусором. Разрушены. То, с чем не справились камни, с прискорбной легкостью довершили плотины, превратившие большие реки в мертвые озера стоячей воды.

В одном из таких озер, что всего в двенадцати милях от Спокана, опустившаяся вода обнажила остов старой жатки на конной тяге. Лет восемьдесят назад какой-то фермер ее выбросил, а река приняла и в периоды засухи, случавшиеся раз лет в десять, показывала тем, кто шарил по дну. Нынче жатку обнаружили двое мальчишек, которые брели вверх по течению и тыкали палками в отмели, ища лягушек. Длинные железные зубья, торчавшие из воды, смахивали на ребра, а сиденье уборщика – на комическое велосипедное седло.

Потом ребята расскажут телерепортерам, что от заржавевшего агрегата несло странной гнилостной вонью. За зубья жатки зацепилось до неузнаваемости разбухшее голое тело, будто слепленное из воздушных шаров цвета илистой отмели. Знавшие этого человека живым никогда не поверили бы, что этот баламут, бабник и хулиган, которого боялись и вождели, превратится в водянистое месиво из химикалий и органов. Река показала свой старый-старый фокус. Через три месяца она отдала Паленого.

Как ни странно, Каролине понравилось работать под руководством Спайви. Он был профессионален и въедлив, а его дотошность, прежде выглядевшая занудством, как нельзя лучше соответствовала бухгалтерской сущности сыска. Через шесть недель конференц-зал, при Дюпри напоминавший клуб нервных циников, обрел вид подлинного штаба многофункциональной оперативной группы: на стенах карты, графики и фотографии, на вращающемся стеллаже аккуратно систематизированные и всегда доступные рапорты об образцах земли, волокнах ковров и биологических пробах. Конечно, и при Дюпри что-то подобное наблюдалось, но главное отличие было в организации дела и рабочей атмосфере. Комната больше не производила впечатления полицейского участка, где копы, забросив ноги на стол, лакают кофе и нескончаемо треплются по телефону. Если прежде рабочий день завершался всего лишь непоимкой убийцы, то теперь сыщики расходились по домам, составив обзоры дел по проституткам, отчеты о «влиянии окружающей среды», выразившемся в опарышах на трупах, и достигнув прочих небольших, посильных свершений. Компьютерная база данных непрерывно пополнялась массой информации: доносы, допросы, осмотры, экспертизы, отчеты, дополнения, опросы на месте происшествия, аналогичные преступления по всей стране, словно гигантский объем сведений мог раскрыть преступление и обнаружить Ленни Райана, схоронившегося в ворохе бумаг. Каждый детектив имел персональный компьютер, куда заносил все свои контакты; систематизированные, они были доступны по нажатию клавиши F2. Штатный программист приспособлял программы к нуждам группы и удерживал бестолкового детектива Лейрда от пальбы в компьютер, который категорически не понимал его запросов. Шесть детективов разделили зоны работы: прошлое жертв и опросы проституток (сфера Каролины), результаты осмотра места происшествия и экспертиз, розыск Ленни Райана. На ежедневных летучках все отчитывались и выдвигали идеи.

Многое в Спайви по-прежнему раздражало – та же манера вздергивать пиджачные рукава, как банкир, собирающийся сунуть руку в унитаз, или неумемное желание всех напоить кофе и накормить выпечкой. На летучках он выглядел не руководителем группы, а снисходительным официантом.

– Кажется, вы положили глаз на последнюю плюшку, Каролина.

- Нет, она ваша, Крис.
- Еще кофе?
- Нет. Счет, пожалуйста.
- Эта плюшка смотрит на вас, Джефф.

Глядя на Каролину, Макдэниэл вскинул бровь:

- Я не употребляю жженый сахар. Вредно для обмена веществ.

Конечно, привлечение Джеффри Макдэниэла к полномасштабной работе в группе было главной фишкой Спайви. Первым делом он убедил отдел поддержки расследований, что для имиджа ФБР будет чрезвычайно полезно, если его сотрудники, отринув консультации и теоретизирование, окажут местной полиции конкретную помощь в поимке серийного убийцы.

Едва прибыв в группу, Макдэниэл прямоком подошел к Каролине и притворился, что его интересует ее работа по Райану. В свои сорок семь этот озабоченный собственной внешностью качок, чьи сидящие волосы разделял идеальный косой пробор, говорил, что ему «далеко за тридцать». Такого встретишь на улице и можешь спокойно спорить на месячное жалованье, что это коп. Часу не прошло, как Макдэниэл уже подбивал клинья к Каролине: присел на край стола и, скрестив руки на груди, поигрывал накачанными мышцами под тесной белой рубашкой.

– Я вот думаю, с кем бы мне ходить в спортзал, – сказал он, оглядывая Каролину. – Похоже, вы в отличной форме.

- Вы не поверите, каких высот достигло протезирование.

- Ладно вам. Наверняка в тренажерный зал ходите.

- Вряд ли я сгожусь вам в подстраховщики.

– Подстраховщик мне без надобности. Я ищу спортивного партнера. Предпочитаю женщин. Они надежнее. Мне нужен человек, которому я смогу доверять.

- Удачи в поиске, – сказала Каролина.

Если не считать волокитства за Каролиной и секретаршей, роль Макдэниэла была не вполне ясна. На летучках он теоретизировал о «простое» Ленин Райана или рассуждал, почему изменился почерк: «Резинки, которыми прихвачены деньги в руках жертв, говорят о возросшем стремлении к власти и порядку». Теперь Каролина находила весьма уместной характеристику, которую Дюпри дал спецам из ФБР: «знатоки прошлогоднего снега». Всякий раз, когда сыщики добывали новую информацию о Райане (отец арестовывался за избивание матери), Макдэниэл кивал – «В точку», «Элементарно» – и добавлял штрих в нескончаемый профиль.

Все остальное время он был личным наставником Спайви – повсюду

мотался за неугомонным детективом, рассказывая о своих боевых подвигах. Либо околачивался в офисе, проявляя неудовольствие, лишь когда кто-нибудь поминал Кёртиса Блантона и его отчет. Макдэниэл поджимал побелевшие губы и ждал смены темы, уставившись на свои ботинки. Откровенно выводила его из себя лишь мысль Блантона о том, что Ленин Райан зациклился на Каролине. «Нелепая сентиментальная чушь, – цедил Макдэниэл. – Абсолютно ясно, что так он общается с внешним миром, с каждым из нас».

Он только однажды заговорил о Блантоне. Как-то утром Каролина ответила на звонок женщины, представившейся агентом Макдэниэла. «Передайте Джеффу, что с “Судебным ТВ” облом, – сказала та. – Я пыталась втолковать, что через месяц он уходит в отставку и будет свободен, но им фиолетово. Они опять берут этого жирного ублюдка».

Каролина передала телефонограмму Макдэниэлу. Тот горестно покачал головой и пробурчал:

– Уйди я в отставку раньше него, был бы миллионером. – Макдэниэл взглянул на Каролину: – Вы видели его на телеэкране? Запинается, бесконечные повторы. Телегеничен, как бородавочник. – Он оглянулся и понизил голос: – Вообще-то он не сам ушел. Его ушли. Только между нами. Он... у него не все дома. Понимаете?

Покачиваясь с пятки на носок, Макдэниэл раз-другой перечел сообщение, потом смял листок, бросил его в мусорную корзину и вышел из комнаты.

Пусть он и Блантон были заклятыми врагами, но их профили Споканского Сплавщика почти во всем совпадали. Оба сходились в том, что улики свидетельствуют о серийном убийстве на почве крайнего «возбуждения/воздаяния», что проститутки одновременно влекли и отталкивали Райана, что жертвы символизировали возлюбленную, которая его предала, за деньги отдаваясь другим мужчинам. Отсутствие спермы и маниакальное омовение хлоркой говорили о его неодолимом отвращении к подобным женщинам, с которыми он даже не допускал эякуляции. Райан подавал знак полиции, что именно он совершил убийства (иначе зачем приманивать Каролину к трупам?), но не оставлял следов на жертвах. Деньги в руках убитых женщин – знак, что те «всего-навсего шлюхи». Возможно, он мнил себя сродни полиции: оказывает услугу, очищает улицы от непорядочных женщин. Вместе с тем деньги – горький прощальный привет, адресованный одной конкретной проститутке. Райан, считали спецы, винил свою подругу в ее собственной смерти и в том, что она превратила его в убийцу. *Она его вынудила.*

Если Макдэниэл и дополнял профиль коллеги, то лишь в специфической теме, по которой защитил докторскую: схожее детство сексуальных маньяков. Он представил шаблонный портрет юнца, из которого мог вырасти убийца, изводящий полицию. Прошлое Ленин Райана – «подростковые банды и конфликты с законом... раннее знакомство с сексуальной жизнью посредством проституток» – полностью совпадало с этим портретом.

Когда Каролина ознакомилась с отчетом Макдэниэла, ее закачало, как тогда в Новом Орлеане, и она подумала, что, наверное, лучше *не понимать* тех, кто убивает столь умело и легко. В отчете было семь разделов. Первый назывался «Мышление лишенных родительского внимания и доподростковое соперничество братьев и сестер». В эту компанию попадают абсолютно все, подумала Каролина. Далее разделы становились все специфичнее, а один – «В поисках суррогата для вымещения злости малолетний преступник проявляет жесткость к животным» – всколыхнул давнее воспоминание. «Профили» ужасали своей обыденностью. Каролина вспомнила историю, услышанную на остановке школьного автобуса: соседский мальчишка забавлялся тем, что засовывал кошку в мусорный бак и палил по нему из воздушного ружья. Как же его звали? Какой-то Пит. И что, он превратился в серийного убийцу? Пит... Пит... А фамилия-то как, черт бы его побрал? Позже, наверное, фамилия всплывет, и тогда можно пробить ее по базе данных – посмотреть, что стало с этим Питом. Каролина усмехнулась, представив одобрительный отклик Дюпри на ход ее мысли. Поначалу ей хотелось, чтобы Алан остался в группе или хотя бы в отделе. Но через месяц под Спайви она поняла, что Дюпри не смог бы существовать там, где правят аналитики и бухгалтеры, где все противоречит его двадцатилетнему полицейскому опыту.

Особенно он бы возненавидел утренние летучки – фирменное новшество Спайви. После раздачи кофе и кексов, поправок в распорядке, последних озарений Макдэниэла о детских привычках Ленин Райана и никчемной информации, собранной накануне, говорить было не о чем. Никаких следов Райана. Нет новых трупов. Ни слуху ни духу о пропавших проститутках, Жаклин и Рисе. Детали – засохшие кровавые брызги, странное коверное волокно – появлялись, но никуда не приводили.

Нынче утром Макдэниэл чавкал жвачкой и терпеливо ожидал своей очереди. Спайви, воспев компьютерную систему, открыл планерку. На грифельной доске начертав мелом «Жертвы», он взглянул на Каролину:

– Начнем с вас. Что нового на проститутском фронте?

Конечно, он уже видел ее отчет. Спайви ежедневно проверял работу

всех детективов, но также требовал публичных выступлений, дабы ни одна деталь не ускользнула, дабы те, кто занимался подозреваемым, были в курсе того, что нарыли работавшие по жертвам, и так далее.

Каролина раздала шесть экземпляров распечатки ее беседы с Линн Хейт, исполнительницей экзотических танцев и по случаю проституткой. Примерно три недели назад на выходе из загородного клуба к ней подошел белый мужчина лет сорока, владелец красного седана. Он представился полицейским, расследующим серийные убийства. Держался дружелюбно, расспрашивал о ее ремесле. Не заметила ли она чего-нибудь подозрительного? А на Ист-Спрейг прежде работала? Затем предложил ее подвезти, но танцовщица, почуяв неладное, попросила показать бляху. Мужчина стал увиливать, и Линн, испугавшись, кинулась обратно в клуб. В полицию не заявила, потому что имелся ордер на ее арест за неявку в суд по делу о хранении наркотиков.

– Элементарно, – сказал Макдэниэл. – Райан опять прикидывается копом, как в Калифорнии. Считает себя одним из нас.

– Всего труднее – склонить проституток к сотрудничеству, – перебила Каролина, не дав ему завладеть вниманием группы. Опять вспомнилась Жаклин. – Они нам не доверяют.

Далее она поведала, что мужчина, пытавшийся усадить Линн Хейт в свою машину, был в бейсболке и сильно бородат, а посему танцовщица не смогла его опознать на предъявленных фото. Однако Спайви обзавелся новой игрушкой – графическим редактором, позволившим превратить мужчин на снимках в бородачей. Хейт тотчас указала на Ленни Райана.

– Прокурор сомневается, что суд признает опознание по обработанной фотографии, – сказала Каролина. – Но сначала хорошо бы добратся до суда вообще.

– Грандиозная работа, – оценил Спайви. – А что у нас с реестром проституток?

Это была его блестящая идея. Каролина изучала полицейские рапорты, встречалась с социальными работниками и сотрудниками всяческих фондов помощи, имевшими дело с уличными проститутками, стриптизершами, девочками по вызову, и составляла нечто вроде каталога, в котором значились все, кто последние пять лет принимал клиентов. В списке было свыше трехсот имен, половина из тех, чье местонахождение удалось установить, сидели в тюрьме, находились под надзором или уже умерли. Предполагалось, что реестр позволит выявить пропавших шлюх и отслеживать ныне здравствующих, но в реальности он только устрашал объемом работы. В каталоге насчитывалось более сотни шлюх вроде

Жаклин, о ком не было никаких сведений, даже их настоящих имен.

Проститутки, в массе своей хронические наркоманки, постоянно мигрировали: кто-то, потеряв своего наркодельца, перебирался в Сиэтл, кто-то уезжал в Портленд под крыло прежнего сутенера.

– Мы разослали список в ночлежки всего Северо-Запада, попросили другие полицейские управления провести облавы, – сказала Каролина. – Наверное, это все, что в наших силах.

– Грандиозно. Еще кофе?

Остальные детективы занимались Ленин Райаном. После публикации его фотографии в газете позвонил хозяин споканского мотеля: с 22 по 27 апреля похожий человек проживал у него под именем Джин Лайонс. В мотеле отпечатков Райана не обнаружили, но почерковедческая экспертиза установила, что корявая роспись в гостевом журнале идентична его подписи в тюремном досье.

Сияющий Спайви одобрительно покивал:

– Отлично, ребята. Высший пилотаж. У нас есть его псевдоним. Мы знаем, что он представляется полицейским и заманивает шлюх в свою машину. Знаем, что он прибыл в Спокан по меньшей мере за пять дней до операции в Прибрежном парке. И самое главное, нам есть что добавить в хронологию.

Огромная разграфленная хронологическая схема, любимое детище Спайви, занимала половину стены. В крайнем левом столбце были имена Райана и его жертв. В верхней строке – даты. Когда появлялся свежий факт – скажем, Каролина узнала, что 14 марта Ребекка Беннетт, первая жертва, в больнице навещала подругу, – Спайви говорил «Грандиозно!» и устраивал целое представление: распечатывал информацию, вырезал ее из листка и клеивал в схему, точно торговец, отмечающий удачную неделю на шкале квартальных продаж.

Несмотря на всю его рьяность, подумала Каролина, со времен Дюпри расследование ничуть не продвинулось. Новые трупы не обнаружены. Никаких следов Райана, Жаклин и Рисы, если не считать показаний пары сомнительных свидетелей. Последнее достоверное появление Райана было два месяца назад, когда он привел Каролину к телу четвертой жертвы. По телевизору ежедневно показывали его фото («Подозреваемый в серийных убийствах все еще на свободе»), но откликнулись только две женщины: с ними заговаривал похожий бородатый мужчина в бейсболке. Больше ничего. Схема, каталог, издевательство над животными – все это зря, если Ленин Райан собрал вещички и был таков.

– Отлично сработано, ребята, – сказал Спайви.

В дверь постучали. Бочком, словно искал туалет, в комнату вошел староста волонтеров. Поправив очки в металлической оправе, он оглядел присутствующих и подошел к Каролине.

– Это вам? – спросил он, протягивая бумажку.

Телефонограмма. Имя Каролины, под ним короткое предложение: «У Девятой мили обнаружен труп Кевина Хэтча». Затаив дыхание, Каролина смотрела на записку. Уже стало в порядке вещей, что Паленый где-то плавает на воле. Каролина уронила руку, словно бумажка весила фунтов пятьдесят.

– Да, – чуть слышно сказала она. – Это мне.

Дюпри осветил фонариком в кусты, луч выхватил бретельки белого лифчика и парня, вздернувшего штаны. Алан хотел уйти, позволив юной парочке успешно завершить игровую комбинацию, – судя по степени раздетости игроков и собственным юношеским воспоминаниям, финал предыгровой разминки был близок, – но его уже заметили. Набожные детки попались и теперь смиренно ожидали кары. Оправляя одежду, прелюбодеи вышли из кустов: девушка опустила взгляд долу, парень возился с ремнем.

– Для этого есть места получше, – сказал Дюпри.

– Мы тут просто кое-что потеряли, – промямлил мальчишка.

– Я знаю, что вы потеряли. – Дюпри направил фонарик парню в лицо.

Лет четырнадцать. Девчонке тоже. – Возвращайтесь на концерт.

К счастью, действие шло неподалеку – на травянистой поляне Прибрежного парка, под старой часовой башней железнодорожного узла. Выступал ансамбль «Хлеб и рыба»; опешившему Дюпри устроитель представил его как «фундаменталистскую христианскую рэп-панк-группу с элементами ска».

Алан проводил срамников до края опушки, и те нырнули в толпу человек в триста, вскидывавшую руки и потрясавшую кулаками. По автомобильной платформе, ставшей импровизированной сценой, метался солист с блондинистыми дредами. Дюпри вынул беруши и, напрягшись, с трудом разобрал слова: «Еврей и язычник... Каин, брат Авеля... Корчи грешников в небесном огне». Алан вернул затычки на место, но тут оживилась рация и пришлось вновь открыть одно ухо. За грохотом музыки голос в рации был едва слышен:

– Дэвид четыре вызывает Дэвида один. Прием.

Келвин Тиг, чернокожий толстяк в очках. За месяц в патрульной службе Дюпри понял, что Тиг – самый толковый полицейский в его смене. Он сунул наушник в ухо и ответил:

– Что случилось, Тиг? Христиане бузят?

– Нет, сэр. Но я вот подумал: если положить конец их страданиям, это не сочтут превышением самообороны?

– Думаю, нас оправдают.

– Невыносимо. Это какая-то антимузыка. Может, они прекратят, если разок-другой пальнуть по сцене? Я постараюсь никого не задеть.

Дюпри глянул на часы:

– Десять минут. Потерпи десять минут. Потом прочешем парк и разойдемся.

– Ладно, но если они еще хоть раз заверещат про Бога, я стану атеистом, а вам придется объясняться с моей матушкой.

Дюпри прицепил фонарик к ремню. Он уже привык снова быть в форме и чувствовать надежную тяжесть кобуры на ремне. В отличие от цивильной одежды детектива, ремень как будто наделял моральным правом безапелляционно решать, что хорошо, а что плохо. *Конечно, я хороший. На мне же ремень.*

Дюпри сел на скамейку. В ухе сипел голос Лига:

– Какая церковь поощряет это дерьмо?

– Без понятия.

– Уж лучше бы раздали отравленную кислоту, и дело с концом.

– Давай не засорять эфир, Тиг.

– Вот в Библии сказано: «Пойте Ему, бряцайте Ему; поведайте о всех чудесах Его» – так?

– Я не знаю, честно.

– Я к тому, что тут дело не в расе, верно? Может, я чего не понимаю? Может, это такие... госпелы для белых?

– Да нет, вряд ли.

– Противно думать, что на небесах этих хмырей поселят вместе с Элом Грином^[11].

Дюпри откинулся на спинку скамьи:

– Не засоряй эфир, Тиг.

Концерт завершился панк-версией «О благодать»^[12], а затем солист предложил всем жаждущим спасения подойти к сцене. Толпа расступилась, человек двадцать, вскинув руки, вышли вперед. Панк-концерт превратился в духовное пробуждение: взмокший солист в кожаных штанах скинул кожаную куртку и, опустившись на колени, стал поочередно возлагать руки на головы своей паствы, каждому что-то бормоча. Народ, пришедший ради музыки, потихоньку разбредался, но большая часть осталась и, взявшись за руки, внимала молитве: *...И наконец, Господи, просим, чтобы дух, снизошедший на нашу группу, обитал в каждом из наших зрителей...*

Подошел Тиг:

– Эта фигня еще долго от меня не отвяжется.

Когда группа упаковала оборудование и толпа рассосалась, патрульные еще раз обошли парк. Тиг все не мог успокоиться:

– Пряма не укладывается в голове. Все равно как увидеть курицу за

рулем. Скажем, я – Бог и слышу эту муру: какой-то мудака с кольцом в носу чего-то там про меня поет. Разражу молнией. Нашлю саранчу. Мор и чуму.

В западной оконечности парка они спустились к реке и вышли к пешеходному мосту, на который три месяца назад Каролина загнала Ленни Райана и Паленого. Ленни стоял на мосту, Паленый полетел в воду, а Каролина вот тут принимала решение. Дюпри десятки раз мысленно прокручивал эту картину, словно упустил какой-то ключевой момент. Но ничего не возникало. Просто выбор, три вершины треугольника, три перемещающиеся точки. Каролина здесь. Ленни Райан вон там. Паленый в реке. И все. Дюпри встал на самый край берега. Река превратилась в ручеек, обнажились черные камни водопада, смахивавшие на декорацию ужастика, за плотиной – тихое мелкое озеро. Сейчас-то ничего страшного.

Подошел Лиг:

– Говорят, барыгу того наконец-то выловили. Слыхали?

– Да, слышал.

– Мальчишки наткнулись на его труп в Длинном озере.

– Угу.

– Как по-вашему, парень, который его скинул, – тот, который убивает шлюх, – он все еще в городе?

В полицейском управлении не было секретов, и Лиг беспрестанно расспрашивал Дюпри о его прежней работе, выпытывая самые жуткие подробности типа результатов вскрытия, которыми за кружкой кофе можно ошарашить коллег. Как всегда, Дюпри его отшил:

– Об этом лучше спросить детектива Спайви.

– Паршиво, если он еще не слинял. Прямо такой киношный робот-убийца, да?

Дюпри не ответил. Тиг наконец смолк и, покачав головой, устоялся на речное дно под мостом. Оба долго смотрели, как вода просачивается сквозь камни и хлипким ручейком течет по руслу, где еще недавно ревел бешеный поток, заглушавший любые разговоры.

– Терпеть не могу утопленников, – сказал Тиг.

– Да.

Они вернулись к своим машинам у входа в парк. Тиг спросил, не желает ли Дюпри убить последние минуты смены за чашкой латте в новой кофейне. Алан о ней даже не слышал.

– Рядом с участком, – сказал Тиг. – Старый кирпичный дом на Монро-стрит напротив поручительской конторы. Там ошиваются эти... пирсинг, гвоздичные сигареты... Потеха смотреть, как они шарят заначку в карманах.

– Езжай вперед, – ответил Дюпри.

Тиг отъехал, Алан завел мотор и вслед за напарником доложил диспетчеру.

Свет уличных фонарей заглядывал в машину, когда он медленно ехал по городу, минуя бары, которые через четыре с лишним часа закроются, выпустив ядовитое облако из домашних извергов, пьяных водителей, насильников с клофелином, вандалов и кое-кого похуже. Сейчас те накачивались спиртным, набирая форму. Вечерняя смена заканчивалась в девять тридцать, и когда пьяный сброд повалит на улицы, Дюпри уже будет смотреть спортивный канал в своей квартирке и ждать оповещения микроволновки о готовности замороженного буррито.

На светофоре он встал рядом с «форд-эскортом», в котором хохотала компания юнцов. Заметив Дюпри, молодежь мгновенно протрезвела, посерьезнела и уставилась прямо перед собой. Пару кварталов он ехал следом за фордом, но потом ему надоело и он свернул на Спрейг.

После тоннеля под железной дорогой улица распрощалась с добропорядочными заведениями и явила обшарпанные фасады порномагазинов и баров – район, с незапамятных времен бывший центром городской проституции. Нынче улица оказалась странно пуста, лишь паратройка машин возле баров, однако ни следа девиц, обычно фланировавших по тротуарам или маячивших на автобусных остановках, все как одна в коротких маечках, на которых не хватало лишь таблички «Открыто». Подобное уже бывало – страх выметал шлюх с улицы. Лет двенадцать-тринадцать назад в Спокане объявились лос-анджелесские банды, которые начали войну за территорию, распространившуюся и на сутенерский бизнес. Профессиональные шлюхи стали надомницами, принимали клиентов в барах и дешевых мотелях или переместились в Уэст-Сентрал – район, где работали их коллеги низшего разряда: сбежавшие из дома соплячки, жиголо, бомжи и слабоумные.

Но сейчас было пусто по-другому. Тогда все понимали, что заваруха временна: молодчики с пушками будут стрелять друг в друга и шлюх, пока все не утрясется, а затем девочки вернутся на свои маршруты и автобусные остановки. Но Ленин Райан ускользал от полиции, и это все меняло. О нем говорили так, будто он призрак, нечто потустороннее. Дюпри вспомнил свое первое впечатление о Райане – природное явление, сгусток зла, мрака и прочей дряни.

За перекрестком с Напа-стрит на улицу возвращался легальный бизнес – отражение города, в душе предпочитавшего подержанные машины компьютерам и передвижные дома кондоминиумам. Спокан был, так

сказать, старомоден, причем для одних «старомодность» означала неискушенность, для других – низший средний класс, для третьих – белую шваль.

Дюпри послушал рацию. Ничего особенного не происходило. Он свернул на Фрея-стрит и стал взбираться на крутой Южный холм. Этот район противоречил общепринятому мнению о Спокане как трейлерной площадке тихоокеанского Северо-Запада. Старые денежные мешки и нувориши, независимо от возраста их состояния, в основном обитали на Южном холме между Двенадцатой и Пятьдесят седьмой улицами. С каждым годом низший средний класс поднимался все выше по склону, и тогда богачи поползли вниз по другому скату холма, на север, где возник район домов со встроенными гаражами для жилых автофургонов и улицами под престижными британскими названиями: Ланкастер-сёркл, Ноттингем-плейс. Впрочем, пронумерованные улицы – все еще престижный район. Для Дебби было важно поселиться на Южном холме и отдать детей в тамошние школы, невзирая на мужнино полицейское жалование и свою зарплату логопеда на полставки. Следуя железному правилу рынка недвижимости, они купили плохонький домишко в хорошем районе и, чуток забрав к востоку стали обитателями Южного холма, насколько им было по карману

Если в западных окрестностях района преобладали ремесленный и викторианский стили, то на их улице стояли фермерские и калифорнийские разноуровневые дома, поновее, бело-коричневые. Баскетбольные кольца и велосипеды в палисадниках извещали о возрасте хозяйских ребятишек. Шесть лет назад все это казалось идеальным демографическим центром, в котором супруги Дюпри приживутся навсегда.

Их дом (так, наверное, еще можно сказать, пока не оформлен развод) был чуть меньше соседних и стоял в середине квартала. Белая штукатурка, один этаж, мансарда и погреб, гараж на одну машину. В остальных домах на улице гаражи на две. Дюпри остановился. Свет в доме погашен. На подъездной дорожке нет чужих машин. Во дворе не валяются игрушки и велосипеды. Дюпри заехал на стоянку, выключил мотор и прислушался. Вокруг тишина. Глянул на часы – начало одиннадцатого, официально его смена закончилась. Возвращаться в холостяцкую квартиру не вмоготу. Дюпри представил Марка в постели: простыни сбиты, весь извернулся, ноги свесились с кровати. А вот Стейси всегда спала так тихо, что порой хотелось поднести ладонь к ее губам – дышит ли?

Дюпри выключил рацию и, затаившись в темной машине, смотрел на дом. Вечер среды. Наверное, Дебби ушла на собрание книголюбов. Что

сейчас они читают? Помнится, на ее тумбочке лежало что-то вроде «Сестричек Йа-Йа»^[13]. Перед самым его уходом. Наверняка книголюбы уже обсудили эту книгу и перешли к следующей. Вдруг ужасно захотелось узнать, о чем эти «Сестрички Йо-Йо». Скорее всего, какие-нибудь бабские излияния о самопомощи или просто предлог поговорить о сексе. Дюпри раскусил этот кружок книголюбов, возникший именно потому, что женщинам нужен повод для разговора о сексе. Оттого-то все эти опросы в журналах – «Оцени своего любовника!». Вопреки репутации не-болтунов, мужчины говорят о сексе когда и где угодно – на футболе, у писсуара, на похоронах, – а вот женщинам нужно, чтобы тему поднял кто-нибудь другой. Дюпри даже слегка возбуждался, представляя Дебби на собрании добропорядочных жен и мамочек, которые под предлогом обсуждения книги говорят о сексе. Забавно, что самой волнующей деталью была именно книга. Он-то не книголюб, не хватало терпения, но его всегда тянуло к начитанным женщинам, и в его увлечении Дебби немалую роль сыграла ее любовь к книгам. Она читала не для того, чтобы убить время или выглядеть умной, – она и вправду любила книги. Ну и конечно, потому, что это нравилось ему. Однажды Дебби сказала, что он так на нее смотрит, словно она единственная на свете умеет читать. Но оба понимали, что в этой шутке есть доля истины, отражающей суть их отношения, этакий индикатор, с годами потускневший, но готовый вспыхнуть, когда из замученных бытом родителей они вновь превращались в похотливых первокурсников. Дюпри не сумел бы объяснить, как его преклонение перед читающей женой вписывалось в их кувыркание в постели, но оно совершенно точно присутствовало между раздеванием в темноте и тем моментом, когда, задыхаясь и кусая губы, они распадались на простынях.

Но с годами иные ценности возобладали над всем, включая его восхищение начитанной женой. Теперь они редко говорили о книгах, прочитанных Дебби. Похоже, началось это восемь лет назад на рождественской вечеринке – еще до убийства дебошира, до ночи с Каролиной и перевода в убойный отдел, – когда Дебби настояла, чтобы он пригласил на стаканчик всю свою патрульную смену. Но разве копы обойдутся стаканчиком? Засиделись допоздна, Каролина и Дебби вели натужную беседу, рядом топтались Дюпри и Каролинин кавалер, ее одноклассник-придурак, ахавший над книгами на стеллажах Дебби. Расплескивая пиво на ковер, захмелевшая Каролина рассказывала, что в колледже изучала поэзию. «Поэзия... и уголовное право. Представляете? Все равно как учиться на таксидермиста и ветеринара. – Она рассмеялась. – Мой руководитель решил, что я сбрендила». Дебби перехватила его взгляд

на Каролину, такую молодую, живую, хмельную и начитанную, и вот тогда-то, наверное, в ней вспыхнула ревность. А может, лишь тогда он заметил. В глазах Дебби читались обвинение и понимание. Дюпри уткнул взгляд в залитый выпивкой ковер.

Смешно. Двенадцать лет он мечтал, что будет свободен и соединится с Каролиной, и вот теперь наконец ушел от жены и ничего не сказал Каролине. Словно ждал чего-то. Чего? Может, дело в Джоэле? Может, после той встречи в баре понял, что парень тоже старается быть честным и приличным человеком. Может, дает Джоэлу шанс преуспеть в том, в чем сам оплошал. А может, считает, что не достоин Каролины, раз его выперли из группы. Или просто чувствует вину перед Дебби и детьми. А может, а может, а может...

Дюпри заметил, что венецианское окно гостиной не закрыто шторами. Странно. Дебби всегда на ночь задергивала шторы. Ну почти всегда. По пальцам пересчитаешь случаи, когда он приезжал домой и видел незашторенное окно, потому что Дебби уснула над книгой или перед телевизором. Может, и сейчас задремала? Дюпри оглядел окрестности. Место тихое, спокойное – рядом никаких приютов для отсидевших и излечившихся или роскошных особняков, интересных для взломщиков всякой масти, нет баров, изрыгающих пьяниц. Для детей самое безопасное место.

Но незашторенное окно тревожило. Один домушник, Тёрнер, выбирал поживу, заглядывая в голые окна. Дюпри чуть не стошнило, когда он представил, как такой же урод пялится на телевизор и стерео в его гостиной. Он отстегнул ремень и откинулся на сиденье. Вот так бы и сидеть каждую ночь, просто молча, не вникая, охранять своих домашних. Утром дети увидят его машину и отведут глаза, а он тихонько поедет следом. Удостоверится, что ребята благополучно сели в школьный автобус. Можно включить мигалку, только без сирены. Постепенно дети и их друзья привыкнут, что их сопровождает патрульная машина, когда они гоняют на великах. Даже не вспомнить, когда последний раз Марк смотрел ему в глаза. Связь с сыном оборвалась, словно после ухода из семьи Дюпри перестал существовать вовсе. Нет, было бы здорово жить в машине, смотреть, как подрастают дети, и не думать о том, какую травму он им нанес.

Каролина щелкала каналы, на Си-эн-эн промелькнули кадры болот. Лишь через три-четыре канала она сообразила, что это была за картинка, и вернулась. Новоорлеанский диктор бойко сообщал об аресте подозреваемого в убийстве девятнадцати женщин, самом жутком преступлении за последние три года. Убийцей оказался сторож лейкшорской средней школы. Камера наблюдения зафиксировала, как он ворует материалы из школьной фотолаборатории, печатавшей ежегодник. Директор учинил допрос, а сторож огорошил начальника признанием в серийных убийствах. Вот так просто.

Забавно, подумала Каролина, свернувшись на кушетке. Блантон пыжится, но убийцу случайно ловит директор школы. Она отыскала телефон Блантона и набрала номер. Ответила голосовая почта. Каролина посмотрела на часы: почти одиннадцать, в Новом Орлеане без малого час ночи. Пока она раздумывала, как Блантон воспримет ночной звонок, голосовая почта подала сигнал к началу записи.

– Здравствуйте, мистер Блантон. Это Каролина Мейбри, полиция Спокана. Я просто хотела... – Каролина чуть было не произнесла «поздравить», но вовремя одумалась, – сказать, что рада за вас. Вот и все.

Она положила трубку, через минуту телефон зазвонил.

– Я сошел с ума или вы только что меня поздравили? – спросил Блантон, то ли очумелый, то ли поддатый, как в их первую встречу. Каролина раскаялась в своем звонке.

– Я не знала, что еще сказать. Вы в конторе?

– Да.

– Что вы там делаете?

– Сижу.

– В час ночи?

– Правда? То-то я смотрю, народу никого.

– Почему не ответили на мой звонок, если вы там совсем один?

– Не хотелось разговаривать.

– А зачем перезвонили?

– Хотел узнать, с чем меня поздравляют.

– Я думала, вы рады, что его поймали.

– Мы тут слегка выпили с детективами. Вот они определенно рады. Может, вам с кем-то из них поговорить?

Каролина заметила, что его южная гнусавость исчезла, словно в этом приеме теперь не было нужды и его отложили до следующего раза. Голос блеклый, сухой и ожесточенный – аж мурашки по коже.

Помолчав, Блантон вздохнул:

– Так вы не спросите, насколько мой профиль совпал с реальным хмырем?

– Насколько ваш профиль совпал с реальным хмырем?

– Во многом. Но я опять переоценил интеллектуальный уровень фигуранта. Мне виделся человек с высшим образованием. А тут недоумок, долбаный вахтер. Странно, что он не покончил с собой.

Каролина не знала, что на это ответить. Вновь повисло молчание.

– Вы не спросите, обеспокоен ли я этим фактом?

– Вы обеспокоены этим фактом?

– Хороший вопрос. Да, я обеспокоен. Меня тревожит, что как абстракция этот парень гораздо интереснее себя реального. И я задаюсь вопросом: чего я ищущу? Видимо, мне нужно, чтобы эти ребята были страшные и... я не знаю... порочные. А этот просто сломленный.

– Вы с ним говорили?

– Да.

– Какой он? – Каролина сама удивилась, как тих ее голос.

– Долбаный псих, как все они, – тоже тихо ответил Блантон. – Обыкновенный. Чуть за сорок. Белый. Короткие темные волосы. Такой, знаете, непримечательный. Незапоминающийся. – Он вздохнул и звучно прихлебнул из стакана. – А как ваши дела, мисс Мейбри? Не прислать ли в *Споу-кейн* школьного директора, который поймает вам преступника?

– Не помешает, – сказала Каролина. – Хотя мы наконец-то заполучили аналитика.

– Это кого же?

– Макдэниэла.

– Невероятно.

– Но факт. Старший группы его пригласил.

– Макдэниэла? – Блантон словно ожил. Как в тот день, когда после осмотра утопленницы подвел Каролину к мысли, что Ленин Райан общается с ней. – Господи, он не составит даже собственный профиль.

– Чего вы с ним не поделили?

– В смысле? – после паузы спросил Блантон.

– Стоит вас упомянуть, как он буквально вылетает из комнаты.

Впервые Блантон не сразу нашелся с ответом:

– Я раньше ушел в отставку и застолбил все хорошие телепроекты. –

Он помолчал и вдруг встревожился: – А что? Он что-то сказал про меня?

– Нет. Я просто сомневаюсь, будет ли от него хоть какой-то толк.

– Не будет. Макдэниэл типичный фрейдист. Через полгода он скажет, что у вашего парня было тяжелое детство.

Каролина улыбнулась:

– Да, он много говорит о том, что в школе убийца был изгоем, а семья его часто переезжала. Еще об издевательствах над животными и всяком таком.

– Он оказал бы неоценимую помощь, будь убийце девять лет.

Помолчали.

– Я спросил здешнего парня о той пятнадцатилетней девочке, – наконец сказал Блантон.

Каролина ждала.

– Говорит, такую не помнит.

– Врет?

– Не знаю. Он сам вызвался пройти проверку на детекторе лжи. Признался во всех остальных убийствах. Кроме этого. Кроме девочки.

– Кто-то подражал?

– Нет, это он. ДНК, отпечатки совпадают. Все совпадает. Наверное, он может себя оправдать за то, что убивал шлюх и наркоманок. Но, видимо, даже он не может представить, кем нужно быть, чтобы такое сотворить с пятнадцатилетней девочкой. – Блантон смолк, потом тихо добавил: – А почему я могу представить?

Каролина не ответила, и он заполнил тишину глубоким вздохом.

– Кстати, мы немного ошиблись с торговым центром, – сказал Блантон. – Возле его дома нет магазина с кондитерской. Такой есть около школы. Девочка училась в школе, где он работал сторожем. Видимо, поэтому и села в его машину.

– Вы были правы, что девочка выпадает из общего ряда. Вы сказали, его можно поймать на отклонении.

– Да? – Блантон опять вздохнул. – Я много чего говорю.

– Вам надо поспать, – сказала Каролина.

– Вам тоже, мисс Мейбри, – помолчав, ответил Блантон.

Отбой. Каролина посмотрела на часы: начало двенадцатого. Включила телевизор. В местных новостях сообщали, что обнаружено тело Паленого. Жестикулируя, репортер стоял на дороге, что шла вдоль Длинного озера. Каролина прибавила звук.

– ...Следствие полагает, что это труп наркоторговца Кевина Хэтча, в апреле погибшего от рук Леонарда Райана, которого полиция разыскивает в

связи с убийствами...

А почему я могу представить? Слова Блантона засели в мозгу. Едва их услышав, Каролина подумала о Паленом и вспомнила тот день в парке. Что же она не сказала Блантону, что нашли Паленого? Никто лучше Блантона не поймет ее метаний: поверить не может, что Паленый нашелся, не постигает смысла событий на мосту. Блантон понял бы ее поиски внятного различия между Кевинами Хэтчами и Ленин Райанами этого мира (по его выражению, между сломленными и порочными). Фундаментального различия между ними и ею.

А почему я могу представить?

Каролина закрыла глаза и вновь увидела, как Ленин Райан сбрасывает Паленого с моста. Что потом? Взгляд. Райан смотрел на нее... Как? Этот взгляд не давал покоя. Она думала, Райан сбросил Паленого, чтобы поставить ее перед выбором: спасти одного или брать другого. Но взгляд... Ведь были проще способы убежать. И если это отвлекающий маневр, почему Райан не убежал? Почему стоял и смотрел на нее?

Конечно, она могла сделать другой выбор. Пристрелить Райана. Такая мысль, бесспорно, мелькала.

Наверное, вот что было в его глазах – смесь злобы, вызова и покорности.

Воображение поменяло лицо Райана на лицо пьяного дебошира, убитого шесть лет назад. И тогда, и на мосту Каролина была готова стрелять. Иногда казалось, что она успела бы застрелить Райана, прежде чем тот сбросит Паленого. Но вышло иначе. Она предпочла Паленого Райану. Искренне хотела спасти парня? Изъеденная сомнениями, Каролина уже не знала, где правда. Может, она просто бежала от страха снова убить человека. Или самой погибнуть.

Каролина пошла в кухню, открыла кран, налила стакан воды. Она смотрела в темное окно, выходящее во двор, но видела тот незадавшийся день в парке, цепь нелепых совпадений и оплошностей.

Каролина под села к столу и в блокноте набросала схему парка, крестиками обозначив себя и других детективов, буквами «П» и «Р» – Паленого и Райана. Она таращилась в листок, словно ожидая, что буквы вот-вот оживут.

Райана (память услужливо воссоздала его хаки, черную футболку и патлы) сразу сочли клиентом наркоторговца. Он так выглядел. Но сделки не было. В блокноте Каролина написала: «Почему Паленый не передал наркотик? Возможно, была другая цель встречи».

Паленый и Райан убежали и спрятались. Вместе. Глупо. Вдвоем легче

попасться. Райан за руку тащил Паленого. «Почему не разделились? – написала Каролина. – Почему бежали вместе? Почему Райан не отпустил Паленого?»

Теперь мост. Каролина начеркала схему моста, опять пометив себя крестиком, а Паленого и Райана буквами. Затем Паленый оказался в воде. Вспомнился взгляд Райана, когда он сбросил подельника. Неуступчивый. Покорный. Он бы не дал себя арестовать. Пришлось бы стрелять. Но она не могла убить. Вновь пришла мысль о Жаклин. О ней ни слуху ни духу с той ночи, как она сгнула вместе с подружкой Рисой. Обе мертвы? Потому что Каролина не справилась с Райаном – не арестовала и не пристрелила? «Что со мной?» – написала она и швырнула блокнот в стену. Тот шмякнулся на телефонный столик и свалился на пол.

А почему я могу представить?

Каролина попыталась использовать прием Блантона – найти отклонение, разрушающее шаблон. Новоорлеанский сторож мог бесконечно убивать незнакомых проституток и наркоманок. Но пятнадцатилетнюю девочку? Из его школы?

Каролина представила шаблон Ленин Райана: он убивает шлюх, потому что возлюбленная своим ремеслом и собственной смертью его предала. Дядю и владельца ломбарда он убил, чтобы ограбить. Но зачем убивать Паленого? Считалось, что это был отвлекающий маневр. Нет ли другой причины?

Все это время она сама и остальные сыщики занимались Райаном. А что Паленый-то? Каролина поразилась, как мало о нем знает. Да, она читала его досье, но там никаких ниточек к Ленин Райану, кроме показаний ломбардщика: парень приторговывал шлюхами. Сыщики проверили его старые дела, допросили друзей и подельников, но имена убитых проституток ни разу не всплыли. Каролина безуспешно попыталась вспомнить досье Паленого и поняла, что не уснет, пока не сгоняет в участок и не просмотрит эту чертову папку. В спальне она надела спортивные штаны, носки и кроссовки. Волосы стянула в хвостик. В гостиной выключила свет, и тут по шторам мазнули фары машины, остановившейся на противоположной стороне улицы.

Дюпри. Она так долго его ждала. Порой хотела, чтоб он пришел. Иногда боялась. А сейчас вот все спуталось. Каролина отодвинула щеколду, открыла дверь, вышла на крыльцо. И замерла. Это не Дюпри. В небольшом красном седане был бородач в бейсболке.

В машине Дюпри встрепенулся. Глянул на часы. Полдвенадцатого. Наверное, закемарил. Он отер рукавом рот, потянулся и посмотрел на дом. Шторы задернуты. Алан представил, как Дебби задремала на кушетке, проснулась, подошла к окну, поглядела на патрульную машину перед домом и задернула шторы. Наверное, подумала, что это в его духе – столько лет муж возвращался домой телом, но не душой.

Дюпри запустил мотор и, смаргивая усталость, отъехал от дома. В конце квартала включил фары. Его смена уже два часа как закончилась. Что еще нужно сделать, чтоб получить пинок под зад? После дежурства он обязан сдать машину или хотя бы предупредить, что задержится. Диспетчер, поди, осатанела, разыскивая его. Спать в машине, особенно в конце смены, – серьезный проступок: никто же не знает, что с ним стряслось, может, его грохнули. Дюпри включил рацию, приготовившись к экзекуции в эфире, но динамик взорвался гвалтом переговоров: «Чарли-десять вызов принял... Чарли-два в пути...» Патрульные наряды куда-то мчались. «Осторожно, свидетель сообщает, что мужчина вооружен ножом», – диспетчер была на связи с человеком, известившим о драке между мужчиной и женщиной. «Бейкер-шесть. Помощь нужна?» – машины из других секторов предлагали поддержку.

Все еще очумелый, Дюпри врубил сирену с мигалкой и придавил газ. В голове ворочалась мысль: может быть, его двухчасовое исчезновение затеряется в кутерьме серьезного происшествия.

Надо бы сообщить диспетчеру, что он принял вызов. Но тогда вообще выйдет черт-те что. Дюпри слушал переговоры, собирая информацию. Бытовуха? Избивают женщину. Адрес – квартал на Спрейг. Теперь понятно, из-за чего сыр-бор. Именно там Ленин Райан выуживал свои жертвы.

На крутом холме уклоны чередовались с ровными участками, на которые машина выпрыгивала, точно лягушка. Опасаясь пьяных водителей, на светофорах Дюпри чуть притормаживал. И двух минут не прошло, как он подрулил к «Бухте Лэндерс» – торговому лодочному центру, обнесенному высокой сетчатой изгородью, где уже стояли две патрульные машины. На другой стороне улицы крупная латиноамериканка в мини-юбке и пьяный белый мужик в грязных джинсах сцепились в захвате, словно сумоисты. Вопили все – и полицейские, и борцы.

– Отпусти ее! – орал патрульный, в котором Дюпри узнал Васкеса.

Выставив ладони, Алан и двое других полицейских окружили бодающуюся пару

– Она меня зарежет! – крикнул мужик.

Словно в подтверждение его слов женщина вскинула руку и коротким ножиком полоснула мужика по боку Тот взвизгнул и сунул ей кулаком в лицо, после чего пара продолжила свой нелепый танец.

Молодой полицейский, незнакомый Дюпри, попытался схватить женщину за руку. Та обернула к нему окровавленное лицо и ткнула в него ножом, но парень отскочил. Из-за рывка женщины пара потеряла равновесие и грохнулась на тротуар. Нож выпал, мужик схватил его первым и полоснул женщину по лицу, но та успела прикрыться рукой, на которой тотчас расцвел кровавый порез.

Васкес кинулся на мужика и сдернул его с оравшей женщины. Мужик выронил нож, мгновенно оседлал Васкеса и, ухватив его за волосы, треснул головой об асфальт. Молодой полицейский что есть силы огрел мужика дубинкой по спине. Того будто подбросило, и он приземлился возле Дюпри. Алан его подмял, заломил ему руку и провел удушающий прием дубинкой.

– Лежать! – гаркнул он, потом обернулся к Васкесу: – Ты как?

– Я пришью эту суку! – просипел мужик.

– Нормально. – Васкес хотел еще что-то сказать, но осекся.

Дюпри уловил движение за спиной.

– Берегись! – крикнул Васкес.

В ту же секунду Алана ошпарило болью.

– Не трожь его! – завопила женщина. – Донни! Донни!

Дюпри угостил ее дубинкой, и она опрокинулась навзничь, оставив нож в его плече. Молодой полицейский пригвоздил ее к земле.

– Ты жива, детка? – Мужик под Дюпри заерзал. Сейчас Алана больше интересовала собственная рана, и он, не придумав ничего лучше, сильнее вывернул мужику руку. Тот вскрикнул, потом обмяк и дал сковать себя наручниками.

Подоспели другие наряды и «скорая помощь». Нашупав рукоятку, Дюпри выдернул из плеча кухонный ножик. Маленький, овощной. Лезвие вошло не слишком глубоко, на пару дюймов. Но Дюпри понимал, во что он вляпался. В Большую Неприятность. На дежурстве мелкие неприятности случались сплошь и рядом. Разнять уличную драку – все равно что нырнуть в рассадник всевозможных бактерий и вирусов. Оттащишь старого бомжа в вытрезвильню – и потом весь исчешешься, даже если не нахватался вшей. Но Большая Неприятность – совсем другой коленкор. Тут всякий раз пересыхает во рту, когда заметишь царапину на руке или

измажешься чужой кровью.

Не было копа, который не вляпался в Большую Неприятность хотя бы раз. Ежедневные смены – адреналиновый наркоз, и потому следы укусов и засохшие ссадины замечаешь позже, когда остаешься наедине со своими мыслями. Конечно, вероятность подцепить заразу ничтожна, но это слабое утешение, когда в три ночи лежишь рядом с женой и гадаешь, чьи кровяные тельца смешались с твоими. Дюпри еще не встречал копа или врача «скорой», которые заразились бы на службе, однако от этого было не легче. Овощной ножик, измазанный кровью обоих пьянчуг, побывал в его плече – считай, прямое переливание.

Подошел врач. Дюпри стянул форменную рубашку и футболку, на которой расплылось кровавое пятно размером с бейсбольный мяч.

– Я люблю тебя, Донни! – надрывалась баба. Ее уже перевязали и теперь усаживали в патрульную машину.

– И я тебя люблю, детка! – вторил ей мужик.

– Надо же, как трогательно, – пробурчал Дюпри. Врач чем-то смазал рану. Плечо еще сильнее ожгло болью.

– Надо зашить, – сказал медик.

Дюпри закатил глаза:

– А сами не заштопаете? Я не хочу в больницу.

– Извините, нет. Я вас перевяжу, но швы наложат в стационаре. – Врач полез в сумку. – Когда последний раз делали противостолбнячный укол?

– Сегодня вместо обеда, – сказал Дюпри.

Капрал сфотографировал его рану. Затем подошел Дейл Хендерсон, сержант из сектора Чарли, похожий на восставшего мертвеца. Он был немного моложе Дюпри, и Алан опешил от его снисходительного тона, хотя Дейл вроде бы пошутил:

– Вот что бывает, когда принимаешь вызов после смены.

– Да уж, – сказал Дюпри.

– Ты заставил нас поволноваться. Почему ты выключил рацию?

– Не знаю. Смена закончилась... наверное, машинально.

Не сводя взгляда с его плеча, Хендерсон спросил:

– Где ты керосинил, Алан?

– Я не пил! – рявкнул Дюпри и сам смутился. Чего это он? Нормальный вопрос. Уже спокойнее он повторил: – Я не пил.

Хендерсон посмотрел на часы:

– Ладно, только и ты меня пойми. Через два часа после смены ты вдруг катишь на вызов в другой сектор.

– Я не пил, Дейл. – Дюпри дыхнул на сержанта.

Хендерсон что-то черкнул в блокноте и пожал плечами:

– Не заводись. Видно же, ты трезвый. Я просто спросил.

– Уже почти два месяца, как мы с Дебби разбежались. – Дюпри снедало желание объясниться, и он поведал о событиях вечера – от христианского концерта до поездки к своему бывшему дому. Хендерсон молча делал пометки в блокноте. – Я сидел в машине, а вокруг было так тихо, – сказал Дюпри. – Наверное, я поэтому и выключил рацию. – Рассказав о потасовке, в которой его пырнули ножом, он иронично закончил: – Лучше запиши, что я пьянствовал. Выйдет не так жалостливо.

Алан помнил тяжелый развод самого Хендерсона – лет шесть-семь назад, одновременно с Поллардом, когда полицейские семьи разваливались одна за другой. Хендерсон ухаживал за сотрудницей прокуратуры, на которой потом женился. Рассказ Дюпри его вроде бы смягчил.

– Ладно, ты здорово помог упаковать эту венценосную, блин, чету.

– Лучше бы я спал в своей машине.

– Лучше бы ты доложил, что закончил работу, – проворчал Хендерсон. – Давай уж сам накатай объяснительную, как тебя угораздило через два часа после смены налететь на нож в чужом секторе.

– Ладно, я так и хотел.

Хендерсон захлопнул блокнот и, уходя, внимательно посмотрел на Дюпри:

– Ты поаккуратнее, Алан. Лады?

Дюпри кивнул. Врач закрепил повязку на его плече и выдал горсть пакетиков антисептической мази, связанных друг с другом, точно сосиски.

– Когда наложат швы, остерегайтесь инфекции, – предупредил он.

– Спасибо. – Дюпри надел рубашку, а футболку отдал патрульному, собиравшему улики. Застегивая пуговицы, через дорогу он заметил старика в форме охранника, который разглядывал его сквозь сетчатую изгородь лодочного центра. Дюпри подошел.

– Не позавидуешь вам, ребята, – сказал старик. – И как вам хватает терпезу не пристрелить таких идиотов.

– Вы видели нашу маленькую заварушку?

– Так я и вызвал полицию. Эта парочка, в дым пьяная, шла себе и хохотала. Я еще подумал, вот как славно, даже алкаши крутят любовь. Потом она говорит, нам сюда, а он – нет, нам туда... И пошло-поехало.

Дюпри посмотрел на ряды лодок и катеров за оградой. На торговой площадке «Бухты Лэндерс» высился огромный павильон из стекла и стали. Сейчас его переделывали, остался один каркас. Во дворе стояли жилой вагончик и маленький кран.

– Чего тут затеяли? – спросил Дюпри.

Охранник глянул на стройку:

– Расширяются. Теперь еще будут водные мотоциклы, снегоходы и... эти, как их... сноуборды. Наверное, обзовут «Вершина Лэндерс».

Уже около сорока лет лодочный центр соседствовал с непотребным районом, и все это время зажиточные обитатели Южного холма были вынуждены покупать яхты здесь. Владелец продолжал вкладывать деньги в предприятие, надеясь когда-нибудь выжить соседей. Дюпри повидал всякие перемены, но не ожидал, что кто-то возьмется облагораживать эту округу. Через дорогу трехэтажное кирпичное здание тоже переживало реконструкцию. Помнится, раньше в нем были забегаловка и дешевые квартиры, сейчас ободранный фасад был украшен желобом, по которому рабочие загружали отбитую штукатурку и дранку в самосвалы.

– А там что затевают? – спросил Дюпри.

– Магазин электроники. Да уж, если соседушек разгонят, я останусь без работы.

Дюпри вспомнил, что Кевин Верлок, которого он чуть не записал в подозреваемые, руководил крупнейшей в городе охранной службой.

– Наверное, вы из конторы Верлока?

– Точно, – ответил охранник.

– Давно здесь работаете?

– В лодочном центре? Полгода, может, чуть больше.

– А Кевина давно знаете?

Старик криво усмехнулся:

– С тех пор как акушер его по заднице шлепнул.

– Вы его отец?

– Пол Верлок. – Старик обеими руками изобразил рукопожатие – дескать, поручались бы, если б не сетка.

– Очень приятно. Я Алан Дюпри.

Верлок кивнул. Казалось, минула вечность с тех пор, как Дюпри отсматривал доносы и по ошибке позвонил его сыну.

– Вас кто-нибудь расспрашивал про убийства?

– Пару недель назад приходила женщина, – сказал старик. – Спрашивала, не заметил ли я чего необычного. – Старик засмеялся. – Вот поди ж ты, что нынче считается обычным. На обходе я вижу, как обколотые юнцы, лет пятнадцати-шестнадцати, потчуют вафлей старого алкаша. Но когда коп меня спрашивает о необычном, я не знаю, что сказать.

Дюпри кивнул:

– Я вас понимаю.

– Знаете, скучаю я по девонькам, – продолжил Верлок. – Есть среди них оторвы, но многих попросту жаль. – Он задумчиво потер затылок в пигментных пятнах и пригладил редкие седые волосы. – Видать, перебрались в другой район?

– Временно. – Дюпри застегнул последнюю пуговицу и посмотрел на часы – почти три. – Приятно было поболтать.

Пол Верлок отсалютовал ему рацией.

Дюпри сел в машину и посмотрел на заляпанный кровью тротуар. Патрульным, разнимая потасовки, он частенько получал синяки и ссадины, однако нынешняя рана – самое серьезное увечье за всю его карьеру. В молодости служба в полиции представляла этакой грезой в духе Уолтера Митти^[14]: сверкают клинки, вжикают пули, а он спасает юную красотку и раскрывает страшное преступление. Но вот она, правда жизни: его пырнула кухонным ножиком пьяная баба, которой он хотел помочь.

Дюпри достал блокнот и кое-что записал для предстоящего рапорта: что именно орала женщина, названия переулка и лодочного центра, расстояние от сетчатой ограды до тротуара. Затем поехал в больницу, но по дороге решил, что лучше сначала написать рапорт, а уж потом залечивать раны. Он развернулся и покатил к участку.

Переехав через мост на Монро-стрит, он припарковался перед Управлением общественной безопасности, чтобы отложить объяснения в гараже. Служебный вход пропустил его в сумрачный коридор, и он направился к конторке дежурного, но тут заметил дверь в свою бывшую группу. Дюпри подошел и прислушался. Внутри было тихо. Он достал именную электронную ключ с магнитной полоской. Скорее всего, ключ аннулировали – или сменили замок. Но когда Дюпри провел карточкой, дверь, щелкнув, открылась.

В комнате был полумрак, горели две настольные лампы, которые забыли выключить. Алан прошел к своему столу, теперь столу Спайви. Он переживал не из-за того, что ему предпочли молодого говнюка. Полицейские начальники – живые люди, они тоже попадают под обаяние молокососа, напичканного новшествами. И копы особенно стелются перед копом, который умеет включить компьютер. Но Дюпри донимало не это. По совести, он слишком долго приспособивался. Конечно, надо было пригласить аналитика. Конечно, надо было использовать компьютерную базу данных, четче обрабатывать телефонные доносы. Злило другое – он не учуял, к чему все идет. То есть напрочь недооценил Спайви, позволил личной неприязни перейти в пренебрежение. Ведь мог же использовать его знания, что было бы на пользу обоим, а он просто отпихнул малого в

сторону. Почему?

Вон стол Каролины – стул задвинут под столешницу, на спинке джемпер. Спайви занял ее место в убойном отделе. Вот почему Дюпри его гнобил и делал много чего другого.

Он подошел к столу Каролины, взял фотографию ее матери, посмотрел и поставил на место. Машинально дернул ящик – заперт. Дюпри оглядел комнату, где некогда все ему подчинялись. Пусть он не обладает познаниями в профилях и компьютерах, но в добросовестности ему не откажешь. Жизнь – это восхождение, и вот что бывает, если перестать карабкаться, если ориентиры смещаются и пределом мечтаний становится пенсия. Итог – утрата ответственности и возможностей, работы и друзей.

Дюпри положил руки на ее стол. Двенадцать лет между ним и Каролиной возможны были только отношения сержанта и рядового, наставника и подопечного, и он вкладывал в них пыл и страсть любовного романа. Он учил ее, воодушевлял и обхаживал. Он ради нее работал закулисно, перевозил ее в отчетах, протезировал на повышение и серьезные дела, ревностно строил ее карьеру. Она даже не знала, сколько он для нее сделал сверх дозволенного. Смешно: этой женщине он был верен. И вот теперь, когда она «в домике», – похоже, все, о ком он заботился, сидели по домам, задернув шторы, – сам он оказался на улице. Дюпри погладил ее джемпер, перекинутый через спинку стула, и устыдился волнения, ощутив себя кораблем, который вдруг сбился с курса. Да нет, не вдруг – он прекрасно знал, когда и где это произошло. Сколько раз он проигрывал в голове тот вечер: ее панический голос по рации, до нее еще два квартала. Держись, крикнул он, я уже близко. Не успеть, ответила она, и потом жутко хлопнул выстрел. Он выскочил из машины, кинулся по подъездной дорожке. Она стояла во дворе под шипящим желтым фонарем, наставив пистолет на пьяного дебошира, неподвижно лежавшего на земле. Потом обычная суতোлка на месте происшествия, потом ее квартира, долгая ночь, перевесившая все последующие ночи вместе взятые, и мысль о том, что если б они переспали, он бы теперь не терзался из-за упущенного шанса, а жил воспоминанием о чем-то простом, милом и прошедшем.

Каролину трясло. Она попятилась в дом, схватила со стола мобильник и вытащила пистолет из кобуры, висевшей на стуле. Набрала 911, однако не нажала кнопку вызова, засомневавшись, что это и впрямь был Ленин Райан. Прижалась к стене, чтобы силуэтом не читаться на шторах. Потом стремглав пересекла комнату, вырубил свет и подкралась к окну. Красная машина исчезла, и тотчас возникло сомнение, была ли она вообще. Со столика в прихожей Каролина цапнула ключи от машины и, плюхнувшись на живот, подползла к открытой входной двери. Ничего. Глянув по сторонам, медленно встала, с пистолетом наизготовку спустилась с крыльца и села в машину. Покрышки взвизгнули, когда она задом выехала на подъездную дорожку.

Каролина жила всего в пяти кварталах от главной улицы, с севера на юг пересекавшей город. К ней-то она и поехала, туда-сюда вертя головой – не мелькнет ли где красный седан. Надо успокоиться и перепроверить себя, как поступила бы с ненадежным свидетелем. Недавно она допрашивала танцовщицу, к которой подъехал Райан в красной машине. И вот какая-то красная машина притормозила перед ее домом на углу нерегулируемого перекрестка, и она вообразила, что видит бородатого Райана в бейсболке. Да красная ли была машина? Все произошло слишком быстро, она не успела разглядеть модель и номер, а цвет в темноте толком не определишь. Что точно – небольшой седан. Четырехдверный. Возможно, американский, но скорее японский. «Ниссан» или «мазда». Точно «ниссан». Вроде бы «сентра». И красный, да, красный.

Если сообщить патрулям, есть шанс перехватить машину. Ну да, вмешалось сомнение, – если в ней Райан. А если не он? Что скажет Спайви? Каролина включила рацию, но диспетчер занималась пьяной дракой на Ист-Спрейг и разговаривала с патрульными, принявшими вызов. И тут в шести кварталах впереди вроде бы мелькнула красная машина: проехав под фонарем, свернула в переулок. Каролина придавила газ и, включив радиаторную мигалку, помчалась следом.

Она вцепилась в руль; пистолет мертвым грузом лежал на коленях. Где ему совсем не место. Каролина осторожно переложила пистолет на пол перед пассажирским сиденьем. Добравшись до переулка, в который свернула красная машина, заложила крутой вираж и увидела ее всего в трех кварталах впереди – водитель спокойно ехал, словно на работу.

Через два квартала она его нагнала. Водитель прижался к тротуару, потом вроде как передумал и дернулся вперед, но затем остановился перед домом в дощатой обшивке. Он повернул голову, и Каролина различила силуэт бейсболки. Потом водитель опять сел прямо и больше не двигался.

Надо было вызвать подмогу. Причем вызвать сразу, как только заметила эту машину, но сомнения затормозили и смазали решимость. Не спуская глаз с фигуры в красной машине, Каролина пошарила по полу и нащупала рукоятку пистолета. Потом вылезла из машины, прикрываясь дверцей. Пригнувшись, чуть выглянула и прицелилась. В красной машине медленно опустилось стекло со стороны водителя.

– Обе руки в окно! – крикнула Каролина, крепче сжав пистолет.

Водитель подчинился, и она, увидев худые дрожащие руки, тотчас поняла, что это не Ленни Райан. Каролина сделала шаг вперед – испуганный парень лет восемнадцати ждал штрафа. Каролина опустила пистолет и подошла к красному «ниссану-центра». Парень в бейсболке уставился на нее.

– Вы сейчас проезжали мимо Корбин-парка? – переведя дыхание, спросила Каролина.

– Нет, честное слово, – выпалил парень, словно ездить около Корбин-парка было противозаконно.

Каролина все не могла отдышаться. Она глянула по сторонам, потом снова перевела взгляд на машину и перетрусившего парня. Из-под сиденья выглядывала пузатая бутылка, которую малый пытался прикрыть ногой.

– Дайте это сюда, – велела Каролина. Парень передал ей пиво «Микиз». – Как пивко?

Малый пожал плечами:

– Это не мое.

Напряжение спало; Каролина рассмеялась, вылила пиво на землю и бросила бутылку на заднее сиденье:

– Сдайте посуду и... – она пыталась что-нибудь придумать, – не забывайте включать поворотник.

Каролина вернулась в свою машину и убрала пистолет в бардачок. Мобильник на пассажирском сиденье все еще высвечивал номер 911. Каролина его выключила.

Когда же она перестала себе доверять? В Новом Орлеане, когда решила, что девушку на балконе раздевают насильно? Или еще раньше, когда не помешала Райану сбросить Паленого с моста? Или разрушение началось шесть лет назад?

Каролина поехала обратно, срезав путь через улицу вдоль Корбин-

парка в кайме симпатичных домиков, которые вскоре сменились многоквартирными высотками и обветшалыми жилищами с сараями на задних дворах и машинами на лужайках, и прибыла в свой район кирпичных домов и перестроенных бунгало.

Она удивилась, что дом ее погружен во мрак, но потом вспомнила: сама же выключила весь свет, прячась от парня в красном «ниссане», впервые запасшегося пивком.

Войти в темный дом было свыше сил. Похоже, сегодня не уснуть, как ни старайся, – нынче в доме хозяйничает мамина бессонница. Каролина выехала на Монро-стрит, полвека назад застроенную трехэтажными домами из песчаника, меж которыми вклинились новые закусочные, хозяйственные и ночные магазины. На улицах каждый третий автомобиль казался красным.

Каролина припарковалась перед Управлением общественной безопасности. Неподалеку остановилась патрульная машина, из которой вылез сержант Дейл Хендерсон. Он был наставником Каролины, когда Дюпри перевелся в другой отдел. Вместе пошли к конторе.

– Что это вы так поздно? – спросил Хендерсон.

– Ребята любят, чтобы я пришла пораньше и сварила кофе, – усмехнулась Каролина. – А вы-то чего припозднились? Кажется, угодили в передрагу?

– Откуда вы знаете?

– Рация сообщила.

Хендерсон кивнул и открыл дверь, пропуская Каролину:

– Можно кое о чем спросить?

– Легко.

– Вы ведь по-прежнему близки с Дюпри?

– Ну, в общем, да, – промямлила Каролина, раздумывая, почему выбрано слово «близки» и что означает «по-прежнему». – А что?

– Во-первых, по окончании смены он не доложил и исчез на два часа. А потом явился разнимать уличную драку, и в награду его пырнули ножом.

Каролине будто стиснули загривок.

– Как он?

– Все нормально. Наложат пару швов. Когда я спросил, куда он исчез, Алан взбеленился, но потом сказал, что уснул в машине перед своим бывшим домом.

Они стояли в просторном вестибюле Управления общественной безопасности. За конторкой дежурного виднелась дверь в розыскной отдел.

Каролина почуяла неладное:

– Зачем вы мне об этом говорите?

Хендерсон разглядывал свои ботинки:

– Наверное, меня это не касается, но я сам прошел через развод и знаю, что... – он подыскивал слова, – пассия не всегда понимает, чего стоит мужчине уйти из семьи.

Пассия? Каролина сжала кулаки:

– Не знаю, что вы там себе надумали, Дейл, но...

Хендерсон ее перебил:

– Когда человек один, вот как вы, он вольная, так сказать, птица... Но выбор таких, как Алан, всегда ricochetит в других людей.

Каролина развернулась и пошла прочь.

Хендерсон ее нагнал:

– Я понимаю, это не мое дело...

– Нет никакого дела, Дейл, – через плечо бросила Каролина.

– Я не осуждаю...

Она остановилась и резко повернулась к Хендерсону:

– Именно что осуждаете. И вы просто белены объелись.

Каролина зашагала к двери в отдел, Хендерсон остался на месте. Набрав код, она очутилась в длинном, ярко освещенном коридоре особого отдела. Злость ее понемногу сменилась тревогой за Дюпри. И чего она взъелась на Хендерсона? Копы – величайшие на свете сплетники. Ничего удивительного, если день-деньской копаешься в чужом грязном белье.

Чиркнув карточкой в замке, Каролина вошла в свой старый кабинет, разительно отличавшийся от ее нового места службы, где на стенах висели фотографии убитых женщин, карты районов, в которых обнаружили трупы, и, конечно, вездесущая схема Спайви.

А здесь кругом развешены снимки домов, где проводились облавы, и наиболее часто встречающихся расфасовок кокаина и метамфетамина, графики по экстази и прочим изобретениям умельцев. Прямо какая-то школьная лаборатория. Каролина открыла свой бывший стол и достала толстую папку с материалами по всем делам Паленого и газетными вырезками про его смерть. Самая большая статья под заголовком «Родные все еще ждут утонувшего наркодельца» вышла через месяц после его гибели. Ее сопровождала фотография молодой негритянки, матери Паленого, которая показывала снимок сына-шестиклассника: в футбольной экипировке тот гордо позировал со шлемом на сгибе руки.

Подхватив толстенную папку, Каролина вышла в коридор и, убедившись, что дверь защелкнулась, направилась в свой новый кабинет.

Вспомнились намеки Хендерсона, что она – причина семейных неурядиц Дюпри. Вновь вспыхнула злость, но вместе с ней и чувство вины.

Каролина вошла в кабинет и возле своего стола увидела Дюпри, который словно материализовался из ее мыслей. Он стоял к ней спиной, в руках держал ее джемпер. Когда дверь захлопнулась, Дюпри вздрогнул, выронил джемпер и обернулся.

В комнате было сумеречно, горели только две настольные лампы. Патрульная форма Дюпри напомнила о былых совместных сменах, и Каролина чуть ли не впервые подумала о том, как давно они друг с другом связаны и сколько сил у них это отняло.

– Вы меня напугали, – сказал Дюпри.

– Извините.

– Ничего. – Дюпри огляделся и, видимо, сообразил, что его присутствие в кабинете выглядит странно. Он помахал электронным ключом: – Эта штука неожиданно сработала. Недосмотр, надо исправить.

– Что вы здесь делаете? – спросила Каролина.

– Вообще-то я шел писать рапорт, как я насладился концертом, уснул в своей машине и был ранен пьяной парочкой. А вы зачем здесь?

В прежнее время, когда она часто видела Дюпри в этой форме, Каролина тотчас сообщила бы ему о красной машине перед домом. Но теперь все изменилось. Хендерсон не выходил из головы. *Пассия.*

– Кое-что надо по работе.

Дюпри уловил ее холодность и почувствовал себя патрульным сержантом, который после смены что-то вынюхивает в серьезной группе.

Каролина прошла к большому столу в центре комнаты, и теперь их разделяли два стола – совещательный и письменный.

– Куда вас ранили? – спросила она таким тоном, словно интересовалась планами Дюпри на уик-энд.

– В плечо.

– Угу. – Каролина положила папку на стол и начала пролистывать дела, избегая взгляда Дюпри. – Швы наложили?

– Еще только собираюсь. – От ее дежурного, снисходительного тона Дюпри растерялся. – Что случилось?

– Ничего.

– Нельзя говорить? Теперь это не для моих ушей?

– Вовсе нет. Просто нужно кое-что посмотреть. Вы же знаете, так бывает – какая-то мелочь сидит в тебе занозой.

– Да, про занозы я знаю.

Ее отстраненность наждаком корябала душу. Женщина, о которой он

думал беспрестанно, вдруг стала холодной и чужой.

– Ладно, пойду писать рапорт, – сказал Дюпри. – Не стоит оттягивать свое увольнение.

Каролина невесело улыбнулась. Дюпри вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь.

В коридоре он попытался осознать, что сейчас произошло. Можно понять, если вдруг он стал ей неприятен, – последнее время он сам себе был противен. Но этот ее снисходительный тон невыносим. Вспомнилось, как давеча он проснулся в машине и увидел зашторенное окно. Вдруг безумно захотелось все выложить Каролине – сказать о своих чувствах, о ее неблагодарности, обо всем. Все, что он делал, было для нее и во благо ей. Пусть она плюет на него, но на то, что сделано ради нее, наплевать нельзя.

Дюпри рубанул карточкой по замку, откликнувшись зеленым огоньком, и толкнул дверь. Каролина смотрела в пол, словно Дюпри не покинул кабинет через дверь, а растаял на ковре. Потом взглянула на него, и он подавился словами, уже готовыми сорваться с губ, – *я так давно тебя люблю*. Еще не произнесенные, они уже казались стертыми, пустыми и никчемными. Она знала, что он ее любит. И дело не в любви. Любить просто. Те двое пьяниц тоже любят друг друга. Он отдал ей то, чего не получала даже его жена, – шесть лет верности и жертвенности. И сейчас казалось, будто все, что было в его жизни, в долю секунды промелькнувшей перед глазами: работа, супружество, любая неприятность, – все связано с ней, она всему виной. Даже в том, что заныло раненое плечо. Он искал слова мощнее и емче, нежели «я тебя люблю», такие слова, которые поведают обо всем, что он ради нее сделал.

– Когда шесть лет назад я подъехал к тому дому, – тихо и ровно проговорил Дюпри, – вы стояли над застреленным человеком. А нож...

Он закрыл глаза и велел себе остановиться, понимая, что сейчас уничтожит ее. Но какая-то часть его знала, что в этом и цель – пусть ей тоже будет больно, пусть он снова станет нужным ей.

– Что? – Каролина сглотнула тошноту, догадываясь, что сейчас услышит. – Нож – что?

– Он лежал на полу в кухне, возле женщины. Мужик был безоружный. Я подбросил нож к трупку.

Ленни Райан вспомнил собаку, что была у него, когда мальчишкой он жил в Вальехо. Помесь лабрадора черт-те с кем. Папаше впарили его как сторожевого, но пес только и делал, что ночами выл под дверь. Старик швырял в него ботинком и орал, чтобы пес заткнулся на хрен. Каждое утро отец выводил его во двор и вожжой привязывал к крыльцу. Едва папаша выпускал ошейник, пес задавал стрекача, но вожжа отпускала его ярдов на двадцать, а потом, щелкнув, точно кнут, отдергивала обратно.

Пес вскакивал с земли, отливал и кидался в другую сторону, после чего все повторялось. Папаша ржал и вопил, осатаневший пес метался, и всякий раз – *хлоп!* Так начиналось каждое утро. Отец считал это прекрасной потехой, а вот Ленни печалился, что глупый пес, похоже, не помнит своего прежнего опыта. Изю дня в день он срывался с места и, достигнув полосы жухлой травы, до которой отпускала вожжа, лишь надавал, словно все уроки жизни были не в счет и теперь-то он непременно вырвется на свободу.

И чего вдруг вспомнился этот пес? На стоянке автомобильной рухляди Ленин распластался под фургоном. Пришлось спрятаться слишком близко к дому полицейской дамочки. Вот-вот копы заполонят улицы, и тогда его отправят обратно в Ломпок или такую же дыру, где до скончания дней он будет выходить на прогулку со шпаной и наркоманами, тупыми, жестокими и больными, где все разговоры о том, как они откинутся и провернут дельце, или найдут работу, или поквитаются с каким-то говнюком. Мол, пусть только выпустят, и *теперь-то* они рванут без оглядки.

Под днищем фургона Ленин приподнялся на локтях и оглядел темную улицу. Ничего. Полицейская дамочка его не увидела, что ли? Не может быть. Она вышла из дома и уставилась прямо на него. Должна была разглядеть. Может, копы закрывают район по периметру? Ленни вновь прижался к земле.

Кстати, до тюрьги может и не дойти. Что у них в этом штате? Газ, электрический стул? Кажется, здесь можно выбирать. Наверное, в ассортименте есть виселица. Интересно, что чувствуешь? *Хлоп.*

У Шелли была собака. Она вечно брехала, вот потому-то Ленни и проигнорировал ее истеричное тьяканье в то утро, когда ввалились копы, обыскали дом и нашли заначку Шелли – дозы мета хватило для обвинения в хранении с целью сбыта. Поскольку дом принадлежал Ленни, его и

повязали, но он рассудил, что отмотать годок легче ему, чем Шелли.

Кто ж знал, что прокурорша, старая сука в сером платье, дрыгавшая ногой, уговорит присяжных на пятерик. Видите ли, это уже его *третья* ходка. Как будто он злодей, который отрезает головы невинным младенцам. Сидел-то он за кражу магнитолы, а потом за тяжкие телесные.

Ленин сплюнул. Уж сейчас-то задрюга прокурорша отыгралась бы по полной.

Он выкатился из-под фургона и подполз к краю стоянки. На улице никаких мигалок. Редкие машины проезжали свободно. Значит, дороги не перекрыты. Напрашивался только один несуразный вывод: дамочка не вызвала подкрепление.

С самого начала все ее поступки были несуразны. Когда он сбросил Паленого с моста, он ждал, что бабеч шмальнет в него, но та бросилась спасать сутенера. И ведь чуть не преуспела, хоть шансы были один на тысячу. Ленин все видел и поймал себя на том, что болеет за нее.

Потом он наблюдал, как она изображает уличную девку. И вот тогда что-то щелкнуло. Он все смотрел и смотрел на нее. Сперва-то он не заметил, что волосы у нее, как у Шелли. Такого же цвета и той же длины. Пока она шлендала по Спрейг, он залез в ее машину, пошарил в бардачке и нашел конверт с ее адресом. Еле управился до ее возвращения. Показал ей девку в холодильнике: вдруг стало важно, чтобы кто-нибудь знал о его делах. Наверное, потому он и оставил ей коробку с барахлом Шелли. И потому же иногда проезжал мимо ее дома. Вот как сегодня.

Нынче он даже не собирался в Спокан. С утра хозяйничал у Анжелы – ставил новую изгородь из колючей проволоки и починял навес водокачки, зимой продавленный снегом. Иногда он так увлекался работой, что чувствовал себя обыкновенным фермером, и тогда его прежняя жизнь казалась чужой. В той жизни они с Шелли вечно хотели чего-то большего – секса улетнее, кайфа круче, дней слаще. А вот Анжеле жизнь, видать, крепко приложила, потому что она понимала: желать лучшего – зряшная трата времени. Лучшее недосыгаемо, как воля для собаки на привязи. Может, жизнь и соткана из таких вот крохотных сносных мгновений – поработать в солнечный денек, сожрать сэндвич, глянуть телик.

В полдень Ленин зашел в дом, взял сэндвич и включил телевизор. Как раз начались новости. Сутенер наконец-то всплыл. В рабочей одежде Ленин долго стоял перед телевизором, уронив руку с сэндвичем. Потом оставил записку Анжеле и на ее машине поехал в Спокан. Припарковавшись перед мэрией, Ленин в зеркале оглядел бритую голову и бороду, выдохнул и вошел в здание. Боялся, что кто-нибудь его узнает, но,

как оказалось, тревоги были напрасны. Чиновники в окошках отвечали на вопросы, уткнувшись в бумаги. Удостоверение личности спросил лишь один, но и он не удосужился сравнить фотографию с оригиналом. Гораздо труднее было обежать уйму отделов и собрать кучу бумажек – всякие там разрешения на строительство и формуляры зонирования. Тут, наверное, не помогло бы и высшее образование, если б оно имелось.

Акты надо было забрать в суде, расположенном напротив полицейского участка и каталажки. Ленин кивнул копу на входе и прошел через рамку металлоискателя. Часом позже получил на руки акты, кальки планов и кипу всяких справок. Ленни даже запросил судебные документы на гражданский иск и сунул двадцатку клерку, чтоб переслал по почте. Но все это ничего не дало. А чего он ждал? Упоминания Шелли? Ленни пропустил несколько рюмок и, поехав куда глаза глядят, очутился перед домом полицейской дамочки. Вот там-то его и переклинило.

Ленни посмотрел на часы. Прошло сорок минут – и ничего. Значит, копы не приедут. Он вспомнил, как заманил дамочку в проулок, но та вызвала поддержку, только когда увидела труп. Баба явно чокнутая.

Ленни побрел к своей машине. Покинув главную улицу, он колесил по жилым кварталам, сворачивая от всякой встречной машины. Раздумывая о том, в какую тяготу все это превратилось, он отмотал пару миль на север и восток, потом остановился, с минуту барабанил пальцами по рулю, а затем вновь поехал к дому полицейской дамочки.

Переулками он добрался в ее район и, срезав через Мейпл, выехал к подножию Северного холма. Потом свернул на восток, покружил по жилым кварталам, пересек Монро-стрит и оказался перед Корбин-парком. Изображая беспечность, проехал мимо ее дома. Зря актерствовал. Ее машины не было. Дом стоял темный. Вдруг навалилась усталость, как после долгих усилий вырваться на волю.

Когда пес достал своим воем, они решили на ночь оставлять его во дворе. Но однажды взбешенный сосед оборвал привязь, пес дунул на свободу и через три квартала угодил под первую же машину «Ладно, – сказал папаша, – отмучился». Никто из их питомцев не умирал естественной смертью. Все так или иначе отмучивались. Это располагало к животным, но отнюдь не к жизни.

Сделав круг по кварталу, Ленин встал перед ее домом на том же месте, где в первый раз. Пришла мысль выключить вхолостую урчавший мотор, откинуться на сиденье и закрыть глаза. Если уснуть, все закончится. Дамочка вернется домой, увидит его и арестует. Может, и хорошо. По правде, ночи в камере его вовсе не парили. В крытке хотя бы тихо и нет

такой тоски, как на воле. В тюрьме многие не выносят мертвящее ночное одиночество, а ему всегда было тяжелее пережить нескончаемый день, в котором долгие часы в общем зале, в котором очередь печально шаркает к платному телефону, в котором неподъемная тяжесть угроз в прогулочном дворе.

Однако на такие дни он больше не согласен, и виселица тоже не шибко привлекает. Посему идея сдаться дамочке растаяла, Ленин врубил передачу и покатил к Анжеле. Но он знал, что вновь сюда приедет, встанет перед этой бабой и сделает так, чтобы произошло хоть *что-то*, даже если для этого кому-то из них придется убить другого.

В мечтах все было совсем как в детской грезе о войне – героично и безболезненно. Но его видение отличалось конкретикой: он соскальзывал в воду, полицейская дамочка успевала дотянуться и схватить его за руку, их обоих утаскивало за край плотины, и они, отмучившись, вместе уплывали в вечный сон.

Первой мыслью было утром пойти в отдел собственной безопасности, во всем признаться и тешить себя надеждой, что уволят ее по-тихому. Даже стало легче. Забыть о Ленин Райане. О Спайви, Макдэниэле и Кёртисе Блантоне. Но есть человек, о котором не забудешь. Каролина рухнула в кресло.

– Алан, – только и сказала она.

– Простите. – Дюпри замер перед ней. – Зря я рассказал.

Если она сознается, ему конец. Без вопросов. Когда дело закроют, ее могут понизить в должности – отправят читать лекции о вреде наркомании, преподавать или заниматься социальными программами. Был нож или не было ножа, дебошир пересек смертельную зону в двадцать четыре фута, а значит, жизни полицейского грозила опасность. В подобном случае нет однозначной установки о применении оружия. Откроешь огонь – будешь писать кучу объяснительных, но тебя оправдают. А вот Дюпри, желая ей помочь, сфальсифицировал улику. За это его посадят.

Дюпри перегнулся через стол и попытался заглянуть ей в глаза:

– Пожалуйста, простите меня. Сам не понимаю, зачем я это сказал.

Да нет, подумала Каролина, мы оба все понимаем. А с нами – Хендерсон, Дебби и, наверное, весь полицейский участок. Неважно, была ли у нас постель, главное, что у всех на виду, – сумма наших посланных друг другу улыбок и чуть-чуть затянутых переглядов.

Обещание поступка в сто раз хуже самого поступка. Она может делать вид, что не имеет никакого отношения к разводу Дюпри. Может себе говорить, что не спала с ним. Может оттягивать этот момент, но разве кто-нибудь – она сама, Дюпри или тот же Хендерсон – хоть на секунду усомнился, что рано или поздно они с Аланом сойдутся? Во рту стало горько, и Каролина подумала, что у самообмана тысяча оттенков, но вкус один.

– Я ничего от вас не требовала, – сказала она. – Я не просила вас... – Слово «разводиться» не выговорилось.

– Я знаю. – Дюпри уставился в пол.

Да, она не просила его бросить жену. И в чем-то это было еще хуже. Она *не просила* и тем самым стреножила его и себя возможностью. Если б той или любой другой ночью они переспали, у них бы появились претензии друг к другу и они бы затеяли долгую круговерть взаимных разочарований,

обманов и предательств. Но они выбрали наихудшую разновидность привязанности: чистую. Миг влюбленности они поймали в силочек и эгоистично сохраняли его девственность.

Никакой муж, никакая жена, никакой двадцатичетырехлетний бармен не переплунут человека, с которым ты стараешься *не* переспать. У грезы всегда свежее дыхание, она не забывает важные даты. Вкупе с маленькими жертвами Дюпри, о которых Каролина знала, и одной большой, которой он ее огорошил, все их перегляды, улыбки, комы в горле и мечты друг о друге выглядели прозрачной фальшью. И однако сейчас она себя так чувствовала, словно ее застужали в постели с Дюпри.

– Я хотел вам помочь, – сказал он.

– Я должна вас поблагодарить? – холодно спросила Каролина.

– Нет, конечно.

– Вы не смели решать за меня, Алан. Если я облажалась...

– Вы не облажались. Все сделали правильно. Вы же не знали, что он бросил нож. А если б он выхватил у вас пистолет?

– Он был в дымину пьяный!

– Нет. Это был правильный выстрел.

Каролина уже была готова понять и простить Дюпри, но его снисходительность ее взбеленила:

– Вы себя-то послушайте! Зачем подбрасывать нож, если выстрел *правильный*?

– Вы были в шоке. – Дюпри вскинул руки. – Я хотел снять с вас груз.

– А теперь хотите шокировать. Теперь хотите придавить.

Дюпри потер виски:

– Нет. Я сказал, чтобы...

– Вам лучше уйти, – перебила Каролина.

– Я сказал, чтобы вы поняли, как сильно я...

Каролина вскочила, ее всю колотило:

– Как сильно, как сильно! – Она глотнула воздух. – Идите вы к черту, Алан! По-вашему, я не знаю? Последние шесть лет я тоже была здесь. В основном одна! – Голос ее дрогнул, она стиснула зубы. – Я прошу вас уйти, быстрее. – Каролина раскрыла папку и притворилась, будто читает, хотя буквы плыли перед глазами.

Дюпри развел руками – словно сдавался или просил понять. Но сейчас Каролина не принимала капитуляции и понимать не желала. Дюпри уронил руки и кивнул:

– Хорошо.

Он шагнул к двери, потом обернулся, но так ничего и не сказал.

Просто вышел из комнаты, дверь тихо закрылась. Каролина затаила дыхание, ожидая, когда щелкнет замок. Выждав еще минуту, прошла к своему столу и шваркнула на него папку с делами Паленого. Потом вяло отшвырнула свой мобильник. Телефон шмякнулся на чей-то стол и свалился на пол.

Той ночью Дюпри держал ее в объятиях, гладил по волосам и повторял, что она поступила правильно, вместе с ней прекрасно понимая, что она просто запаниковала. Потом ее старалась утешить мать, насмотревшаяся полицейских телесериалов: «Ты кого-то застрелила – ну и что? Для того тебе и даден пистолет». Каролина знала только одного копа, который убил человека, и все же отчасти мать была права. Она всегда была отчасти права. Пистолет выдали именно для таких случаев. Но она постаралась об этом забыть. Дело не в том, что она выстрелила. А в том, что притворялась, будто не напортировала. Тогда она еще не знала, что Дюпри подбросил нож, но погрязла в самообмане, не слушая внутренний голос, говоривший, что она оплошала. Она промолчала и позволила официальному вранью заглушить ее собственную интуицию.

В тот вечер у нее была секунда-другая, чтобы решить, нужно ли вообще открывать огонь. Все копы были на ее стороне. Она застрелила разъяренного пьяницу, который пересек смертельную зону, а перед тем чуть не убил жену. Каролина очухалась, когда Дюпри уже обработал место происшествия. Заметив нож возле трупа, она облегченно вздохнула, но, если честно, впервые его увидела лишь тогда. Каролина себя чувствовала обманщицей: все говорили, она поступила правильно и смело (*смело!*), но она-то знала, что просто испугалась.

Гленн Риттер. Так его звали. Про себя она редко называла его по имени, только «дебошир» и «мужик». После похорон собралась с духом и подошла к его жене. Опираясь на костыли, миссис Риттер, еще в синяках и бинтах, рассказала, что вначале муж напивался изредка и только угрожал, но вскоре угрозы сменились тумачами и багровыми фингалами, о которых возвещала нетвердая поступь в коридоре. Когда он стал напиваться каждые выходные, а затем и в будни, побои обрели шаблон со своей шкалой частоты и злобности. На полном серьезе миссис Риттер сказала, что при желании могла бы составить их график, наподобие приливов и отливов.

Но потом она смолкла, буднично поблагодарила за спасенную жизнь и отвернулась. Конечно, Каролина надеялась получить что-то вроде прощения, такого отпуска вины, но, вероятно, слишком много хотела от женщины, которая терпела приливные побои от любимого человека.

Каролине казалось, что коллеги сомневаются в ее квалификации,

однако на деле сомнение исходило от нее. Она убила безоружного. И тут главное не законность поступка, и не то, заслужил ли это убитый, и даже не то, грозила ли ей опасность. Все это спорно, суть не в том. А вот что бесспорно: *вправду* ли она использовала все другие способы разрешить ситуацию? Нет. Шесть лет она пряталась за отговорку про смертельную зону, заглушая свою интуицию и подрывая веру в себя. Жить с мыслью о допущенной ошибке было легче, чем жить в многослойном вранье.

Согласиться, что выстрел в Гленна Риттера был необходим, означало согласиться с тем, что на свете все просто: есть хорошие люди и есть плохие, бессовестные. Эта парадигма служила защитой многим копам, но Каролина не желала ее принять. Вот потому-то она занималась и уголовным правом, и поэзией, была сыщиком и гуманитарием. Дело не только в сострадании – равно в честности и эффективности. Просто отловом злодеев ничего не добьешься. Но если ищешь истину, она откроется и сквозь крохотные щели покажет твою собственную низменную натуру.

Вспомнились слова Блантона: *а этот про сто сломленный*. Копу так легче: *они* сломлены, а мы целехоньки. А что, если и те и другие смотрят сквозь щели с разных ракурсов, но в самообмане запутались все? Большинство полицейских не воспринимали преступление в таких категориях. Они чтили абсолюты: младенец в наркопритоне Тормоза Джея. И сама Каролина не считала, что убийство Гленна Риттера и убийство Паленого равнозначны.

И все же, наверное, в них было кое-что общее: миг страха, гадливость к себе и последующее раскаяние. Хотелось верить, что Ленни Райана тоже пронзил страх, и тогда его поступок будет хоть немного понятнее. Каролина не встречала преступника, который считал бы себя злодеем. Всегда кто-то был еще хуже. Даже детоубийцы и насильники могли назвать тех, чья бесчеловечная жестокость не имела оправдания. В конечном счете все мы надеемся, что *наши* грехи простятся. Каролина запомнила, а Дюпри невольно напомнил: *ложь миру – ничто по сравнению с ложью себе*.

Каролина провела пальцами по ярлыку на папке: «Хэтч, Кевин С., род. 08.11.1981».

Блантон сказал, что преступник попадает на отклонении от шаблона. Но это не совсем так. Директор школы чуть прижал сторожа, и тот сознался в серийных убийствах. Но не признал убийства пятнадцатилетней девочки. Где-то глубоко под щелями истины он отчаянно цеплялся за ложь, говорил себе, что к этому не причастен. Возможно, этих людей ловишь на том же, на чем и себя. На лжи.

Какой бы ни была истинная причина поведения Райана на мосту, сам он цеплялся за иное объяснение. И пусть оно будет полной чушью, его надо найти. Такие как Блантон притворялись, будто хотят понять убийц, но в действительности хотели одного – отстраниться, отделить свои мрачные фантазии от этих монстров. В этом ложь Спайви, Макдэниэла и, наверное, Дюпри. И конечно, Блантона. *А этот просто сломленный.*

Каролина растворилась в криминальном досье Кевина Хэтча. Первая запись от 1986 года: решением суда мальчика передавали под опеку бабушки, поскольку мать попала в реабилитационную клинику для наркоманов. В 88-м она вышла и Кевин вернулся к ней. В 89-м в Сиэтле умер его отец, в судебном постановлении перечислялось наследство: «“Форд-эскорт” 1983 года выпуска, наручные часы, разнообразные личные вещи». В девятилетнем возрасте – первая судимость за кражу. А затем пошли аресты: в тринадцать лет за хранение наркотиков, в четырнадцать – за разбойное нападение, в пятнадцать – за угон автомобиля. Рапорты оперативников и прокурорские справки сообщали, что Паленый состоял в банде, на дому торговал наркотиками и шлюхами. К семнадцати годам его девять раз задерживали и пять раз приговорили. Нехитрый подсчет показал, что с четырнадцати до семнадцати лет он больше времени провел в заключении, чем на свободе. В последние два года его задерживали еще трижды, но признали виновным только один раз за хранение наркотиков. Это не означало, что он реже нарушал закон, – просто научился не попадаться.

Разумеется, Каролина все это уже читала и сейчас пыталась за словами найти что-то, ранее не замеченное. К ее досаде, полицейские рапорты фокусировались на конкретном инциденте и не передавали его контекст: «11.09.98 Кевин Хэтч был допрошен по факту хранения метамфетамина»; «04.01.96 чернокожий мужчина, идентифицированный как Кевин Хэтч, покинул наблюдаемый объект».

Каролина достала из стола ручку и блокнот и, вдоль разделив лист, в левый столбец начала выписывать все адреса и даты, а в правый – все имена, встречавшиеся в досье: «Хэтч был замечен в продаже наркотиков Карлу М. Игере...» и так далее. В списке, занявшем четыре страницы, оказалось тридцать четыре фамилии родственников, поделщиков, адвокатов и свидетелей. Каролина взглянула на часы и опешила – три пополуночи.

Она включила компьютер. Открыв базу данных, стала поочередно проверять выписанные фамилии – не было ли их в следственных сводках, допросах шлюх и профилях жертв. Минул час, первые пятнадцать имен не

дали никаких результатов, следующей значилась «Рэй-Линн Пирс». Каролина глянула в дело – это имя появилось при аресте Паленого за хранение наркотиков в 1998 году, но с уликами напортачили, и дело развалилось. Когда проводился арест, в машине Паленого сидела девушка без документов, назвавшаяся Рэй-Линн Пирс.

Каролина ввела имя в базу данных. Откликнулся реестр проституток: Пирс, Рэй-Линн, род. 09.04.81 Обвинение – проституция, 1996 Обвинение – хран. нарк., 1999 Повестка от 13.10.00 Последнее задержание: 1999 Последний известный адрес: Запад. Первая ав., 2144, 01.07.00

Каролина посмотрела на дату рождения. Восемьдесят первый. Значит, Рэй-Линн Пирс двадцать лет. Двадцать. Каролина вскочила, опрокинув стул, кинулась в другой конец комнаты, задев столы, и схватила со стеллажа адресный справочник. Последний адрес Рэй-Линн Пирс – приют наркоманов, прошедших курс лечения.

Каролина вернулась к компьютеру, подняла стул и задала новый поиск по Рэй-Линн Пирс. Оказалось, что та фигурировала в деле по убийству Шелли Нордлинг, бывшей подружки Ленин Райана. Снова опрокинув стул, Каролина ринулась к шкафу под схемой Спайви. Поскольку Шелли Нордлинг погибла от руки клиента или сутенера еще до того, как Ленин Райан начал свою серию убийств, она числилась в «Косвенных делах».

Каролина просмотрела все материалы, полные печальных деталей из жизни Шелли Нордлинг. Рэй-Линн Пирс в них упоминалась лишь один раз.

Идентификация убитой женщины стала возможной после того, как Рэй-Линн Пирс передала следствию коробку с вещами проститутки, известной под кличкой «Пилюля». В результате было установлено, что убита именно Шелли Нордлинг.

Значит, девица, передавшая коробку, к тому же знала Паленого. Туман совпадений рассеивался. Ленин Райан был связан с Паленым. А Рэй-Линн Пирс знала и Паленого, и подругу Райана. Теперь Каролину накрыло огорчительной волной неуверенности в себе. Выходит, все это время Рэй-Линн Пирс маячила рядом и ждала, когда ее обнаружат, а Каролина не сумела свести концы с концами. Вот ее имя и дата рождения. Ей двадцать лет. Вот повестка в суд. Значит, у нее была веская причина скрывать свое имя.

Каролина бросилась к компьютеру, соединенному с Национальным центром криминальной информации и Вашингтонским государственным центром криминальной информации, забила в поисковую строку имя и дату

рождения. Фотография еще не полностью загрузилась, а она уже узнала боязливую худышку, долго измышлявшую себе имя, ту, кого от всех мужиков брала жуть. Каролина так долго ее искала, что уже стала сомневаться, существовала ли она вообще. Два месяца отсматривала фотоснимки, опрашивала барменов и социальных работников, моталась по больницам и приютам – и никаких следов. Лицо на мониторе казалось чуть пухлее, но это несомненно была она. И если эта кроха еще жива, она свяжет Ленин Райана с Паленым и прольет свет во мраке. Фотография наконец загрузилась; Каролина уронила руки, ее одолела невероятная усталость. Перед ней было непроницаемое лицо Рэй-Линн Пирс – той самой девушки, которая жадно лопала сэндвич, той самой, которая назвалась Жаклин.

Рецепт требовал золотистого грибного соуса, а у нее был только обыкновенный. Рэй-Линн разглядывала банку, гадая, что делает грибной соус золотистым. Позвонить в магазин и спросить, что ли? Может, надо добавить жженный сахар, или масло, или просто побольше грибов? Или можно обойтись обыкновенным грибным соусом и надеяться на удачу?

Так она и сделала: слоями уложила обжаренный картофель и рубленое мясо, пропитав их обыкновенным грибным соусом, установила температуру духовки и засекла время – шесть тридцать. Через полчаса Келли вернется с ночной смены. Он служил простым санитаром, но ей нравилось думать, что он возвращается с врачебного дежурства. Иногда Келли представлялся ординатором или интерном, а сам ей подмигивал – мол, это я потому, что собеседник уж больно заносчив. Но ей это было по барабану.

С работы Келли приходил голодный, и утра превратились в ее любимое время: встать до рассвета, принять душ и к семи часам приготовить что-нибудь вкусненькое. Они вместе ели, а Келли рассказывал, как спасает больных от докторской лени и тупости медсестер. Все это шибко походило на вранье, но слушать было интересно – чтобы сочинить такое, тоже мозги надо иметь. Потом они багрили коноплю, трахались, и Келли шел спать, а она на работу – варить кофе в маленькой придорожной палатке.

К семи часам все было готово; Рэй-Линн выключила духовку, но противень не вынула, чтобы запеканка не остыла. В половине восьмого она вновь включила духовку и позвонила в больницу. Оказалось, что Келли, как обычно, ушел в шесть тридцать.

В восемь она вытащила противень из духовки и уже всерьез занервничала. Стояла у окна и грызла ногти. Было почти девять, когда наконец входная дверь открылась и Келли появился в компании своего больничного дружка, низенького пожилого мужика по имени Скотт. Они тихо о чем-то говорили. Скотт сказал что-то про хороший свет, а Келли прошептал: «Тише, об этом я позабочусь».

«Я-то не сумасшедшая. Чего вы шепчетесь? Не утруждайтесь», – хотела сказать Рэй-Линн, но, увидев Келли, поняла: что-то не так.

– Привет, крошка. – Он чмокнул ее в щеку.

– Где ты был?

– Помнишь Скотта?

– Конечно. – Рэй-Линн кивнула лысеющему очкарику на полголовы ниже Келли. Тот улыбнулся, не разжимая губ, его глаза под набрякшими веками уставились на ее грудь.

– Как вкусно пахнет, – сказал Келли.

– Почему ты задержался? – Рэй-Линн сама подивилась своему тихому голосу

– Мы со Скоттом зашли выпить пивка и кое-чего перетереть. Помнишь, я говорил, что он в компьютерах сечет.

– Я маленькую запеканку сделала, – сказала Рэй-Линн.

– Не хлопочи, крошка. Пошли поговорим. – Келли повел ее в кухню.

– Я пока принесу аппаратуру, – сказал Скотт.

– Какую аппаратуру? – спросила Рэй-Линн.

Но Келли утянул ее в кухню. Там он повесил ключи от машины на крючок возле холодильника и ткнул пальцем в запеканку. Облизал его, покачал головой и подмигнул:

– Ей-богу, вкусотища.

– Уже остыло.

– Ничего, и так хорошо.

– Только там обычный грибной соус.

– Класс, детка.

– Золотистого не было.

– Так даже лучше.

– А ты пробовал с золотистым?

– Ага. Это вкуснее.

– Честно?

Келли притянул ее к себе, она уткнулась ему в грудь, чувствуя запах табака и пива. Келли чмокнул ее в лоб, шлепнул по заднице и оттолкнул. Потом взял вилку со стола, любовно сервированного на двоих, и подцепил большой кусок запеканки.

– Вкусно без дураков, – с набитым ртом проговорил он.

Хлопнула дверь гостиной.

– Что он хотел принести? – спросила Рэй-Линн.

– М-м?

– Дружок твой. Что за аппаратура?

Келли закатил глаза – чепуха, дескать, – но продолжал жевать, хотя уже все проглотил.

– Я же рассказывал, помнишь? Он с моей работы.

Рэй-Линн развела руками:

– Чего-то не припомню.

– Ну, компьютеры и прочая фигня. Да рассказывал я, точно. – Келли подцепил очередной кусок, не обращая внимания, что стол накрыт на двоих. – Он создает сайты, денег как грязи. Скоро станет как Билл Гейтс. У него своя компьютерная компания. Есть возможность войти в долю.

Рэй-Линн ничего не поняла, но кивнула.

– Я же говорил, я не собираюсь всю жизнь торчать в больнице.

– А чем он занимается?

– В смысле, на компьютерах?

– Ну да.

– По-моему, я говорил, у него есть два сайта. – Келли отвернулся к раковине, налил воды из-под крана и уставился в стакан. – На одном в основном голые телки. Второй тоже такой смачный, но жестче. – Он взял еще кусок из середины запеканки и стал жевать, не глядя на Рэй-Линн. – В компьютерах он дока.

– Келли, чего-то я не...

– Какой, говоришь, тут соус? – Келли помахал вилкой.

– Обычный грибной.

– Красота. – Дожевав, он отложил вилку и взял Рэй-Линн за обмякшую руку. – Напиши им, что твой способ ничуть не хуже.

– Келли, я не...

– Послушай, Рэй, для меня это очень важно. Мы же с тобой об этом говорили. Нечестно передумывать, когда он уже здесь.

В соседней комнате что-то распаковывали.

– Делов-то, – усмехнулся Келли. – Все будет, точно мы одни. Только Скотт нас заснимет. Никакой разницы, как будто мы с тобой утречком кувыркаемся.

Рэй-Линн смотрела в пол:

– А с ним как?

Келли пожал плечами и тоже уставился пол:

– Если захочешь, потом можешь с ним...

– Келли...

– Не, давать не обязательно. Ну так, отсосешь ему или подрочишь.

– Я не хочу быть с другим мужчиной.

– Я не против. Честно. И вовсе не ревную. Все нормально. А раз я не против, чего уж там...

Рэй-Линн посмотрела на запеканку, в которой Келли проел дыру, и привалилась к столу.

– Не переживай, сперва курнем. Расслабимся.

Она крепче ухватилась за стол.

– Тебе же не привыкать, верно? – сказал Келли. – В смысле, сделай для меня, ладно? Всего один раз.

Рэй-Линн молча смотрела на запеканку.

Келли снова чмокнул ее и шлепнул по заднице:

– Я знал, что ты согласишься. Будет круто, Рэй.

Он был на восемь лет старше, но в детстве они вместе ездили в школу на автобусе. Рэй знала его младшего брата Теда. Когда тот мужик чуть не убил ее, а потом увез Рису, Рэй-Линн решила вернуться домой в Мозес-Лейк. Через два дня столкнулась с Келли в магазине. Это было шесть недель назад. Все это время она только курила траву. Ни метадона, ничего. И даже подумала, что соскочила. Офигенное чувство – казалось, все это запомнится как хорошее время. Но оно закончилось. И какая разница – шесть недель или шесть месяцев? Или даже шесть часов. Было и сплыло, осталось что-то вроде фотки с дня рождения. Плоская картинка того, кто помнился любимым.

Она знала, что все заканчивается. Чай, не ребенок. Она смотрела, как Келли соскребает запеканку в тарелку, чтобы угостить Скотта. Наверное, все воспоминания об этом времени сотрутся. Дело не в том, о чем просит Келли. Это она как-нибудь переживет. Бывало и похуже. И дело не в том, что она уйдет. Всегда ведь уходила. Просто ужасно хотелось сохранить хоть что-то хорошее, и потому сейчас она жалела, что не ушла днем раньше.

Пухлое лицо нарколога расплылось в улыбке:

– Ничего удивительного, что вы не смогли ее установить. С Рэй-Линн я работал три месяца, и она меняла себе имя каждую неделю. – Африканские косички придавали ему сходство со Стиви Уандером. Взгляд его потеплел, когда он взглянул на фото: – То придумает себе что-то хипповое... типа Лунного Света... или нет, Сияния Будды. А на другой день она уже чувственная Моника или Саша. Как девочка, которая хочет выглядеть взрослее.

– Жаклин, – тихо сказала Каролина. В лечебнице они сидели друг против друга за длинным обеденным столом.

– Вот-вот, типа Жаклин. Мне нравилось с ней работать. Здесь многие начинают перед тобой играть. – Нарколог нервно потеревил губу. – А мне всегда нравились такие, кто в любой ситуации изо всех сил сохраняет оптимизм. Понимаете?

Каролина передала ему фото Паленого.

– Да-да, у этого была какая-то кличка, – взгляделся нарколог. – Не вспомню.

– Паленый.

– Точно, Паленый. Мы стараемся оградить наших пациенток от контактов с внешним миром. – Нарколог положил снимок на стол. – Но девушки скучают и порой кому-нибудь дают о себе знать.

– Вы полагаете, Рэй-Линн его вызвала? – Каролина ткнула пальцем в фотографию Паленого.

– Наверняка не помню. Все смешалось, вы уж извините. Я давно здесь работаю.

– Но он навещал именно ее?

Нарколог пожал плечами. Потом вскинул брови и хлопнул в ладоши:

– Одна пациентка тогда была здесь. Хлоя. – Он оглянулся. – Может, она что-нибудь вспомнит. Тут женщины друг за другом приглядывают почище персонала. Пойду узнаю, сможет ли она с вами поговорить.

Нарколог встал, но Каролина его придержала и подтолкнула фотографию Шелли Нордлинг:

– А эту девушку знаете?

– Шелли. – Нарколог вздохнул. – Она плохо кончила. Здесь была одновременно с Рэй-Линн. Они даже вроде как сдружились. Насколько это

возможно, если вы меня понимаете.

Каролина промолчала.

– Учтите, все, кто здесь оказался, ради наркотиков обворовывали родных и друзей, продавали игрушки своих детей. Я к тому, что между ними не бывает особого доверия. – Он шагнул к двери. – Узнаю, вдруг Хлоя захочет с вами поговорить.

Каролина кивнула и сделала пометку в блокноте:

– Меня интересует любая информация по этим девушкам – связи, истории болезни, адреса для пересылки корреспонденции, страховки. Все, что у вас имеется.

– Я погляжу. – Через кухню нарколог ушел в административную часть.

Каролина прошла по столовой, напоминавшей школьный буфет: два длинных стола и лавки. Лечебница располагалась в квартале особняков девятнадцатого века, в основном перестроенных в многоквартирные дома и приюты. С семи до девяти завтрак, а потом двенадцать пациенток расходились по комнатам – либо работали, либо занимались в классе, отчаянно стараясь вернуться в жизнь, в которой есть работа и хоть какие-то деньги на еду и которую обычные люди считают тяжелой и несправедливой. Каролина обошла столы. На стенах висели плакаты с претензией на вдохновение: восходы, котята, океанские волны. Но один показался загадочным и привлек внимание: старая деревянная бадья, до краев полная водой. Надпись гласила: «Наруби дров, натаскай воды». Каролина долго его разглядывала.

Потом обернулась и увидела худую негритянку в инвалидном кресле.

– Вроде как призывают задуматься, да? – сказала та. – Типа – в чем смысл-то?

Каролина снова взглянула на плакат, потом на девушку:

– Ты, наверное, Хлоя? Я Каролина Мейбри.

– Крис сказал, вы хотите поговорить.

– Да. – Каролина жестом пригласила ее ближе к столу, на котором лежали, точно снимки в школьном альбоме, маленькие фотографии Паленого, Рэй-Линн и Шелли.

Помешкав, Хлоя подъехала к столу и приподнялась в кресле – на тонких руках взбухли мышцы. На фото она смотрела не дольше секунды и вновь плюхнулась на сиденье.

– Вы приехали показать мне покойников?

– Разве все они мертвы?

Хлоя щелкнула по фотографиям Шелли и Паленого:

– Ее грохнули полгода назад, а этого коп утопил в реке.

Каролина усмехнулась такой трактовке инцидента на мосту, однако не стала поправлять.

– А эта? – Она показала на снимок Рэй-Линн, но Хлоя даже не взглянула:

– Если еще жива, то ненадолго.

– Почему ты думаешь, что ее нет в живых?

Хлоя усмехнулась:

– Потому что все мы, считай, покойники. – Собственный юмор не особо ее развеселил, и она, выгнув шею, заглянула в кухню: – Интересно, кофеварку уже выключили?

– Я тебя не задержу. – Каролина придвинула фотографии на самый край стола.

– Вы торопитесь, что ли? – Хлоя посмотрела на снимки.

– Немного.

– Вон как. Дома детки заждались?

– У меня нет детей. Боюсь опоздать на похороны.

– На чьи это? – заинтересовалась Хлоя.

Каролина подтолкнула фотографию Паленого, и та забалансировала на грани столешницы:

– Вот его. В реке нашли тело. Сегодня в полдень поминальная служба.

– Паршиво.

– Значит, он тебе нравился.

– Нет, паршиво, что его нашли. По мне, так пусть бы кормил рыб.

– Он тебе что-то сделал?

Хлоя пожала плечами:

– Ничего особенного.

– Это из-за него?.. – Каролина кивнула на инвалидное кресло.

Хлоя не сразу поняла вопрос.

– Нет, – сказала она, глянув на большое колесо со спицами, но ничего не добавила.

– Может, вместе пойдем? – улыбнулась Каролина.

– На похороны? – осклабилась Хлоя. – Да уж, вот была бы потеха.

Каролина включила диктофон и поставила его на середину стола:

– Итак?

Хлоя перевела взгляд с диктофона на снимки и обратно.

– Ладно, – сказала она. – Паленый был совсем пацан, но с девочками управлялся лихо. Четыре-пять

штук всегда имел. Рэй под ним ходила всего пару недель, а вот Шелли у него задержалась.

Каролина вообразила, как пять месяцев назад Ленин Райан задавал те же вопросы и получал такие же ответы.

– Паленый был и твоим сутенером? – спросила она.

Хлоя закатила глаза:

– Там не то что соплюхи в высоченных сапогах разъезжают с ниггером в кадиллаке. Не так оно все. С Паленым можно иметь дело. У него была своя хата. Ништяк. Мы с Шелли работали в машинах, переулках, а еще водили клиентов в лодочный центр, пока там не поставили охрану. А тут Паленый – работайте, говорит, у меня на хате. Ну вот, за ночь обслужишь пятерых, срубишь пару сотен, половину отдашь Паленому, он еще притащит герыч и чего-нибудь пожрать, а потом у него заночевать можно. Бывало, подложит тебя под своих корешей, но он же за тобой и приглядит – клиенту, если захочет тебя кинуть или вообще отодрать на халяву, мало не покажется.

Каролина еле за ней успевала.

– Можешь точно сказать, когда Рэй-Линн и Шелли на него работали?

Хлоя отмахнулась, словно время неизмеримо или, по крайней мере, несущественно:

– У Шелли была кликуха «Пиллюля». – Она смущенно оглядела столовую. – Вот уж у кого точно была зависимость. Типа, не выносила одиночества. Вечно хороводилась с каким-нибудь мужиком.

Типа, у нее любовь, она уходит с панели. А потом возвращается, вся в соплях: *он меня вышвырнул!* Вот так и с Паленым – говорила, что он ее парень. А Рэй – она поумнее, понимает, что к чему.

– Когда Шелли убили, она была под Паленым?

– В смысле, не он ли ее пришил? – вскинула бровь Хлоя.

– Да, наверное, в этом смысле.

– Я не знаю, честно.

– А что народ говорил? – не отставала Каролина.

– Народ? Какой народ? Кто-нибудь проводил опрос? – Хлоя уставилась на подножки коляски. – Паленый не бегал по домам – так и так, не подумайте чего, это не я. Нет, прикиньте: девчонка таскает вещи в ломбард, втихаря на стороне кому-то сосет, а потом заявляет Паленому: я в тебе больше не нуждаюсь... – Она не договорила.

– Паленый знал, что Шелли закладывает вещи?

– Конечно. Такой весь из себя миляга, но денежки твои за тебя считал ого-го.

Каролина глянула свои заметки:

– Ты сказала, она трахалась на стороне. Зачем ей?

– Башлей скопить. И умотать из города.

– Паленый не хотел, чтоб она уезжала?

Хлоя кивнула:

– Если не берут наркоту у него, значит, берут у кого-то другого, понятно же.

– И что произошло? Думаешь, Паленый психанул, потому что она сменила крышу и поставщика?

Хлоя пожала плечами:

– Говорю же, я не знаю. Но даже если он ни при чем, ему выгодно, чтоб думали на него.

– Такова уличная версия? – Получилось избито, как в «Старски и Хатч», но ничего другого не придумалось.

Хлоя только рассмеялась.

– Ладно, спрошу по-другому. Скажем, кто-то интересуется, что случилось с Шелли. – Каролина достала из сумки фотографию Ленин Райана. – Скажем, этот человек. Он услышит то же... предположение, которое высказала ты?

Хлоя взяла фотографию:

– Его печатали в газетах, да? Это он прикончил уйму девчонок. – Она взгляделась в снимок. – Если есть мозги, он не полезет с вопросами, и так все ясно, но, в принципе, ему ответили бы то же самое. Девчонку зарезали. Выбросили не голую. Значит, убил не извращенец. Не такой, как этот псих. – Хлоя помахала фотографией. – Девчонку грохнули ночью. Стало быть, клиент или ее кот. Врубаются? Тут особо без вариантов. Уж поди, не дворецкий.

Малявка, в которой чистого весу фунтов девяносто, учила Каролину жизни.

– Чё, не так, что ли? – Хлоя пальцами отбила дробь на столе. – Ежу понятно.

В блокноте Каролина записала и дважды подчеркнула: «Паленый убил Шелли». В тумане проступала дорога. Каролина кивнула на фото Ленин:

– Раньше его видела?

Хлоя повертела снимок:

– Нет. Но я уж давно в простое... – Она потрогала тормоз коляски. – Почти целый год здесь.

– Шелли не говорила, что у нее есть парень?

– Она-то? У нее парень – всякий мужик при башлях. В основном старичье. Она и сюда прикатила с каким-то старпером.

– А про парня из Калифорнии не рассказывала?

Припоминая, Хлоя усмехнулась:

– Точно. Был какой-то мужик, на которого она запала. Только я не в курсах. Всякая шлюха расскажет о мужике, с которым у нее любовь. Старая песня. Непременно вернется к нему, вот только подкопит денег. Или когда он отмотает срок. Или бросит жену.

Каролина поежилась, вспомнив о Дюпри. Снова появился нарколог и вручил ей две тонкие папки, помеченные «Рэй-Линн Пирс» и «Шелли Нордлинг». В руках у него был еще какой-то конверт.

Каролина открыла папку Шелли: формуляр приема, формуляр выписки и пара отчетов. Адрес пациента, записанный при поступлении. Что-то знакомое. Неподалеку от автострады в Ист-Сентрал. О чем сейчас говорила Хлоя?

– Ты сказала, Шелли приехала с пожилым мужчиной. А имя его не помнишь?

– Черт, вот прямо стоит перед глазами. – Хлоя уставилась в потолок. – Дал ей пинка за наркоту и воровство. Как же его звали-то?

– Алберт, – тихо сказал нарколог.

– Точно! Шелли называла его дядя Алберт. Верняк. Я еще подумала – смешно, прямо как в песне^[15].

Алберт Стэнхаус. Шелли жила с дядей Ленином Райаном – вот почему тот убил родственника. Теория Дюпри о волчке и необъяснимых убийствах вдруг показалась не такой уж правильной. Можно представить, как Ленин сложил одно с другим: дядя Алберт тащит Шелли в Спокан, а затем вышвыривает на панель, где ее подбирает сутенер Паленый. Чтобы раздобыть деньги на дорогу в Калифорнию, Шелли закладывает браслет, но хозяин ломбарда дает ей гроши. Выходит, Каролина хочет наказать человека за убийства шлюх, а человек мстил за убийство шлюхи. Поразительно, что Лени Райан, действуя исподволь, выяснил гораздо больше официальных сыщиков.

Однако на задворках сознания копошилась еще одна мысль: если у Лени Райана был мотив для убийства дяди, Паленого и ломбардщика, тот ли он психопат, которого препарировали Блантон и Макдэниэл? Каролина чуть не рассмеялась, вспомнив сентенцию Дюпри: абсурдность – лучший отклик на абсурдную ситуацию. Ужасно захотелось разыскать его и сообщить о своих открытиях.

Каролина вздрогнула от резкого телефонного сигнала; думая о Дюпри, она даже не посмотрела на высветившийся номер, а только жестом попросила нарколога и Хлою обождать.

– Привет, – сказала она в полной уверенности, что услышит Дюпри.

– Мисс Мейбри, мой билет утверждает, что сей огромный барак прозывается Споу-кейнский *международный* аэропорт. – Голос Кёртиса Блантона.

– Из-за канадских рейсов, – машинально ответила Каролина.

– Ах вот оно что. Тогда понятно.

– Погодите, – спохватилась Каролина. – Вы в Спокане, что ли?

– Не хотите спросить, что я здесь делаю?

– Что вы здесь делаете?

– Хороший вопрос. После нашего телефонного разговора я еще разок глянул ваше дело, представил, как этот проныра Макдэниэл выдоит его для своей следующей никчемной книжонки, и понял, что вам требуется моя помощь. И вот ближайшим рейсом я у вас.

– Понимаете, я сейчас беседую. – Каролина потерла голову. – Можете взять прокатную машину? Или такси?

– Не беспокойтесь, я вас подожду. Только не говорите Макдэниэлу о моем приезде, ладно? Хочу удивить эту бесхребетную скотину. Он обделается, как меня увидит.

Не найдясь с ответом, Каролина дала отбой. Все развивалось слишком резко. Склонившись к Хлое, нарколог показывал ей листок, который достал из конверта.

– Что это? – спросила Каролина.

– Мы работаем по методу анонимных алкоголиков и наркоманов. – Нарколог выпрямился и забросил свесившиеся косички за спину. – Многие врачи сами в прошлом... Вы знакомы с системой двенадцати шагов?

– Немного.

Нарколог передал ей листок и конверт:

– Наиважнейший шаг – признать, что своей пагубной зависимостью мы раним окружающих. Вот этим мы и занимаемся. Наши пациентки пишут письма тем, кому причинили боль. Одни каются. Другие оправдываются. Третьи не готовы даже к этому, только требуют от родных денег и винят их в своих несчастьях. Я полагал, Шелли из числа последних, потому что она написала всего одно письмо. Я хотел отправить, но она умолила меня этого не делать – мол, не надо, чтобы этот человек узнал, где она. Я положил письмо в ее папку. В других обстоятельствах я бы никогда не нарушил врачебную тайну, но...

И лишь тогда Каролина посмотрела на письмо, начинавшееся: «Дорогой Ленин...»

Недатированное письмо из истории болезни Шелли Нордлинг, проходившей курс лечения в приюте «Солнечный денек»:

Дорогой Ленни,

ну вот, я опять в лечебнице. Надеюсь, ты хорошо встретил Рождество и тебе было не шибко одиноко. Сегодня мы пишем письма тем, кого мы подвели. Я вспомнила уйму людей, которых обворовала и обманула, кому не вернула долг и наделала кучу всяких гадостей.

Но только тебя я по-настоящему ПОДВЕЛА. По-моему, нельзя подвести того, кто от тебя ничего не ждет. Пожалуй, ты единственный, кто поверил, что я могу стать совсем другой.

Прости меня за дядю Алберта и все прочее. Уж не знаю, что тебе рассказали, но ты ведь понимаешь, какая я слабая и как боюсь одиночества. Я не оправдываюсь. Просто я такая.

Наверное, я могла бы притвориться, что сажа ас понимала, нем все закончится. Но мы с тобой взрослые люди, нечего валять дурака. Некогда уже.

Знаешь, в тот день, когда мы с ним уезжали, я чуть не пошла к тебе на свидание. Но я не смогла бы смотреть тебе в глаза. Еще в Калифорнии я втихаря торговала собой за наркотики. А уж здесь пошла вразнос. Пару месяцев назад я продала посуду твоего дяди, он меня накрыл, избил и выгнал. Хорошо, что сейчас ты меня не видишь.

Прости, что своей заначкой я тебя подставила. Я испугалась. Я так долго боялась, что уже и не помню, как это – не бояться.

В следующем месяце меня выпишут, и я хочу раздобыть денег и повидаться с тобой, хоть не имею на это никакого права. Мне еще надо кое за что расплатиться, но я предполагаю быть в Калифорнии, когда тебя выпустят. Я не жду, что ты захочешь разговаривать со мной, что все опять будет по-старому. Я ничего не жду, Ленни, я только знаю, что встреча наша будет тяжелой. Я даже ее боюсь.

Боюсь, что прочту в твоих глазах, как сильно я тебя подвела, и тогда мне придется снова ширнуться. Ты спросишь, что со мной было, и я должна буду тебе все рассказать. И ты поймешь, какая я слабая уродина. Я жалею, что не следила за собой.

Но самый сильный страх уже во мне. Он там поселился давно. Это

мысль, что я тебя не заслуживаю. Что я сделала подлость единственному человеку, с которым мне было хорошо. Я люблю тебя, Ленни. Прости, что любовь моя оказалась никчемной.

Шелли

Записка, яблоком-магнитиком прищипленная к холодильнику в доме Келли Болдуина, Мозес-Лейк, Вашингтон:

Келли

сучий потрох! Я думала у нас все путем! Если ищешь свой лонатник так я его забрала казел! Моя такса – восемьдесят баксов за дерьмо что ты нынче удумал! Ты завалился спать а я уговорила Скотта подбросить меня на автовакзал! Нравится? Казлина! Когда прочухаешься я буду уже далеко и не вздумай меня искать я возвращаюсь в Спокан к своему парню он черный и знает тыквандо! Он тебя порвет!

Зачем ты такое сделал Келли! Могло быть так хорошо. Теперь трахай Скотта и его компьютер и не ври людям что ты доктор! Вот.

(НЕ) твоя на веки

Шейла (Рэй-Линн)

Рапорт, отпечатанный в канцелярии споканской полиции, сложенный вдвое и брошенный в ящик для писем заместителю начальника Джеймсу Такеру:

26 июля 2001 г.

Заместителю начальника управления

Джеймсу Такеру

Канцелярия полиции Спокана

Уважаемый господин Такер,

прошу считать это обращение моим официальным прошением о досрочной отставке, вступающим в силу после беседы с Вами. Мое решение продиктовано личными причинами, недавние оргвыводы, демонстрирующие недоверие к моим профессиональным способностям, не имеют к нему отношения.

Я прошу как можно скорее рассмотреть мое заявление, а пока продолжу исполнение обязанностей патрульного сержанта в секторе Дэвид.

Я служил городу Спокану верой и правдой 26 лет. Все мои ошибки

проистекали из искреннего убеждения, что я действую во благо городу, полицейскому управлению и моим коллегам, к которым сохраню самое глубокое уважение.

*Искренне Ваш
Алан Дж. Дюпри.*

*Копии: лейтенанту Чарлзу Бранчу, отдел тяжких преступлений
Отделу кадров городской управы
Полицейской гильдии
Хэру Крису Спайви*

Часть пятая

Август. Что сказал гром

Пятый труп был обнаружен в зарослях на обрывистом берегу в миле от места, где нашли первые жертвы. Его углядел утренний бегун. Состояние останков говорило о том, что убийство совершено давно, тело перенесли к реке позже. Чтобы не мешать экспертам, Каролина держалась поодаль, но стоило ей увидеть лохмотья иссохшей плоти и отбеленные солнцем зубы, как тотчас возникла жуткая уверенность, что эта упорядоченная груда костей некогда была Рэй-Линн Пирс.

Как и предсказывал Блантон, с обнаружением очередного трупа полицейская активность увеличилась в разы: в первых числах августа управление гудело точно улей. Звонили экстрасенсы и заключенные, сидевшие в Техасе и Флориде, репортеры Си-эн-эн и «Ньюс-уик» просили об интервью. Работа шла своим ходом, а присутствие двух аналитиков и накопившийся опыт группы позволяли быстро вписать в постоянно меняющийся почерк Ленин Райана детали, которые три месяца назад всех ставили в тупик. На сей раз двадцатидолларовые купюры торчали изо рта жертвы, что вызвало ожесточенную дискуссию аналитиков: стараясь не встречаться взглядами, они перекрикивали друг друга, словно два профессора, одновременно читающие лекции в одной аудитории.

– В нем возрастает злость. – Макдэниэл смотрел на Спайви. – Деньги во рту – знак его стремления к оральному сексу...

– Просто у него резинки закончились! – перебил Блантон, не прекращая писать отчет.

Этому противостоянию было уже лет десять, и, раз-другой послушав аналитиков, Каролина поняла, в чем суть их разногласий. Почерк убийцы формируется маниакальным подсознанием самостоятельно или вкупе с логикой, заставляющей скрывать следы преступления? У нынешней жертвы тоже щипцами были сорваны ногти, а пальцы вымочены в хлорке. Оба аналитика сходились в том, что это отчасти фетишизм, отчасти попытка уничтожить улики. Похоже, они так и не разрешили трудный вопрос: это ритуал и одновременно сокрытие или сокрытие, превратившееся в ритуал?

– Прозаичный недоумок, деревенщина, – на исходе спора пробурчал Макдэниэл.

– Фрейдист, который мочится в постель и сосет большой палец, – парировал Блантон.

Перепалка их казалась нелепой, ибо они сходились в главном: почерк Райана проявлялся в обработке трупов. После убийства он прятал тело, но потом к нему наведывался, чтобы придать ему нужный вид и ощутить свою власть. Вот тогда он срывал у жертвы ногти, вкладывал ей сорок долларов и, по всей видимости, мастурбировал. Оба аналитика говорили, что подготовка трупов – теперь самый интересный аспект дела, даже перешедшего уже в стадию отлова убийцы. Блантон рассуждал о том, что Райан соединяет в себе черты нескольких известных ему убийц (скажем, обломанные ногти были в деле, которое он только что закончил в Техасе), а Макдэниэл высказывался о редкой возможности поймать психопата, монстра, эволюционировавшего на глазах.

Но Каролина понимала, что оба остались в группе только ради того, чтобы шпынять друг друга, драться за популярность и набирать материал для очередной книги. Они кружили, точно стервятники, но проку от них было мало – ни тот ни другой не участвовали в наблюдениях и допросах, лишь целыми днями ковырялись в своих таинственных записях. Как-то на летучке Каролина через плечо Блантона заглянула в его блокнот: «Отсутствие активной жизнедеятельности микроорганизмов и посмертное смещение правой ключицы свидетельствуют о расположении останков в данном месте за две недели до их обнаружения». Этакая математическая точность ошарашивала.

Через неделю стоматологическая экспертиза установила, что найдены останки не Рэй-Линн Пирс, а скорее всего пропавшей Джейн Доу, известной под кличкой Риса. Каролина переживала, что личность Рисы так и не установлена точно, но Спайви и аналитикам было гораздо удобнее заниматься неизвестным трупом.

Лихорадочная деятельность, вызванная появлением новой жертвы, отодвинула на второй план последнюю находку Каролины – мотив Ленин Райана для убийства Паленого. Розыскная машина урчала, питаясь прахом несчастной Рисы. В офисе Каролина занималась всякой мелочевкой, стараясь изгнать мысль, последнее время не дававшую покоя, – мысль, из-за которой она вдруг останавливалась посреди транспортного потока или замирала на пути к копировальному аппарату.

Что, если Ленин Райан не убивал этих женщин?

Сомнение вспыхнуло не потому, что вдруг возникло какое-то неоспоримое доказательство. Вообще-то все имевшиеся доказательства тоже мало что доказывали, только подкрепляли веру, что с подозреваемым не ошиблись, – огромная настенная схема в окружении бесстрастных экспертиз, картотека допрошенных свидетелей, столы, заваленные

квитанциями кредиток.

Но сомнение подкрадывалось и застигало врасплох, точно отдаленный рокот. Вот если б имелись образцы спермы или показания очевидцев. А так собранные улики всего лишь позволяли *не исключать* Райана. Все это было подобно дому, в котором только окна и нет дверей.

Конечно, тысячи людей были осуждены и на меньших основаниях. Расследование в том и заключалось, чтобы выстроить цепь совпадений, которые исключат все иные толкования и приведут к версии. Схема Спайви обеспечивала версией: убийства, начавшиеся через две недели после выхода Райана из тюрьмы; его расспросы о шлюхах; убийства Паленого, дяди Алберта и хозяина ломбарда; проулок и четвертый труп в холодильнике, на котором обнаружены отпечатки Райана; он подошел к Рэй-Линн, после чего та и Риса исчезли. Даже угрюмый окружной прокурор уже поговаривал о деле со смертным приговором.

Да нет, Каролина понимала, что сомнения ее абсурдны. Дюпри даже придумал термин для подобного состояния – «синдром выпускного альбома». На допросах родные подозреваемого непременно доставали выпускной альбом, тыкали пальцем в фото застенчивого прыщавого юнца и категорически заявляли: «Поглядите. Он не мог этого сделать».

Вот и у меня, думала Каролина, этакий синдром чужого выпускного альбома. Я возомнила, будто понимаю Ленин Райана, потому что видела его близко, лицом к лицу. То-то и оно. Интуиция, шесть лет назад украденная Дюпри, а теперь бесславно вернувшаяся, шептала: если у Райана был крепкий мотив для убийства Паленого, может, имелся мотив и для убийства шлюх? Без всяких психологических выкрутасов Блантона и Макдэниэла?

Разумеется, она не делилась сомнениями со Спайви и аналитиками, твердо убежденными, что убийца – Райан. Пусть он винил Паленого в смерти Шелли Нордлинг, это не исключало его ненависти к проституткам вообще. Письмо Шелли из приюта только подкрепляло главную версию: Райаном владела навязчивая идея о предательстве бывшей подружки.

Непоколебимая уверенность аналитиков обескураживала. Блантон утверждал, что Каролине вовек не понять извращенных фантазий Райана. Макдэниэл талдычил, что истинная чудовищность убийцы не видима глазом и состоит из суммы детских неудач и огорчений, страхов и отказов.

Но Каролина, одна дома или в машине, вспоминала глаза Ленин Райана. Как ни странно, в них не было ничего чудовищного – в них читались ее собственный страх, ее неуравновешенность, ее отчаянные попытки всему найти объяснение и втиснуть мир в кукольный домик. И

тогда казалось, что аналитики слегка сбились с курса или улики намеренно всех дурачат, словно оптический трюк – ваза, составленная из двух человеческих профилей. Получалось, что вся группа работала над характеристикой вазы, и лишь Каролина постоянно разглядывала два лица.

Она посмотрела на Блантона и Макдэниэла – антиподов, наискось друг от друга сидевших за совещательным столом. Блантон низенький, коренастый и бледный, словно только что из тюрьмы; Макдэниэл рослый, загорелый, лощеный. Там же сидели Спайви и стройная девица, которую представили ассистентом продюсера новостного телешоу «Дейт-лайн». Идея принадлежала Макдэниэлу – дескать, если придать делу национальный масштаб, это поможет установить местонахождение Райана, а то и вытащить его из норы. Суть плана была в том, чтобы создать «суперантагонистическую модель» и привлечь внимание преступника к полицейскому, этакому «альфа-копу», в котором он увидит достойного противника и неудержимо захочет контакта с ним. Прежде эту роль играла Каролина, но Райан

больше не проявлял к ней интереса. Телепрограмме предстояло создать нового оппонента, вернее, двух, поскольку ни Блантон, ни Макдэниэл не собирались терять такой ангажемент.

– ФБР считает это революционным делом. – Макдэниэл обращался к ассистентке, нынче прибывшей для подготовительной работы, – смазливой девице в черных брюках, черной блузке, черных туфлях и, по прикидкам Каролины, с нулевым размером груди. Слушая аналитиков, живописавших тяготы своего труда, она трясла головой и вскрикивала «Вау!». Макдэниэл усердствовал особенно. – Извечная задача отдела поддержки расследований – *поддерживать* местные правоохранительные органы. Однако в нынешнем деле мы на шаг впереди, дабы предугадывать ходы Райана и в конечном счете его поймать. Что касается меня... – Макдэниэл выпятил подбородок и надвинулся на ассистентку: – Я должен его поймать. Для меня это личный вопрос.

– Вау! – Ассистентка пометила в блокноте. – В вечернем эфире непременно это скажите. Вот прямо дословно.

Макдэниэл прикинулся равнодушным:

– А кто ведет программу?

Ассистентка назвала ведущего.

– Ах, этот. Говорят, я похож на Стоуна Филлипса^[16]. Я полагаю, было бы интересно, если б мы вместе оказались в кадре.

Все промолчали, Блантон и Каролина переглянулись.

– Знаете, Стоун редко покидает студию, – наконец нашлась

ассистентка.

– В том и сходство, – вставил Блантон. – Он тоже сиднем сидит.

Макдэниэл ожег его взглядом. Интерес к серийным убийствам падал. В богом забытом Спокане было всего восемь жертв и пять из них шлюхи. Привлечь к себе внимание зрителей, которые смотрят не только «Всеамериканский розыск», было сложно. И тогда Макдэниэл уговорил Спайви преподнести телезрителям его и Блантона – мол, впервые за десятилетие лучшие аналитики вместе ловят убийцу. Как он и предсказывал, сюжетом заинтересовался новостной канал. Нынче предстояла съемка на месте происшествия: два суперсыщика месят грязь и, задумчиво оглядывая реку, изрекают чушь о поимке Ленин Райана. *Для меня это личный вопрос.*

– А что скажете вы, мистер Блантон? – спросила ассистентка. – Как на вас повлияло это дело?

– Знаете, я больше не выхожу на панель. Так что все хорошо.

– Невозможно воспринимать это дело иначе как личное, – откашлявшись, вмешался Макдэниэл. – Еще до того как мы идентифицировали Райана и он числился НЕСУБом...

– Кем? – не поняла ассистентка.

– Простите. – Макдэниэл коснулся ее руки. – Профессиональный жаргон. Еще когда Райан числился неизвестным субъектом, он искал контакта с полицией. Дерзкие выходки – ключевой элемент его фантазий. Если раньше убийца был сосредоточен на жертвах, то теперь его внимание – наше с мистером Блантоном время.

Блантон заерзал и вновь посмотрел на Каролину, но та развернула кресло и занялась еженедельным обзвоном родных и друзей Рэй-Линн. В списке набралось двадцать имен, однако никто ничего о ней не знал. Блантон и Макдэниэл считали, что, всего вероятнее, она мертва, а Ленин Райан пребывает уже в иной фазе и дольше обрабатывает трупы, поскольку его огорчил Каролинин отклик на «подарок» в холодильнике. Ни до кого не дозвонившись, Каролина положила трубку и прислушалась к совещанию.

– Но ведь Райан представляет угрозу? – спросила ассистентка. – Если он покинул ваш район, значит, опасность повсюду? Она грозит всякой женщине? Ну вот кто-то пошел в спортзал или магазин... И мне тоже? Я в опасности?

Блантон оглядел Макдэниэла:

– Уж вы-то явно.

– Существует ли опасность? – вскинулся Макдэниэл. – Пожалуй, да. – Он покивал, шевельнул бровями и уже тише повторил: – Да, существует.

Интересно, что сказал бы Дюпри об этой постановочной затее телевизионщиков? Каролина не видела его три недели – с той самой ночи, когда он ошеломил ее своим признанием про Гленна Риттера, но знала, что Дюпри досрочно собрался в отставку. Один раз она ему позвонила, но услышала автоответчик и повесила трубку, не зная, что сказать. Затем возник новый труп, и она совсем закрутилась.

Макдэниэл приложил указательный палец к губам, раздумывая над очередным вопросом ассистентки. Потом легонько кивнул, словно признаваясь, что мочится в постель:

– У меня? В такой работе трудно с кем-то сойтись. Всякие отношения требуют доверия. А после подобных дел довериться... нелегко.

Повисло неловкое молчание, затем Спайви, откашлявшись, заученно произнес порученную ему реплику, которую все утро репетировал:

– Я считаю, мы прошли хорошую школу. Если кто и поймает убийцу, так только эти ребята.

Вновь наступила неловкая тишина, но Каролину выручил телефонный звонок. Она схватила трубку, точно спасательный круг:

– Мейбри.

– Куда ты пропала? Я оставлял тебе сообщения.

Джоэл.

– Я получила. Дел невпроворот.

– Я хочу тебя увидеть.

– Никак. Я невидимка. – Каролина усмехнулась своему дурацкому юмору – очень в духе Дюпри.

Совещание закончилось; все встали, договорившись о встрече на месте происшествия. Макдэниэл – руки в боки, таз вперед – беззастенчиво кадрил молоденькую худышку-ассистентку.

– Я понимаю, почему ты психуешь, – сказал Джоэл.

– Я не психую, – ответила Каролина, что в общем-то было правдой.

– Ну ладно, расстроена. Я все понимаю. Я тоже собой недоволен.

– Джоэл, сейчас неудачное время...

– Я поступил как пацан. Сделал ошибку. Я испугался. – Слова сыпались горохом. – Давай увидимся.

– Я очень занята.

– У тебя есть другой, да?

– Никого нет, – сказала Каролина и сразу подумала о Ленин Райане: если убийца не он, значит, неведомо где есть кто-то другой, сильный и зацикленный на женщинах.

– Давай встретимся, – повторил Джоэл. – У меня кое-что для тебя есть.

Провожая ассистентку к выходу, Макдэниэл приобнял ее за талию и что-то нашептывал на ухо.

Блантон перехватил взгляд Каролины и щелкнул себя по горлу. Каролина помотала головой, он закатил глаза. Иногда после работы они куда-нибудь заходили пропустить по стаканчику, и Каролину уже беспокоило, что ей нравится общество Блантона. Давеча Кёртис признался, что ему противна затея Макдэниэла, но агент его убьет, если он упустит возможность лишний раз засветиться на крупном телеканале. Пока случаются серийные убийства, он будет консультантом телешоу и кинофильмов, будет писать книги и зарабатывать на жизнь, а в свободное время ковырять собственную мрачную психологию.

Никого нет. Убийца знает Спокан, умеет обращаться с трупом и, по словам Блантона, повторяет приемы других серийных убийц.

– Давай выпьем по глотку, хорошо? – канючил Джоэл.

Каролина смотрела на Спайви: слишком туго затянутый галстук топорщил воротничок рубашки. Убийца физически крепок, знаком с проститутками и работой полиции. Таксист. Коп. Бармен.

– Ладно, – сказала Каролина. – По глотку.

– Чудесно, – выдохнул Джоэл.

В дверях Макдэниэл похлопал ассистентку по плечу и легонько его сжал. Девушка вышла, и он снова испепелил взглядом Блантона.

– Я за тобой заеду, – сказал Джоэл. – В шесть годится?

– Да, хорошо.

– У тебя точно никого нет?

Спайви и аналитики вернулись к работе. Страшно подумать, что, может быть, придется все начинать заново. По выражению Блантона, строить с нуля.

– Нет, – сказала Каролина. – Никого.

Теленок свалился в промоину, которую здесь называли балкой, а в родных краях Ленин – оврагом. Такие вот языковые мелочи, отличавшие штат Вашингтон от Калифорнии, подрывали уверенность, что Ленни тут приживется. Уже взопрев под раскочегарившимся солнцем, он стоял на краю этой балки-оврага, формой напоминавшей круглые скобки. Весной размякшая земля во вздохе разомкнула уста и возникло озерцо футов двадцати длиной и футов шести шириной и глубиной. Сейчас оно вконец пересохло, и края овражка, видимо, обваливались под копытами несчастного животного, пытавшегося выбраться из западни. Мертвый теленок лежал на дне балки, тучи мух облепили его губы, ноздри и открытые глаза.

Ленни отбросил кусачки, стянул перчатки и присел на корточки, пытаясь определить, с какой стороны пришел теленок. Неподалеку через поле вилась тропа, по которой скотина ходила к ручью. Следов отбившегося теленка не видно. В последнее время

Ленни подметил интересную особенность: стадо могло быть большим и широко разбредаться по пастбищу, но к ручью и соляным камням животные всегда шли гуськом, след в след. Если вожак вдруг делал крюк, все стадо в точности повторяло его маршрут.

А вот теленок почему-то сошел с тропы – отклонился фута на четыре, но и этого хватило. Непонятно. Вон, видно, где на краю оврага земля подалась и детеныш ухнул вниз.

Ленни подошел к тропе. Почему теленок вдруг отбился от своих? Коровье стадо голов в тридцать держал сосед Анжелы, живший на другом краю поля за изгородью, которую сейчас поправлял Ленни. В полдень скотина цепочкой шла на водопой. У ручья стадо расползлось, точно мокрое пятно. Бывало, со стаканом чая со льдом Ленни стоял на крыльце и видел, как, напившись, коровы без всякого сигнала вновь собирались в строй и топали обратно на луг. Видимо, несчастный случай произошел ночью – теленок оступился сослепу. Все равно непонятно. Может, его что-нибудь испугало? Собака. Или койот. Ленни склонился к земле, однако собаки с койотами ступают слишком легко, а следопыт из него никудышный. Досадно четко видеть, *что* произошло, и не понимать *как* и *почему*.

Ленни всегда считал, что причина не играет роли, главное – результат.

Поиски этого *почему* столь же мучительны и бессмысленны, как попытки теленка по рыхлым стенкам выбраться из оврага. Натянув перчатки, Ленни spryгнул в балку глубиной почти в его рост. Потревоженные мухи взлетели, но тотчас вновь облепили мертвую голову. Ленни ухватил теленка за ноги и выбросил наружу. Тот шмякнулся на землю, подняв облачко пыли.

Карабкаясь наверх по осыпавшимся стенкам, на мгновение Ленни почувствовал животную панику. На краю оврага он хлопнул в ладоши, сбивая землю с перчаток, потом опять ухватил теленка за ноги, закинул на плечи и по хрусткой траве зашагал к соседскому дому. Миновав ручей, выбрался на проселок, разделявший территории Анжелы и соседа, чей дом под оцинкованной крышей был построен вокруг трейлера и расположился посреди березовой рощицы. От жары и смрада Ленни уже слегка мутило. Сосед, семидесятилетний старик с копной седых волос, стоявших торчком, словно замерзшее пламя, переминался у крыльца, будто кого-то поджидал.

– Чё такое? – спросил старик.

– Да вот, гикнулся в... балку. – Ленни сбросил теленка на разъезженную гравийную дорожку, закашлялся и сплюнул в засохшую грязь.

Старик поскреб жесткую седую щетину и пнул спаниеля, обнюхивавшего мертвое животное. Пес проворно отскочил.

– М-да, паршиво, – наконец проговорил старик.

Ленни стянул перчатку и подал ему руку:

– Я Джин. Квртирую тут... у Анжелы.

Старик не назвался, лишь разглядывал теленка, который сейчас казался совсем маленьким и плоским, точно двухмерная картинка.

– Анжела держит свиней? – спросил старик.

– Не понял?

– Свины есть? – Наконец старик посмотрел на Ленин: – Можно скормить им дохлятину. Я-то своих пару лет назад всех порешил.

– Нет, свиней она не держит.

– Жалко. – Старик пнул теленка. – Добро пропадет.

Ленни надел перчатку.

– Как же его угораздило?

– Чего?

– Теленка. Как это он?

– Сверзился в яму.

– Да это понятно. Часто такое случается?

Старик пожал плечами:

– Бывает.

- А из-за чего?
- Стадо побежит, кто-то отстанет.
- Почему вдруг стадо бежит?
- Ну, скажем, пугается грома.

Ленни вспомнил, что пару дней назад ночью была сухая гроза – пара беззвучных вспышек, потом еще молния и раскат грома.

- И тогда кто-нибудь погибает?
- Ну, если не сумеет сам выбраться, либо я не услышу рев и не подсоблю.

– На ваших глазах кто-нибудь падал?

Фермер задумался:

– Нет, такого не припомню.

Помолчали. Ленни плотнее натянул перчатки и пошевелил пальцами.

– Просто я не мог понять, как это случилось. Вот и все.

– Коровы, они не шибко умные, – прищурился старик. – Особливо молодняк.

– Выходит, так. – Ленни кивнул старику и пошел обратно. Возможно, когда-нибудь и он научится безропотно воспринимать жизненные невзгоды с их железным принципом: у малых мира сего всегда меньше шансов, а раскат грома может ввергнуть в панику даже самую уравновешенную тварь.

Взбивая султанчики пыли, он шел к дому Анжелы. На взгорке, где проселок примыкал к шоссе, стоял почтовый пикап. Сняв перчатки и засунув руки в карманы своих единственных джинсов, Ленни направился к ряду почтовых ящиков. Редкое сносное мгновение – башмаки, взбивающие пыль, джинсы, сосед... Больше нет бороды, отраставшие волосы Анжела осветлила перекисью, и теперь голова будто укрыта снежной порошей.

В большом ящике лежали счет за электричество, каталог постельного белья и банных принадлежностей и конверт с логотипом споканского Верховного суда. Ленни сперва не понял, кто такой Дэвид Никелл, и лишь потом сообразил, что письмо на имя мужа Анжелы пришло по его собственному запросу.

Он вскрыл конверт. Копия судебного дела на тридцати страницах и справка, извещавшая об окончании гражданской тяжбы. В иске говорилось, что здание (в проулке, где был обнаружен труп в холодильнике) принадлежало риелторской компании из Сиэтла, а в январе нынешнего года за 95 000 долларов его купил Джон Лэндерс, владелец лодочного центра, расположенного на другой стороне улицы.

Он перестроил здание и объявил, что его займет фирма по продаже

электроники. Однако риелторы подали в суд, заявив, что Лэндерс договорился об аренде еще в то время, когда юридически зданием владела их компания, и умолчал об интересе электронной фирмы к этому помещению. То есть скрыл информацию, чем сбил продажную цену вышеозначенных площадей.

Далее шли заявления адвоката и Джона Лэндерса, в которых признавалось, что имели место предварительные переговоры с электронной фирмой о ее переезде в здание, но лишь при категорическом условии реконструкции собственно здания и прилегающей территории. Лэндерс провел все вышеозначенные преобразования, а также обеспечил стройку охраной, понеся значительные издержки.

Ленин уронил руку с листками и посмотрел на дорогу к домику Анжелы. Вспомнились тот далекий день в парке и разговор с сутенером, который чего-то плел и дрожал от страха, что сейчас его грохнут. Он говорил, что не убивал Шелли (конечно, врал) и не знает, кто это сделал. Вроде бы через несколько дней после ее исчезновения его остановил какой-то старик в переулке и сказал, что если он не уберется со своими девками, то сильно пожалеет. Конечно, чистой воды брехня, но потом Ленни порыскал вокруг лодочного центра и стройки и наткнулся на труп в холодильнике.

Эх, мозгов бы побольше, чтоб все раскумекать. Он разговаривал со шлюхами, просматривал объявления, пытаясь понять, кто хотел избавиться от уличных девок. Все без толку. Всякий человек имеет определенное представление о жизни (скажем, реки текут с гор в долины) и не постигает того, что в него не вписывается. Может, о таких, как Джон Лэндерс, он понимает не больше, чем о громе и скотине.

Ленни зашагал к дому на пригорке под сенью лиственниц. Хорошо бы здесь остаться. Приятно, когда Анжела в переднике сидит на крыльце, а на столе тебя ждет ужин.

В доме он снял рабочую рубаху и грязные джинсы, надел хаки и черную футболку, в которых приехал. Ленни постарался представить свою встречу с мистером Джоном Лэндерсом. Что он сделает – пристрелит его, как хозяина ломбарда? Слегка удивится, услышав выстрел, на миг замрет? Или он стал другим человеком?

Ленни взял бумагу и ручку. Написал «Анжела» и задумался. Потом начеркал: «По делам уехал в Спокан. Не дожидайся». Было бы круто завести свое маленькое стадо. Это что-то с чем-то.

Он собрался было подписаться «Джин», но потом зачеркнул и написал «Ленни». Погрыз ручку и над именем вписал «Люблю».

Шесть вечера, середина предпоследней патрульной смены. На берегу реки Алан Дюпри сидел в машине и радаром замерял скорость чаек. Птицы носились кагалом, но раз-другой все же удалось снять показания. Одна чайка со скоростью восемнадцать миль в час спикировала к воде. Другая зависла во встречном потоке, затем взмахнула крыльями и плавно приводнилась. Прибор показал две мили. Полет со скоростью две мили в час! Поразительно. А вот люди все усложняют.

Дюпри вежливо кивнул прохожим, но те скривились на патрульного, который радаром замеряет птиц. Ему давно не было так хорошо. Сегодня он не чувствовал себя полицейским или человеком на грани развода. Нынче он был просто Алан, которого интересует скорость чаек. Он никогда не считал службу причиной своих семейных неурядиц и терпеть не мог мужиков, винивших работу, друзей и прочее в том, что они оказались никудышными супругами. Но сейчас, без пяти минут отставник, он понимал, что работа сжирала все его время, и удивлялся, что они с Дебби протянули так долго.

Жизнь в парке сникла: чайкам надоело летать, и они поочередно приземлились на бетонную лестницу, дожидаясь, когда кто-нибудь начнет кормить уток и можно будет заняться своим прямым делом – тырить угощение. Дюпри огляделся – что бы еще замерить? Скорость плившей утки была две мили в час, мальчишки на роликах – семь. Дюпри завел машину.

Диспетчер спросила, не съездит ли он к Южному холму, откуда поступило сообщение о взломе. Другие наряды застряли на двух ДТП. Дюпри вырулил на шоссе и добрался до съезда в самый скверный городской район, расположенный на пути в лучшие кварталы.

Обветшалые дома и заросшие лужайки у подножия Южного холма напомнили об одной его старой теории. Называлась она «теория дворовой относительности». Дюпри считал, что преступника можно определить по степени ухоженности его двора. Теория зародилась в кварталах, где торговали наркотиками, беспрестанно случались драки и бытовые скандалы. Со временем Дюпри подметил, что полицию почти никогда не вызывают в дома с ухоженными дворами. Дело не в материальном достатке или национальности хозяев, а в занудном ручном труде. Согласно теории Дюпри, у преступников не хватало терпения на работу во дворе.

Преступление, считал он, это и есть нехватка терпения. Хочешь быстро разбогатеть? Хочешь трахнуть бабу без всяких ухаживаний? Хочешь избавиться от делового партнера без судебной мороки и откупных? В этом и разница между преступниками и нормальными людьми. В терпении.

А что в престижных районах? Взбираясь на Южный холм, Дюпри ехал по Алтамонту, где иной уровень жизнь был заметнее уровня подъема. Наверное, среди здешних белых воротничков водились преступники, но можно спорить на что угодно: сами они не ухаживают за розами – нанимают садовников. Как и те, на чьей совести лопнувшие банки. У них тоже работает прислуга. Дворовый труд – время раздумий и голоса подсознания, время, когда виновному от себя не скрыться.

Как все хорошие теории, теория Дюпри могла бы найти практическое применение, если б автору удалось доказать причинно-следственную связь между заросшей лужайкой и преступлением. И тогда наказанием наркоторговцам стала бы стрижка газонов, а тюрьмы превратились бы в фирмы по озеленению территорий.

На Южном Алтамонт-бульваре старые особняки окаймляли утес, смотревший на город. Диспетчер сообщила, что один наряд заканчивает с ДТП и вскоре прибудет в помощь. Дюпри припарковался и вылез из машины. Столетний трехэтажный особняк с белыми колоннами. Раза в четыре дорожке дома, на который наскребли они с Дебби. Проехал пятнадцать кварталов – и оказался в другой вселенной.

На подъездной дорожке соседнего дома стояла пожилая женщина с садовыми ножницами в руках. Она показала на распахнутую парадную дверь особняка:

– Я заметила свет в доме, а потом увидела открытую дверь. Джон и Эдит на озере. Почему я и позвонила.

Дюпри посмотрел на ее ухоженные розовые кусты:

– Вы правильно сделали.

Конечно, следовало дождаться поддержки и лишь потом входить в дом, где предполагался взломщик. Но Дюпри знал, что внутри уже никого нет, и в последние дни службы не желал сомневаться в своем чутье. Он выключил рацию и, просунув голову в вестибюль, крикнул:

– Воры, вы там?

Никто не ответил, и Дюпри прошел к панели сигнализации. Разумеется, преступник обрезал провода и вынул аккумулятор из настенного монитора. В ванной он увидел окошко, через которое грабитель проник в дом. Работал профессионал.

От мысли, что еще водятся настоящие профессионалы, даже

взгрустнулось. Казалось, всех их давно переловили и остались одни юнцы, которым не хватит мозгов и терпения вырасти в настоящего взломщика. Только и могут, что искать наркотики, тырить мотоциклы из гаражей и шарить по машинам. Но этот парень знал, что к чему, и Дюпри даже слегка пожалел о своем скором уходе.

Но ради чего оставаться? Ему сорок восемь. Двадцать лет выслуги и еще шесть сверху в виде добровольного наказания. Почти все ребята, с которыми он начинал, уже на пенсии или на инвалидности и теперь играют в гольф или служат охранниками. Некоторые пошли в частные детективы и нынче на побегушках у вшивых адвокатов, которых прежде терпеть не могли.

Дюпри рассчитывал, что отставка спасет его от старческого нытья – дескать, мир окончательно испаскудился. Он не хотел закончить никчемным брюзгливым пердуном. Он хорошо помнил, как когда-то ворчали старые копы: на кой черт зачитывать арестованному его права? кто удумал брать баб в патрульные? что за фигня – до приезда фотографа не трогать улики? Как ни странно, теперь он тоже не хотел меняться, не хотел признать, что Спайви владеет современными методами расследования. Но самое удивительное – как быстро подступила старость.

Однако сейчас от почерка старого доброго взломщика вновь заиграла кровь в жилах. Нет, мы еще пригодимся. Дюпри вспомнил прежних воров: тормознешь мужика, а у него в машине полный набор отмычек; такой едва выйдет из тюрьмы и единолично взвинтит статистику по кражам. О них сыщики говорили с долей уважения, как питчер об отменном хиттере. Было несколько семейств знаменитых воров – скажешь «Джиллик» или «Фалко», и всякий коп уважительно кивнет: как же, знаем.

Подсвечивая себе фонариком, Дюпри переходил из комнаты в комнату. Никаких следов первоклассного взломщика или хотя бы обкуренного юнца – ни выдвинутых ящиков, ни оборванных проводов. В дальней комнате со звукопоглощающей отделкой был устроен домашний кинотеатр. Вор не позарился на телевизор и стерео. И на видеомэгнитофон. Странно. Дюпри поднялся на второй этаж и вошел в спальню. На комодѣ стояли фотографии величавой седовласой пары и ее трех взрослых детей, в лыжной экипировке позировавших на фоне какой-то горы.

Дюпри взял фотографию хозяев. Деньги. Если они есть, выглядишь пригожим и счастливым. Кто бы что ни говорил. В такие дома не бывает вызовов на изнасилование, убийство, растление малолетки. Деньги – корень зла? Я вас умоляю. Корень зла – метамфетамин. И бухло.

Рядом с фотографиями стояла незапертая шкатулка. Дюпри ее открыл

– украшения не тронуты. Значит, не грабеж. Домушники первым делом берут драгоценности: легко унести и сбыть, трудно отследить. Соседка сказала, что хозяева на отдыхе. Как их зовут? Джон и... Забыл. Дюпри огляделся – нет ли чего-нибудь с именами хозяев? Ничего.

Внизу хлопнула дверь, потом донесся голос Тига:

– Сержант? Вы наверху?

Дюпри вышел на площадку изогнутой лестницы. Руки в боки, Тиг стоял в вестибюле. Алан был рад этому чернокожему толстяку в очках а-ля Элвис Костелло. Пожалуй, он единственный чем-то смахивал на копов из поколения Дюпри.

– Привет, Тиг. Как дела?

– Я вызывал вас по рации, сержант. Почему не откликнулись?

Дюпри покосился на свою рацию:

– Слишком трещит. Мешает сосредоточиться.

– С выключенной рацией одному соваться в дом? По вызову на грабеж? Интересно. – Тиг ухмыльнулся. – Меня бы вы разжаловали в бойскауты.

– Верно, – сказал Дюпри. – Я не подумал.

Тиг его разглядывал:

– Может, ради прибавки к пенсии вы косите на умственное расстройство? Тогда больше не старайтесь. Я все подтверждаю.

– Легко и просто, – улыбнулся Дюпри.

Тиг огляделся:

– Миленькая халупа. Что мы имеем?

– Похоже, грабителя с синдромом дефицита внимания. Действует как профи, но ничего не берет. В шкатулке бриллиантовые серьги больше моих яиц.

– Странно. Очевидно, у вас крохотные яйца.

– Верно, зато шесть штук.

Дюпри спустился в прихожую и взял почту со столика. Просмотрел письма. Адресаты – Джон и Эдит Лэндерс. Одно письмо адресовано компании «Бухта Лэндерс». Алан разглядывал конверт. В голове брезжила какая-то мысль – ниточка, что пыталась соединить две разрозненные точки. Словно волосок в лампе, который не увидишь, пока не накалится.

– Что случилось? – Тиг вновь посерьезнел.

– Ничего. Просто я... – Дюпри смотрел на конверт. «Бухта Лэндерс». – У тебя телефон с собой?

– В машине.

– Позвони Крису Спайви из спецгруппы. Скажи, пусть едет сюда. С

диспетчером не заморачивайся, звони напрямую.

– Да в чем дело-то? – встревожился Тиг.

– Я сам точно не знаю. Скажи, пусть поторопится.

Не дождавшись разъяснений, Тиг побрел к машине. Дюпри положил письма на столик и прошел в гостиную, напоминавшую музейный зал, закрытый для посетителей, – жесткая мебель, телевизора нет. Удивительно, что вход не перегорожен красным бархатным шнуром. В конце зала виднелась приоткрытая дубовая дверь, которую Дюпри сперва не заметил. Через нее он попал в небольшой кабинет, уставленный книжными стеллажами и шкафами. В центре дубовый письменный стол под стать двери. В комнате все перевернуто вверх дном. Дюпри понимал, что надо все оставить как есть и вызвать экспертов. Но стол притягивал к себе.

На нем стоял пенопластовый макет «Бухты Лэндерс» с ныне возводимым искусственным горнолыжным склоном. Дюпри присел на корточки перед столом и пальцем потрогал миниатюрный снегоход. Макет занимал всю столешницу и представлял шесть кварталов неузнаваемо измененной Ист-Спрейг. На месте мотелей с почасовой оплатой красовался дорогой супермаркет. Напротив «Бухты Лэндерс» располагался магазин электроники, рядом с ним – сетевой магазин «Олд Нейви» и «Большой ресторан» с табличкой «Следите за рекламой». Вместо «Счастливого аиста», любимой забегаловки Дюпри, архитектору виделся подземный паркинг.

Алан хмыкнул и выпрямился, поскреб затылок. Затем осмотрел стол: все ящики взломаны и выпотрошены, бумаги разбросаны по полу. Дюпри нагнулся к листкам, не касаясь их. Документы по сделкам, договоры, подрядные сметы. Чутье и адреналиновый всплеск подсказали, что все неспроста, а заодно одарили наивной верой, что мир все же познаваем.

Теперь посмотрим, какие именно документы интересовали взломщика. Две раскрытые папки не валялись на полу, но лежали на тумбочке. В одной, маркированной «Расходы на охрану», обнаружилась кипа квитанций от охранной фирмы Кевина Верлока. Дюпри глянул самые свежие: февраль – две тысячи долларов на новую ограду; март – четыре тысячи на систему видеонаблюдения; июль – двести сорок долларов, пометка «разное».

Во второй папке хранился какой-то договор. Дюпри надел перчатки и открыл первую страницу. Контракт компании «Бухта Лэндерс» с охранной фирмой «Полная безопасность». Дюпри вернулся на страницу, открытую взломщиком:

8. Вознаграждение за улучшение обстановки в районе.

Согласованная схема оплаты включает в себя ежеквартальные поощрительные выплаты в размере 2000 долларов за следующие дополнительные результаты или обстоятельства, вследствие которых в двухлетний период действия настоящего договора усиливается охрана, что описано в Приложении А:

(1) 20 %-е увеличение стоимости недвижимости в 1300-м квартале по Ист-Спрейг, установленной независимым оценщиком.

(2) Уничтожение проституции и всякой преступности в «Бухте Лэндерс» и на прилегающих территориях. (См. уточнения в Приложении А.)

Дюпри глянул в конец договора. В «Приложении А» разъяснились термины «недвижимость» и «уничтожение».

– Господи! – Тиг возник в дверях. – Я только на минуту вас оставил, а вы устроили погром.

Дюпри положил контракт обратно в папку:

– Получилось?

– Не-а. В группе никто не ответил, я позвонил Спайви на сотовый. Он с телевизионщиками уехал на реку. Я передал вашу просьбу, и он велел послать вас куда подальше.

– Умеет парень затаить обиду.

– Дело, говорю, срочное. Спайви приказал запереть дом и связаться с хозяевами. Позже он кого-нибудь подошлет. Или завтра утром.

– Дай телефон.

Тиг отдал мобильник, Дюпри нажал кнопку повторного вызова. Спайви ответил после первого гудка:

– Слушаю. – Фоном звучала многоголосица.

– Привет, это Дюпри. Мне все-таки кажется...

– Я знаю. Через час освобожусь и кого-нибудь пришлю.

Отбой. Дюпри перезвонил, ответила голосовая почта. Да пошел он! На кой черт делать чужую работу? Дюпри кинул мобильник Тигу, тот поймал его обеими руками.

– Ну вот, – сказал он.

Завтра. Он станет просто Аланом Дюпри, частным лицом, завидным холостяком. Смешно. Он так долго мечтал стать беззаботным холостяком, сбросить четвертьвековую угрюмость. И единственная, кого впечатлил бы новый образ прежнего Дюпри, – Дебби, некогда любившая беззаботного

холостяка. Вот бы посмотрела на него – размечтался стать беспечным, легким, юморным.

– Ну и что нам делать? – спросил Тиг.

– Сейчас? – Дюпри пожал плечами и глянул на раскрытые папки. – Я поеду в контору писать рапорт. Ты огородишь дом лентой и дождешься, когда кто-нибудь явится снять пальчики.

– Ладно, – кивнул Тиг. – А потом?

– Потом? Потом мы закажем пиццу.

Тиг только молча на него вытаращился.

– Раз Спайви говорит, спешки нет, – значит, видимо, нет.

– Встань, пожалуйста. – В длинном коридоре Каролина окинула взглядом кабинетные двери – не дай бог, кто-нибудь выйдет и увидит эту сцену

– Тебе все равно, что я тебя люблю? – Джоэл так и стоял на одном колене.

– Мне все равно, что ты себе надумал. Тебе не кажется странным, что ты осознал свою любовь ко мне лишь после того, как переспал с кем-то другим?

– Я же признал свою ошибку.

– Ты думал, что спишь со мной?

Коленопреклоненный Джоэл опустил голову, словно на посвящении в рыцари:

– Да, я себя вел как последний идиот. Но я готов на все, лишь бы тебя сохранить.

– Прекрати. Встань.

Помешкав, Джоэл поднялся. Каролина взяла его за руку:

– Ты не можешь меня сохранить. Потому что никогда мною не обладал. Мы просто... были вместе.

– Как у тебя язык повернулся? То есть что, наши отношения ничего не стоят?

– Я не знаю, чего они стоят, – тихо сказала Каролина, – но я знаю, чего стоит ночь, когда ты переспал с другой.

Джоэл потер подбородок:

– Наверное, я глупость скажу, но до той ночи я ни разу тебе не изменил.

– Ты сам понимаешь, что это неважно. Мы оба сели на свободные места. Но по правде... – Каролина снова оглядела коридор – слава богу, никого, – я все время ждала, что на твое место придет человек с билетом. – Она как будто себе исповедовалась. – Конечно, мило, что ты мне не изменял. Но ты был готов изменить. Так что вперед.

– Да не хочу я... – начал Джоэл.

– Хочешь, – перебила Каролина. – Я понимаю, ты пытаешься стать хорошим мальчиком. Но не получается. Пока что.

– А если лет через пять я пойму, что совершил грандиозную ошибку, потеряв тебя?

Каролина усмехнулась:

– Через пять лет мне будет семьдесят шесть.

Они все еще держались за руки – левая рука Джоэла в правой руке Каролины. Свободной рукой Каролина отдала ему футляр с помолвочным кольцом.

За спиной ее послышались шаги.

– Каролина! Вот вы где!

Она обернулась и в конце коридора увидела Дюпри. Тот остановился, переводя взгляд с Каролины на Джоэла и обратно. Каролина выпустила руку Джоэла.

– Ох, извините, – сказал Дюпри.

– Все в порядке, Алан. Через секунду я освобожусь.

– Нет-нет, ничего срочного. Я потом... э-э... вам позвоню. – Дюпри потоптался, словно соображая, в какую сторону идти, затем развернулся и пошел к двери.

Джоэл привалился к стене, уставившись на футляр с кольцом:

– Наверное, сейчас тебе самое время сказать, что однажды я кого-нибудь осчастливлю.

– Возможно, когда осилишь кольцо побогаче. – Каролина улыбнулась и оттянула его от стены.

– По-моему, я вправду тебя любил, – сказал Джоэл.

Каролина его обняла:

– Хочется верить.

Джоэл прижал ее к себе, и она зажмурилась от знакомого уюта его объятий.

– Может, на прощанье мы... – прошептал он.

– Узнаю прежнего Джоэла. – Каролина его отпихнула и поцеловала: – Береги себя.

Она пошла по коридору, превозмогая желание обернуться. Наверняка Джоэл привалился к стене и смотрит ей вслед. Мощная грудь обтянута белой футболкой, руки в карманах линялых джинсов. Идеал всякой женщины. Только невзрачный и недолгий – вроде отпуска в Мексике или пробной поездки на машине, которая тебе не по карману.

В группе никого не было: сыщики разошлись по домам, Спайви и аналитики с телевизионщиками отправились на реку. Каролина глянула на часы: половина восьмого. Она плюхнулась за стол и ткнула кнопку голосовой почты. Четыре сообщения. Первое от Блантона, позвонившего с реки. Каролина включила громкую связь и стала просматривать допросные карточки.

«Мисс Мейбри, – сказал голос Блантона, – вы слышаны об истуканах с острова Пасхи? Помимо размера самое примечательное в них то, что они безглазы. У статуй лишь пустые глазницы. Зрелище настолько жуткое – особенно на острове каннибалов, – что первые европейские мореплаватели сочли эти фигуры воплощением слепой жестокости океана. Истуканы как будто вопят, что желание постичь океан, который местные народы считали богом, сродни попытке выколоть себе глаза. Все мифы о значении и происхождении статуй сосредоточены на единственном факте: *истуканы с острова Пасхи безглазы*».

Время записи истекло, и Блантону пришлось перезвонить:

«Я сижу на берегу вашей прекрасной реки, мисс Мейбри, и рассказываю вам об истуканах с острова Пасхи, а Макдэниэл разъясняет особенности психоза Ленин Райна ходячей копне залаченных волос, которую телевизионщики издевательски величают *талантищем*. Мистер Макдэниэл только что поведал *талантищу* и телезрителям, что Ленин Райан наверняка покинул здешние края, иначе мы бы о нем услышали. То есть нашли бы очередной труп. Слушаю я мистера Макдэниэла, коего уже считаю *нашим* талантищем, и крепко грущу. А также вспоминаю о том, что, как и с загадками острова Пасхи, порой нечто наиочевиднейшее потому и очевидно, что ложно».

Запись вновь закончилась, Каролина включила третье сообщение:

«Через тяжкое столетие, в котором хвори и угнетение стерли с лица земли почти всех аборигенов острова Пасхи, один мореплаватель наконец-то спросил тамошнего святого, почему его народ ваял безглазых истуканов. В полинезийских диалектах нет прошедшего времени, и потому старец ответил, мол, да, статуи безглазы. Потом уразумел вопрос и терпеливо растолковал: статуи создал древний народ, а спустя много поколений на остров приплыл в выдолбленных каноэ народ старца и уничтожил ваятелей. И тут, к изумлению мореплавателя, святой достал из корзинки великолепно отполированный кругляш из темного обсидиана с белым вкраплением посередине – потрясающий артефакт, единственный глаз с острова Пасхи. “Мы забрали глаза” – усмехнулся беззубый старец. Мореплаватель вспомнил, что нынешние островитяне – ритуальные каннибалы, и спросил, не было ли ослепление истуканов знаком окончательной победы над древним народом острова Пасхи».

Голос Блантона опять смолк, Каролина перешла к четвертой записи:

«“Нет, – рассмеялся островитянин. – Мы вынули глаза, поскольку боялись, что вы их стибрите”».

Каролина посмотрела на схему Спайви, занимавшую уже две стены,

улыбнулась и набрала номер Блантона.

– Это подлинная история? – спросила она.

– Черт его знает. Я спяну смотрю научно-популярную программу «Нова», а наутро уже ничего не понимаю.

– Как там у вас?

– Меня загримовали. Это все равно что надуть хряка. Явите милость, подъезжайте и пристрелите меня.

– Уже в пути.

– Мобить, с вами было бы почти терпимо, – сказал Блантон. Каролина подметила его использование споканского говора. – А то не перед кем закатить глаза. Телеоператор думает, я эпилептик.

Каролина потерла лоб:

– Скажете Спайви, что я скоро приеду?

– Если сумею вытащить его из скульптурной задницы *талантища*. – Блантон что-то сказал в сторону и вернулся на линию: – Он хочет с вами поговорить.

Спайви взял трубку:

– Где вас носит, Каролина? Вы же член нашей группы.

– Замоталась. Но я скоро приеду.

– Отлично. Вот еще что. Заскочите в магазин и возьмите что-нибудь перекусить. Похоже, у нас тут затянется.

Через паузу Каролина услышала свой голос:

– Хорошо.

– Ну там, чипсы и какую-нибудь выпечку... парочку слоеных пирожных, только если свежие.

– Если свежие, – повторила Каролина и повесила трубку.

Почти сразу телефон опять зазвонил. Каролина ткнула кнопку громкой связи:

– Еще прикажете рогаликов?

– Что? – спросил Дюпри.

– А?

– Что вы сказали?

Каролина схватила трубку:

– Это вы, Алан?

– Да. Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Вы что-то спросили?

– Кажется... – промямлила Каролина, – не прикажете ли рогаликов.

– Ой нет, спасибо.

Каролина зажалась. Отлуп Джоэлу дался совсем не легко. Всякая девушка мечтает выйти за писаного красавца, у всякой мелькает мысль «он будет классно смотреться в смокинге». Но вопреки всей этой соблазнительной дури Каролина точно знала, как себя вести с Джоэлом. Знала, что *надо* сказать. А вот с Дюпри – нет. И если б он попросил нынче быть с ним, она бы не нашлась с ответом. Впервые препятствием этому были только они двое.

– Извините, что помешал, – сказал Дюпри. – Не вовремя я появился. Как у вас ним?.. – Он помолчал. – Разобрались?

– Да. Вроде бы.

– Вот и ладно. Хорошо. – Дюпри прокашлялся. – Возможно, это все чепуха... Я хотел узнать, не повидаетесь ли вы со Спайви в ближайшее время?

– Как раз к нему собираюсь.

– Понимаете, этот придурок меня чурается. Нынче взломали особняк на Южном холме. Хозяин Джон Лэндерс.

– Катера-яхты.

– Точно. Возможно, все это никак не связано, но грабитель явно что-то искал.

– То есть?

– Я не знаю. В кабинете разбросаны бумаги, а на столе макет микрорайона... Вспомнились Ленин Райан и его дядя, хозяин ломбарда... Скажите, вы разговаривали со старым охранником лодочного центра?

– С охранником? – Каролина не поспевала за его мыслью.

Дюпри смущенно рассмеялся:

– Ладно, ерунда все это.

– Нет, говорите.

– Да я сам ни черта не понимаю. – Он опять засмеялся. – Просто скажите Спайви, что в доме нужно снять отпечатки, пока хозяева не вернулись. На всякий случай.

– Ладно, скажу.

– Спасибо. – Дюпри хмыкнул: – Вот же засело-то.

Они помолчали и одновременно спросили:

– Как вы?

– Пожалуйста, извините за нашу последнюю встречу, – сказал Дюпри. – Я не имел права так вас огорошить и... чего-то требовать.

– Алан...

– Я многое могу себе простить, но вовек не прощу, если из-за меня вы будете думать, что вы плохой коп.

Каролина зажмурилась и приказала себе молчать, чтобы не нарваться на вопрос, ответа на который еще не знала.

– Ну ладно, поеду встречать пиццу. Значит, скажете Спайви?

– Да.

Помолчали. Каролина вспомнила, как шесть лет назад они переплелись на кушетке, вцепившись друг в друга. Оба знали, что если разомкнут объятия, это произойдет и все изменится. Неделей раньше ей исполнилось тридцать. Неужели шесть лет так пролетели?

– После разговора со Спайви я вам перезвоню, – сказала Каролина.

– Если угодно, – ответил Дюпри.

Каролина положила трубку и закрыла руками лицо. Перед разводом мать вот так же ни с того ни с сего зарывалась лицом в ладони, и маленькая Каролина – ей было лет восемь-девять – изводилась от беспокойства за нее. Как-то раз она играла с куклами, в детскую вошла мать, по щекам ее текли слезы. «Каролина, – сказала мама, – никогда не позволяй другим решать, чего *ты* хочешь». Эта фраза – *чего ты хочешь* — отпечаталась в голове восьмилетней девочки как священный завет, гарантирующий счастье по списку необходимых кукольных аксессуаров: домик, кабриолет, красивый жених.

Однако последние пять лет жизни смахивали на каталог пластмассовой посуды, и стоило задуматься, чего же она по правде хочет, как перед мысленным взором тотчас возникал Алан Дюпри.

Каролина уже потянулась к телефону, чтобы перезвонить ему, но взгляд зацепил карту города. Она придвинула карту к себе. Что сказал Дюпри? Кто-то проник в дом, искал документы. Интересно, зачем? Вот он лодочный центр, в самом сердце «охотничьих угодий Ленин Райана», как выражался Макдэниэл.

Каролина задумалась, потом решила взглянуть на распечатки судмедэкспертиз, лежавшие на совещательном столе в центре комнаты. Отыскала отчет по первой жертве, Ребекке Беннетт, и просмотрела список волокон и частиц, обнаруженных на трупе. Вот деталь, которая поначалу всех ставила в тупик, – ковровые волокна. Позже выяснили, что это волокна непромокаемого катерного паласа. Сыщики узнали, что одно время проститутки принимали клиентов в катерах «Бухты Лэндерс». Каролина просмотрела другие отчеты, но эта деталь больше нигде не встречалась. За отчеты экспертов отвечал Лейрд, он вряд ли проглядел бы столь явное совпадение. Каролина направилась к телефону, но опять до него не дошла.

Теперь она свернула к шкафу, в котором хранились так называемые косвенные дела. Вот результаты экспертизы тела Шелли Нордлинг.

Каролина пробежала пальцем по списку частиц, обнаруженных на трупe и одежде. Есть. Ковровые волокна.

Так. Ленин Райан расспрашивал проститутку и выяснил, что Шелли водила клиентов в «Бухту Лэндере». Предположим, это он проник в дом Лэндерса, чтобы найти... что? Дюпри сказал, там разбросаны бумаги. Бумаги?

Каролина казалась себе полной дурой, неспособной сложить два и два. Она потеряла виски. Куда обычно идешь, если нужны документы? Каролина посмотрела на часы: почти восемь. Мэрия уже закрылась на выходные. На столе Спайви она отыскала список телефонов экстренных служб и набрала сотовый начальника окружной канцелярии. Тот ответил после первого гудка, фоном слышался шум ресторана. Представившись, Каролина извинилась за поздний звонок.

– Моя просьба покажется странной, но до понедельника дело не терпит, – сказала она. – Вы регистрируете тех, кто запрашивает документы? Мне нужно выяснить, кто интересовался судебной тяжбой Джона Лэндерса.

– Торговца яхтами.

– Верно.

– Я перезвоню.

Через две минуты раздался звонок:

– Дэвид Никелл.

Каролина поискала ручку:

– Ой, одну секунду.

– Ничего-ничего. Я только что дал взбучку служащему, который отправил ему копии судебных документов почтой. В Спрингдейл. Грубейшее нарушение. Документы выдаются только на руки. Никаких исключений. Можете жаловаться на свою горькую судьбину, плакаться, что живете в глуши, – мы не отправляем документы почтой.

– Когда они ушли?

– Мой сильно обгадившийся чиновник говорит, что отправил на этой неделе. Наверняка Дэвид Никелл его подмазал. Придется уволить подлеца.

– Не знаете, Никелл предъявил удостоверение личности?

– Иначе документы не получить.

Каролина затаила дыхание:

– А как он выглядел?

– Чиновник говорит, лысый и бородатый.

– Адрес дадите? – рискнула Каролина.

– Может, в понедельник?

– Нет, это поздно. И хорошо бы ваш подчиненный сегодня же к нам заглянул.

– Ладно, попробую. – Начальник повесил трубку.

Дэвид Никелл. Каролина взяла телефонный справочник Спрингдейла. Есть: Дэвид и Анжела Никелл. В адресе только номер шоссе – видимо, супруги жили в глуши. Каролина позвонила по указанному телефону – никто не откликнулся, даже автоответчик. Она открыла базу данных и проверила Дэвида Никелла в списках доносчиков, свидетелей, подозреваемых, жертв. Пусто.

Каролина перешла к другому компьютеру и пробила имя по всем картотекам преступников – местной, штата и национальной. Базы выдали нескольких Дэвидов Никеллов, тогда она сузила круг поиска, добавив слово «Спрингдейл», и вскоре получила номер социального страхования. Этот Дэвид М. Никелл, сорока двух лет, житель Спрингдейла, привлекался к ответственности за домашнее насилие в отношении Анжелы Никеля и трижды – за вождение в нетрезвом виде. Два месяца назад его вновь арестовали на западе штата: пьяный, на угнанной машине он пытался уйти от полицейской погони. В изоляторе Такомы ожидал суда. Фотография представила лысого бородача в очках. Каролина вспомнила, что свидетели, описывая предполагаемого Ленни Райана, упоминали густую бороду и бейсболку.

Если Дэвид Никеля сидел за угон, значит, кто-то другой сделал запрос о Джоне Лэндерсе. Если Дэвида Никелла взяли в ворованной машине, значит, человек с его удостоверением вполне мог разъезжать в его автомобиле.

Каролина уже убедила себя, что к ее дому подъезжал не Ленни Райан, а какой-то парень с пивом. Но теперь не сильно удивилась, когда по номеру социального страхования выяснила марку машины Никелла – красный «ниссан-сентра» 92 года.

Откинувшись на стуле, Каролина уставилась в потолок. Как, пожалуй, всякий человек, она надеялась остаться в стороне от событий собственной жизни, не замочившись в их стремительном потоке, но теперь с удивлением поняла, что ее тащит тем же течением, с которым она так долго боролась.

Укол; в руке потекло тугое тепло. Рэй-Линн пошевелила пальцами и привалилась к стенке. Тепло поднялось к плечам, потом разлилось по всему телу до самых икр. Рэй-Линн провела языком по деснам. Тим развязал жгут из банданы, Рэй-Линн прикрыла веки и тихонько замычала. Через пару секунд она открыла глаза – возле раковины Тим снял иглу со шприца и, промыв перекисью, убрал в футляр. Хорошо, что он такой аккуратный чистюля, подумала Рэй-Линн. Раскинув ноги, она сидела на унитазе.

- Классно, Тимми. Спасибо тебе.
- Не за что. – Тим вымыл руки и спрятал коробку со шприцем.
- Здорово, что мы пересеклись. Вечер будет что надо.
- Кстати, я не шутил: сделай себе буфера и валяй в стриптиз.
- Да ну, ты просто так говоришь.
- Нет, я серьезно. Питайся получше, добавь мяска на ляжки и задницу. – Тим посмотрел на Рэй-Линн, раскорячившуюся в кабинке мужского туалета. – В хороших клубах не любят, когда девушки квелые.

– А чё, я квелая?

У Тима было по-детски округлое лицо. Светлые волосы на косой пробор. Весь такой как бы надменный и жалеет обо всем подряд.

– Ты вроде как маленько себя запустила, – сказал он.

Они вернулись в ресторанный зал. Рэй-Линн проскользнула в угловую кабинку и потерла лицо, на ощупь будто резиновое. Потрогала фингал под глазом – вчера Майкл врезал за то, что сбежала. Могло быть и хуже. Рэй-Линн стиснула свои маленькие груди и посмотрела на ложбинку между ними.

- Поможешь мне сделать сиськи, Тимми?
- Я?
- Оплатишь операцию, и они будут вроде как наполовину твои.
- В смысле, одну тебе, другую мне?
- Нет, типа сможешь их трогать когда захочешь.

Тим протянул руку:

– А сейчас можно?

– Попроси деньги у папаши. Он же у тебя адвокат или кто там.

Тим открыл меню на странице завтраков:

- Привет, батя. Дашь пару тонн одной девушке на буфера?
- Ага! – Рэй-Линн беззвучно рассмеялась, завалившись на сиденье. –

Можно оладьи?

– Все что угодно.

Рэй-Линн села:

– А на день рожденья подают стейк.

– Это в другом ресторане.

Рэй-Линн хотела сказать ему, что он ей нравится, но никак не могла вспомнить: она только подумала об этом или уже сказала?

– Закинем оладушки и поедем к тебе? – спросила она.

– Смотря по обстоятельствам.

– По каким?

– Сколько ты запросишь?

– А сколько стоят сиськи?

– Пару штук.

– Вот моя цена.

– Может, сговоримся за сигаретку?

Рэй-Линн рассмеялась:

– Заметано.

Потеха.

Тим достал из бумажника пару долларовых купюр и пошел к табачному автомату в другом конце зала. Бумажник остался на сиденье.

Рэй-Линн сама не знала, как с бумажником Тима очутилась на улице и спряталась за мусорный контейнер. Вдруг вспомнилась та ночь, когда псих в пикапе чуть не задушил ее. Интересно, что она почувствовала бы, если б он ее убил? А может, она мертвая, только не знает об этом? Как в том кино. Стало маленько стремно. Скорчившись за баком,

Рэй-Линн открыла бумажник. Всего десятка и две бумажки по доллару Карточки. Права. На фото Тим жалкий толстяк. Якобы золотая кредитная карта, какие есть у всех, кроме нее. Рэй-Линн заглянула в другое отделение бумажника. Две карточки для кофейных автоматов. Одной уже оплачено девять чашек эспresso. Значит, еще одна, и следующая – бесплатно. Видеопрокатная карточка и фотография девочки чуть старше, чем малыш Рэй-Линн. Она и не знала, что у Тима есть ребенок. Еще библиотечная карта. Почему-то именно из-за нее на душе стало скверно.

Рэй-Линн подкралась к ресторанному окну. Тим сидел в кабинке и вертел в руках сигаретную пачку. Он словно ждал возвращения Рэй-Линн, хотя, конечно, все понял. Рэй-Линн цапнула за руку женщину, собиравшуюся войти в ресторан:

– Можно тебя попросить?

Взяв десятку и карточку на бесплатный кофе, она сунула бумажник

женщине и в окно показала Тима:

– Отдай вон тому парню и скажи, что я прошу прощения.

– Ладно. – Женщина шагнула к двери.

– Гляди не сопри! – крикнула Рэй-Линн. – Я за тобой слежу.

В окно она видела, как женщина передала бумажник. Тим поблагодарил и, не заглянув в портмоне, сунул его в карман. Наверное, и без того знал, сколько там осталось. Он шибко умный.

К окну Тим не повернулся. Пригласил женщину за столик. Угостил ее сигаретой и закурил сам, чиркнув зажигалкой. От глубокой затяжки кончик сигареты полыхнул огнем. Женщина что-то сказала, и Тим, рассмеявшись, выдохнул дым.

С десяткой в кармане Рэй-Линн поплелась по улице. Она надеялась, что Майкл уже остыл, потому что нынче хотелось оторваться. У круглосуточного магазина таксист заправлял машину. Рэй-Линн попросила отвезти ее на Ист-Спрейг, обещав расплатиться минетом.

Несмотря на жидкие волосенки и кошмарную козлиную бородку, таксист не показался противным. Рэй-Линн нравилось, как он вел машину, шныряя из ряда в ряд. На переднем сиденье она прикрыла глаза и раскинула руки, точно крылья. Таксист поведал, что машина у него собственная, что он терпеть не может на кого-то пахать и всю жизнь мечтал работать на себя.

Свернули на Спрейг.

– По мне, жизнь – это кино, – балаболит таксист, – и надо быть звездой в своем фильме.

Рэй-Линн открыла глаза:

– Вау! Красиво.

– Благодарю. Такая у меня, значит, философия.

– Один раз у меня было кино. Пару недель назад. В Мозес-Лейке.

– Клево, – сказал таксист.

– Не желаешь пожертвовать в фонд моих сисек? – Рэй-Линн сжала груди. – Я собираю на импланты. Пойду в стриптизерши.

– Слыхала, Памела Андерсон свои вынула.

– Так на кой они, если ты уже знаменитость.

– Тогда я не буду вносить в твой фонд. А то прославишься и вытащишь.

Рэй-Линн развернулась к окошку:

– Останови!

Машина встала перед баром «Счастливый аист», и Рэй-Линн выпрыгнула на тротуар:

– Подожди, сейчас вернусь. Только гляну, там ли мой парень, и сразу назад.

Таксист недовольно нахмурился, но она одарила его улыбкой:

– Слово даю, мигом вернусь.

Босиком шлепая по тротуару, Рэй-Линн хихикала и старалась вспомнить, где оставила туфли. Она с трудом открыла дверь бара, и ее тотчас окатило воздушной волной, промозглой и прокуренной. Два пожилых мужика сидели за столиком возле окна, два парня – у стойки. Все оцупали Рэй-Линн глазами. Она почувствовала себя красоткой.

– Привет. – Бармен ее узнал. – Где пропадала?

– Снималась в кино. Танцевала стриптиз.

– Круто.

Рэй-Линн выудила десятку из кармана и, покачнувшись, ухватилась за стойку. Казалось, она еще в такси, еще летит.

– Первую выпивку покупаю сама, но потом, надеюсь, кто-нибудь поухаживает.

– О, я поухаживаю, – сказал один парень.

Рэй-Линн оглядела шеренгу бутылок за спиной бармена:

– Водочки.

– Во дочки! – скаламбурил парень.

Из захватанной пластиковой бутылки бармен до краев наполнил стопку и дал восемь долларов сдачи. Рэй-Линн залпом выпила, зажмурилась и грациозно откачнулась от стойки. Закинула руки за голову, потом уронила и с наигранной скромностью взглянула на мужчин:

– Ну что, ребята, станцевать вам?

Мужики заухмылялись.

– Ладно. Сейчас вернусь. – Рэй-Линн пошла к туалету, но миновала его и черным ходом выскользнула на улицу. Красотка.

В темном переулке она увидела поджидавшего ее таксиста.

– Эй! – От смеха Рэй-Линн перегнулась пополам. – Я тебя знаю!

– Что за дела? Хочешь смыться, не заплатив?

– Да нет, я шла в обход. В баре парни клеились, пришлось удирать. Я возвращалась.

Было видно, что таксист разозлился. Чего все мужики сразу злятся?

– С тебя четырнадцать баксов, – мрачно сказал таксист.

– Чего? Проехали-то две мили.

– Пока ты шастала, счетчик щелкал. – Он шагнул к ней.

– У меня нет четырнадцати баксов. Я ж говорила, расплачусь натурой.

Таксист схватил ее за руку. Рэй-Линн хотела его ударить, но только

задела по плечу. А вот мужик не промахнулся, угадав точно в фингал, подаренный Майклом. Рэй-Линн упала. Таксист обшарил ее карманы, нашел восемь долларов и две карточки – кофейную и визитку полицейской дамочки. Карточки бросил на тротуар. Рэй-Линн сунула их обратно в карман. Я красотка, подумала она. Красотка. В глазах все плыло, тянуло слювовать.

– Тимми, – прошептала Рэй-Линн.

– Сука драная. – Таксист сел в машину и уехал.

Рэй-Линн встала, отряхнулась. Ее сильно качнуло, но она устояла на ногах и переулком пошла к Спрейг-стрит.

Руки ее висели плетями, ощущение полета исчезло. У Тимми раньше был хороший герыч. Либо не пробило, либо Тим разбодяжил дозу. Уже хотелось еще. Но теперь больше нет даже тех восьми долларов.

Сзади возникли фары. Рэй-Линн развернулась к дороге здоровым глазом, но машина просвистела мимо. Покачиваясь, Рэй-Линн побрела дальше.

Перешла улицу и прислонилась к ограде лодочного центра. Опухшей щекой прижалась к прохладной сетке. Ох, как хорошо.

– Эй! – крикнула она. – Ты там?

Из павильона вышел старик-охранник. Он изумленно посмотрел на Рэй-Линн, потом оглядел улицу.

– Господи, девонька, – сказал старик. – Где тебя носило?

И вот тут Рэй-Линн заплакала. Вспомнились Шелли и Хлоя. Когда-то этот лодочный центр был их неприступной личной территорией. Они сидели на палубе огромной яхты и болтали о чем угодно. Если б тогда кто-нибудь сказал, что у Рэй-Линн плохие сиськи и ей нужны импланты, она бы только закатила глаза. Несправедливо, что сиськи обвисают, когда худеешь, что пропадает даже красота.

Охранник достал ключи и вновь оглядел улицу. Потом открыл калитку и впустил Рэй-Линн.

С другой стороны павильона что-то строили, стальная конструкция высотой с четырехэтажный дом смахивала на скелет. Кое-где уже началась отделка – снизу серая, сверху белая, точно выпавший снег. Освещенная прожектором железная махина отбрасывала ребристую тень на парковку.

– Что это? – спросила Рэй-Линн.

– Гора, – сказал охранник.

Рэй-Линн даже повеселела, представив, как когда-нибудь вместе с Шелли и Рисой заберется на самую верхотуру. Они возьмут бутылку вина и будут разглядывать город с вышины, ничего не боясь. Понятно, что этого не

будет, но так приятно помечтать.

– Я никогда не взбиралась на гору, – тихо сказала Рэй-Линн.

– Она не настоящая. Это здание такое, в форме горы. – Старик отвел прядь с ее подбитого глаза. – Что с тобой случилось?

– Как считаешь, мне нужно нарастить сиськи?

Он обнял ее за плечи:

– Нет. Конечно нет.

– Можно я здесь посплю? Я страшно устала.

– Знаешь что? Давай-ка я отвезу тебя в одно место – выспишься там вволю. Хорошо, девонька?

Она кивнула:

– Было бы здорово.

Старик снял куртку и накинул ей на худенькие плечи. Рэй-Линн ощупала внутренний карман – бумажника нет.

– Спасибо, – сказала она.

Вышли на улицу, старик запер калитку.

– Ты такой добрый.

Охранник промолчал. Рэй-Линн забралась на переднее сиденье «форда-тауруса», старик пристегнул ее ремнем. Она погладила его щеку в седой щетине.

Рэй-Линн только на минутку смежила веки.

– Гора есть гора. И неважно, зачем ее строят, если с виду она гора... – Она открыла глаза и огляделась.

Охранник заруливал на подъездную аллею в незнакомом районе. Может, даже в пригороде. Смеркалось. Дом прилепился к склону холма. Соседей – раз-два и обчелся. Старик отстегнул ее ремень, Рэй-Линн вылезла из машины. Ломило лоб и шею. Она знала, будет еще хуже, если позже не подзаправиться.

– Чей дом? – спросила Рэй-Линн.

– Моего сына, – сказал старик.

Одноэтажный фермерский дом с полуподвалом, новый и темный. В палисаднике ни травинки, только грязь, тачка и пара лопат.

Следом за стариком Рэй-Линн прошла к черному ходу, смотревшему на крутой берег. До водопада примерно миля. Задний двор уступами спускался к берегу и заканчивался небольшой площадкой, за которой склон превращался в обрыв.

– Красотища, – сказала Рэй-Линн.

На закате река смотрелась резкой складкой, потоком тьмы. На другом берегу виднелись перестроенные горняцкие халупы и дома из песчаника.

Окрестности Мирной долины. Однажды Рэй-Линн была там на вечеринке. Ниже по течению расстились луга, заросшие сорняком и кустарником. Потом река круто изгибалась и город заканчивался. Еще дальше были Мозес-Лейк и Келли. Стало грустно, что он испакостил ее последний шанс.

Рэй-Линн обернулась к дому. Желаящих поселиться здесь было немного – видимо, обрывистый берег и железнодорожный мост, отрезавший район от города, никого не прельщали.

– Я не знала, что здесь вообще живут, – сказала она.

– Тут почти никого, – ответил старик. – Мы да еще миссис Аменд вон там, чуть подальше. – Он улыбнулся и полез в карман за ключами.

Рэй-Линн посмотрела вверх по течению, где были водопад, череда городских мостов и силуэты домов на фоне темнеющего неба. Раньше она никогда не видела весь город целиком, от края до края. Казалось, его можно обхватить руками.

– Ты идешь? – окликнул старик.

Рэй-Линн зазнобило, и она поняла, что ей не одолеть надвигавшуюся ломку. Раньше, с Келли, наверное, смогла бы, но сейчас она маленькая, слабая и никакая не красотка. Она устала, а после короткого забытья еще сильнее хотелось ширнуться. Рэй-Линн уже собралась отдать куртку старику и сказать, что ее нельзя оставлять в доме одну – непременно что-нибудь украдет. С улицы венецианское окно, выходившее на реку, смотрелось огромным телеэкраном. Старик стоял возле большого книжного стеллажа и говорил по телефону. Он выглядел хилым, но Рэй-Линн знала, что даже самый хилый мужик гораздо сильнее ее. Все они, сволочи, сильные.

Рэй-Линн смотрела на дом с венецианским окном, угнездившийся на крутом речном берегу. В другое время этот вид породил бы грезы о праздничных ужинах, детях и пробуждении в мужниной рубашке, но сейчас она лишь глубоко вздохнула и, закутавшись в старикову куртку, вошла в дом.

Мощные литые плечи и толстые, опутанные венами руки Кевина Верлока выдавали в нем серьезного культуриста. Бычья шея казалась продолжением плеч, и вообще складывалось впечатление, будто некто сдавил Верлока в кулаке, переместив всю массу его тела в торс. Темные волосы коротко стрижены и зачесаны в аккуратную челку, из кармана рубашки выглядывают очки в прямоугольной оправе. Но что самое удивительное – Кевин Верлок ходил.

Опираясь на трость-треногу, на каждом шаге он тяжело переваливался, однако шел – иначе не скажешь. Передвижение требовало от него большой сосредоточенности. Фирма «Полная безопасность» размещалась в оштукатуренном здании в испанском стиле – Дюпри узнал бывший мексиканский ресторан. Верлок запер входную стеклянную дверь и лишь через несколько шагов заметил полицейскую машину на своей стоянке. Ничем не выразив удивления, он заковылял дальше, словно хромой на обе ноги. Дюпри вылез из машины и протянул ему руку Верлок остановился и, опершись на трость, ответил рукопожатием. Они были примерно одного роста, но Верлок слегка откидывал голову, и казалось, что он смотрит на собеседника сверху вниз.

– Чем могу служить, сержант? – спросил он.

– Пару месяцев назад мы с вами говорили по телефону насчет убитых проституток. Меня зовут Алан Дюпри.

– Да-да. Дюпри. – Верлок явно не помнил.

Алан рассмеялся:

– Я получил донос вашей чокнутой соседки и позвонил вам. Вспомнили?

– М-м, что-то припоминаю. Вы поймали того парня? О нем писали в газетах. Он из Калифорнии, верно? И кажется, наворотил дел.

– Ленни Райан, – сказал Дюпри. – Нет, не поймали. Где-то гуляет.

– Наверняка свалил обратно в Калифорнию. – Не дождавшись ответа, Верлок сощурился на патрульную форму Дюпри. – Я слышал, вам прислали двух спецов из ФБР. Поди, захватывающе – работать с ними бок о бок.

– Вообще-то я больше не занимаюсь этим делом. – Дюпри потрогал кант на форменных брюках. – Я... э-э... подал рапорт о досрочной отставке и заканчиваю службу патрульным. Потому-то к вам и приехал.

– Вот как?

– Я не вовремя? Похоже, вы торопитесь.

Верлок пожал плечами:

– Я? Ничуть. Просто хотел перекусить. Маленький обеденный перерыв. – И улыбнулся: – Чем могу помочь?

– Ну вот, я, значит, увольняюсь с приличной пенсией, но вы же знаете, каково это – оказаться не у дел. Наверняка понадобится приработок, и потом, от безделья я просто свихнусь. Говорят, вы берете отставников на работу?

– Да. Я нанимаю бывших копов. Они лучшие.

– Некоторые ребята идут в частные детективы, но, боюсь, это дерьмо не по мне.

– Да уж, вкалывать на парашников-адвока-тов. – Верлок покачал головой. – Разворот на сто восемьдесят. Я бы не смог.

– Во-во, – сказал Дюпри.

– Ну пошли, дам вам бланк заявления. – Помогая себе тростью, Верлок повернулся к конторе.

– Я вас ни от чего не отрываю, точно?

– Нет, у нас сейчас затишье.

– Можно переслать бланк по почте.

– Зачем, раз уж вы здесь.

Верлок на удивление резво пересек парковку. На плече Дюпри зашуршала рация, раздался голос Тига: «Дюпри, где вы?»

После звонка Каролине Алан хотел вернуться к дому Лэндерса, но помешали мысли о папке, маркированной «Расходы на охрану», и давнем разговоре с Кевином Верлоком. Дюпри понимал, что, наверное, тянет пустышку, однако Тигу придется побыть в одиночестве, а сам он в последний раз уступит назойливому внутреннему голосу Алан отключил рацию. Верлок посмотрел на него и усмехнулся.

Следом за ним Дюпри вошел в небольшую приемную: козетка, кресло и конторка, за которой виднелась еще одна дверь, такая узкая, что широкоплечий Верлок повернулся боком, дабы вписаться в дверной проем.

Дюпри прошел фронтом и очутился в кабинете, оборудованном как небольшой полицейский командный пункт: на стене карта города, под ней телефонный диспетчерский пульт. Карта утыкана флажками, обозначавшими, видимо, клиентуру. На письменном столе идеальный порядок: стакан с остро заточенными карандашами, стопка папок точно выровнена по краю стола.

– Значит, вы набираете охранников? – спросил Дюпри.

– Пытаюсь. – Верлок копался в шкафу. – Ради этого я и затеял дело. Но многие не желают связываться с охранниками, предпочитают компьютерные системы – видеонаблюдение, лазерные лучи, все такое.

– В полиции та же история. Слава богу, еще есть работа, которую мы делаем лучше компьютеров, да?

Верлок вяло улыбнулся и продолжил поиски.

– В любом случае, сейчас мертвый сезон, поэтому я ничего не обещаю. Летом много заказов на охрану концертов и всяких мероприятий, есть договор с парочкой школ. Еще работали с большим торговым центром, но в прошлом году его переманили конкуренты.

– Да, тяжело. Здорово, что вам повезло с лодочным центром. Хороший, надежный клиент. Кроме сторожей еще чем-нибудь обеспечиваете Лэндерса?

– Куда же она засунула бланки? – Верлок выпрямился. – Новая секретарша. Я люблю, чтобы все было на своих местах. – Он закатил глаза и взялся за трость: – Посмотрю в кабинете.

Верлок скрылся за дверью без таблички в конце диспетчерской. Дюпри взял со стола рабочий журнал. Пролистал. Подошел к двери кабинета. Сквозь проем он видел трость, но сам Верлок был не виден.

– Наверняка где-то здесь, – донесся его голос.

Дюпри расстегнул кобуру.

– А, вот, нашел. – Раскрасневшийся Верлок появился с листком. Тяжело опираясь на трость, он передал бланк Дюпри, потом забрал у него журнал и вернул на место, аккуратно подровняв с краем стола.

– Отлично. – Дюпри взглядом пробежал бланк. – Я тут недавно виделся с вашим отцом. Он вам не говорил?

Вот теперь Верлок чуть заметно вздрогнул:

– По-моему... нет.

– У «Бухты Лэндерс». Сколько там ваших охранников?

– Только отец. Как вышло... что вы встретились?

Дюпри потер плечо:

– Пару недель назад в борцовской схватке сошлись коп и два алкаша. Меня пырнули ножом.

– Надеюсь, не сильно? – Оглянувшись, Верлок сел в кресло и облегченно вздохнул.

– Пустяки. Пара швов. Однако после этого маленько меняешься. Обычно ублюдки метелят и обкрадывают друг друга, ты все видишь, но тебя не задевает. И совсем другое дело, когда они вдруг прут на тебя. Тогда становишься другим – жестким и не хочешь прощать... Наверное, вам-то

это объяснять не надо.

– Не надо, – просто сказал Верлок.

– Да, я помню, как вас подстрелили. Господи. История задела всех копов в штате. Здорово, что вы снова ходите.

Верлок смотрел бесстрастно.

– Вы буквально встали на ноги, – сказал Дюпри. – Наверное, нелегко было.

– Восемь лет физиотерапии, – тихо проговорил Верлок.

– Но вы и коляской пользуетесь? По телефону вы удачно пошутили насчет коляски.

– Пользуюсь. Когда устаю.

– Здорово. Вы просто молодец. Что говорят врачи?

Верлок поднялся из кресла:

– Пожалуй, все-таки надо перекусить.

– Да-да, конечно. – Дюпри посторонился.

Верлок кивнул на бланк:

– Заполните форму и в понедельник принесите. Посмотрим, к осени, может быть, найдется местечко в штате.

– Это было бы отлично.

Дюпри первым прошел к входной двери. В стекле он видел отражение Верлока, уставившегося ему в спину. Потом тот запер дверь и заковылял к темнокрасному пикапу в углу стоянки. Дюпри запомнил номер машины и кивнул Верлоку:

– Огромное спасибо. Очень хотелось бы работать у вас.

Верлок молча улыбнулся.

– Значит, в понедельник я приду.

– Хорошо, до понедельника, – ответил Верлок.

Сев на сиденье, он руками втащил ноги в машину, завел мотор и сдал назад. Загодя включил поворотник и медленно выехал с парковки.

В машине Дюпри достал мобильник и большим пальцем натякал номер.

– Тиг слушает.

– Привет, это Дюпри.

– Эй, какого черта? Чего-то вы совсем свихнулись. Я уж хотел доложить диспетчеру, что вы опять пропали.

– Извини.

– Сержант, тут какие-то заморочки.

– В чем дело?

– Соседка дала телефон Лэндерсов на Кёр-д'Ален. Я позвонил.

Ответил помощник шерифа – мистера Лэндерса увезли в медицинский центр Кутенай.

– Что стряслось?

– Точно не знаю. Жена возвращалась из магазина и видела, как от коттеджа отъехала красная машина. Кто-то отделал мистера Лэндерса – сломал ключицу и ногу, выбил пару зубов, устроил небольшое кровоупускание.

Дюпри оглянулся на контору «Полной безопасности»:

– Ты в доме?

– На крыльце.

– Иди в дом, в кабинет за гостиной, где все перевернуто.

Было слышно, как Тиг топает по половицам.

– Пришел.

– На тумбочке раскрытые папки...

– Вижу.

– Возьми ту, где написано «Расходы на охрану».

– Взял.

Дюпри включил скорость и снова взглянул на контору:

– Последняя квитанция с пометкой «разное». Какая там сумма?

– Сейчас. (Шелест бумаги.) Двести сорок.

Дюпри в уме разделил. Шесть. Может, еще кого-то не нашли.

– Оставайся на месте. Я еду. – Дюпри газанул и, перескочив через бордюр, вырулил на улицу ровно в тот момент, когда на парковку заехал красный «ниссан-центра».

Холодрыга.

– Келли, ты все одеяло забрал, – прошептала она и от звука его имени проснулась. Пошарила – рядом никого. Скоро он вернется с дежурства. Что бы такое ему приготовить? Картошка-то есть в доме? Темень. Нет, она не в Мозес-Лейке, а холод пробирает изнутри. Рэй-Линн села на кожаной кушетке и огляделась. Хорошо бы вернуться в сон, в котором Келли пришел домой. Черт его знает, где она и как сюда попала. Босая. Куда туфли-то подевались?

Рэй-Линн потянулась, зевнула и включила торшер. Вокруг все чужое, холодные липкие руки и головная боль – единственные знакомцы. Она потрогала желвак на руке: ах да, ширнулась. Под глазом набух фингал. Это Майкл двинул, а таксист добавил. Сквозь боль и синяки замаячили события дня. Бумажник. Тимми такой хороший. Зачем она это сделала? Кто-нибудь тебе нагадит, и ты в отместку гадишь кому-то другому. Как дети в школе.

Рэй-Линн повертела головой. Длинная узкая комната, гостиная или кабинет. За спиной книжный стеллаж, прямо – огромное венецианское окно, выходящее на реку. Вспомнила: добрый старик-охранник привез ее в дом на речном берегу. Дал ей чего-то выпить, и она, значит, уснула. Рэй-Линн взглядом поискала часы и на стеллаже увидела маленький походный будильник. Девять тридцать. Темно. Значит, вечер. Тот же или уже другой? Она еще обдолбанная. Так, вечер тот же. Значит, поспала немного. Это хорошо. А дедок где? Вернулся на работу?

Рэй-Линн встала с кушетки, скрипнувшей кожаной обивкой. Снова зевнула, глазами поискала туфли. Глянула на стеллаж – ряды книг в мягких черных переплетах с тиснеными названиями на корешках: «ОТЛОВ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ АМЕРИКАНСКИХ МАНЬЯКОВ», «КРОВОЖАДНЫЕ ГОЛОВОРЕЗЫ», «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЛОВУШКА: ЖИЗНЬ АГЕНТА ФБР». Книги стояли удивительно ровно, этакой черной стеной. Вспомнилось, как в гараже Келли вечно так и эдак перекладывал свои инструменты. Хозяин книг даже озаботился расположить их по алфавиту.

Что-то в них было неприятное; Рэй-Линн вновь огляделась в поисках туфель. Рядом со стеллажом – короткая лестница, устланная дорожкой. По ступенькам Рэй-Линн поднялась на площадку с маленькой балюстрадой. В проем между балясинами увидела старика: грызя ноготь, тот напряженно

вглядывался в окно. Вот по стеклу мазнул свет фар, и дед облегченно вздохнул. К дому подъехала машина, темнокрасный пикап, его было хорошо видно в окошко над дверью.

На мгновение Рэй-Линн окоченела, потом дрожащей рукой зажала рот. Из машины выбрался тот самый мужик, что пытался ее убить. Здоровенные руки, бычья шея – это он.

Рэй-Линн проскользнула обратно в комнату и возле стеллажа заметила телефон. Она схватила трубку и уже хотела набрать 911, но вспомнила о визитке, которая всегда была при ней, – видимо, на счастье. Рэй-Линн выхватила карточку из кармана, выронила, быстро подобрала. Каролина Мейбри. Особый отдел. Стала набирать номер мобильного. Открылась входная дверь.

– Что так долго? – спросил старик.

– Дела задержали, – сказал мужик. – Где она?

– Внизу. Спит.

В трубке раздался гудок, а на лестнице шаги. Рэй-Линн бросила трубку и кинулась к окну. Завозилась со шпингалетом, но наконец справилась и выпрыгнула на улицу.

– Стой! – крикнули сзади.

Рэй-Линн обернулась: старик повесил телефонную трубку, мужик скрылся в дверном проеме. Через задний двор она кинулась во тьму, к шумевшей реке.

Пережевывая маковый кекс, Спайви наблюдал за телеоператором, который вел панораму с серебрившихся железнодорожных путей на ярко освещенный берег и Блантона. Тот, сидя на корточках неподалеку от места, где нашли труп Ребекки Беннетт, якобы просеивал в пальцах землю. У него задрался пиджак и присползли брюки, выставляя на всеобщее обозрение резинку трусов. Мизансцена Макдэниэла, нарядившегося в ковбойку и галстук боло, выглядела удобнее: скрестив руки на груди, он щурился вдаль.

– Классный кадр, – пробормотал Спайви.

Каролина нервно расхаживала в сторонке, но теперь снова подбежала к нему и прошептала:

– Мы должны что-то делать. Срочно.

Ассистентка замахала рукой – тише вы! Каролина опять отошла и раздраженно пнула кочку.

Зазвонил ее мобильник, ассистентка ожгла ее взглядом. Она достала телефон, но абонент уже отключился.

– Мне одному кажется, будто я сижу на толчке? – спросил Блантон.

– Прошу вас, мистер Блантон! – сказала ассистентка. – Давайте снимем этот план, и вы свободны. Хорошо?

– Я только не понимаю, почему он стоит, а я должен выглядеть так, словно мне приспичило?

Камеру решили переставить на другую точку, и Каролина воспользовалась заминкой, чтобы снова дернуть Спайви:

– Я думаю, Ленин Райан в Спрингдейле.

Спайви смотрел, как устанавливают камеру:

– Давайте еще раз.

– Какой-то человек запросил документы по «Бухте Лэндерс».

– Этот Никелл. Который живет в Спрингдейле.

Надо отдать должное, Спайви мгновенно усваивал имена и даты. Вот только с выводами у него обстояло плохо.

– Верно, – сказала Каролина. – Но Никелл сидит в изоляторе в Такоме. А сегодня кто-то проник в дом Лэндерса.

– И все это как-то превращает Ленин Райана в водителя красного «ниссана»?

Каролина встала перед Спайви и посмотрела ему в глаза:

– Бородач с удостоверением Никелл а запрашивает документы по Лэндерсу; бородач в красной машине интересуется шлюхами; у Дэвида Никелла красный «ниссан», но Дэвид Никелл арестован. – Она всучила Спайви распечатки, которые привезла с собой. – Недавно красный «ниссан» подъезжал к моему дому.

Спайви глянул на листки и, вернув их Каролине, скособочил голову:

– Не помню, чтобы вы говорили о машине у вашего дома.

– Я себя убедила, что это не Райан. Но это был он. Я знаю.

Спайви надолго уставился в землю.

– Значит, кто-то проник в дом владельца лодочного центра?

– Да.

– А на трупе обнаружены волокна покрытия, которым простилают катера?

– На двух трупах, если считать Шелли Нордлинг. – Каролина посмотрела на часы. – Я знаю, все это запутано...

– Все это безумие и больше ничего. – Спайви задумчиво наморщил лоб. – Вот что. Езжайте в управление и возьмите ордер на обыск в Спрингдейле. Через десять минут я заберу наших телезвезд, и тогда решим, что мы имеем.

– Вы кого-нибудь пошлете снять отпечатки в доме Лэндерса?

У Спайви зазвонил мобильник. Он глянул на номер, отключил телефон и пробурчал:

– Господи. Угомонись, Дюпри.

– Так что с отпечатками?

– Сразу как закончим здесь.

Каролина всплеснула руками и пошла прочь. Обогнув телевизионщиков, она помахала Блантону.

Тот приблизился, смущенно скребя загримированное лицо:

– Как я выгляжу?

– Я знаю, где Райан, – сказала Каролина.

– Где?

– В Спрингдейле. Это на севере, в часе езды отсюда. Поедете со мной?

– Да. Только сначала здесь закончу.

– Я еду сейчас.

– Это недолго. – Блантон оглянулся на Макдэниэла, который с ассистенткой обсуждал следующий кадр. – Не хочу оставлять его одного. Мне надо знать, чего он им наговорит.

Терпение Каролины иссякло. Она развернулась и пошла к своей

машине.

– Мисс Мейбри! – Блантон ее догнал.

– Какая разница, что он им наговорит! Ну расскажет, что вас турнули из ФБР. Эка важность!

Блантон напрягся:

– Что он вам сказал?

– Ничего.

– Нет, говорите.

Каролина зашагала дальше.

– Мисс Мейбри. – Блантон трусил рядом. – Если он набрехал, что я брал трофеи, то это вовсе не так, и я бы хотел...

Каролина остановилась:

– Какие еще трофеи?

– Ну, всякие мелочи... с места преступления, на память. Все было не так. Меня оправдали. Ну да, кое-что я брал. Стреляные гильзы. Требования выкупа. Наручники. – Блантон посмотрел в небо. – Зубы.

Каролина отшатнулась. Он это заметил:

– Будет вам. Я брал для исследования. Следы укусов и все такое. Я работал над первой книгой. Я вовсе не... – Блантон оглянулся на Макдэниэла и зло процедил: – Эта сволочь завидовала, что я пишу книгу, и пустила слух, будто я коллекционирую зубы!

Каролина вскинула руки – все, хватит! – и пошла к машине. Блантон остался на месте. По насыпи она поднялась к дороге и лишь тогда оглянулась. Блантон так и стоял, глядя ей вслед.

За его спиной горели прожектора, маленькими лунами отражавшиеся в темной реке, подернутой рябью. Точно дурнота, накатила одинокость. Каролина посмотрела вверх по течению, где в полумиле был водопад, потом перевела взгляд на поле в сорняках, где нашли первые трупы, а сейчас стоял Блантон.

В бесконечном споре о сознательном и подсознательном главный интерес Блантона и Макдэниэла – их собственные персоны и собственная перекошенная психика. Каролина села в машину и, отдышавшись, постаралась представить, кем надо быть, чтобы хранить у себя зубы мертвой женщины. Она одна, всегда одна. Аналитики расследуют свое преступление, а она – совсем другое.

Чувствуя себя бесконечно одинокой, Каролина достала телефон, собираясь позвонить Дюпри, и вспомнила осекшийся вызов. Может, это он и звонил? Проверила неприятые вызовы. Нет, не Дюпри, кто-то незнакомый. Код 328. Северный район.

Каролина запустила мотор и поехала вдоль речного берега. Дюпри сказал, что собирается перекусить. Каролина набрала неизвестный номер. Через два гудка включился автоответчик: «Говорит Кевин. Сейчас я не могу подойти к телефону. Оставьте сообщение, и я вам перезвоню».

Что за Кевин? Каролина дала отбой, не оставив сообщения. Дорога взбиралась на холм. Кевин. Каролина позвонила в управление и попросила выяснить, чей это номер. Через минуту оператор ответила:

– Телефон зарегистрирован на Кевина Верлока.

Имя ничего не говорило.

– Какой адрес?

– Фоллс-авеню. На северном берегу. Такая круча, там всего пара домов.

Каролина посмотрела на темный северный берег:

– Далеко от моста Мейпл-стрит?

– Туда ведет проселок. В общем, не так чтоб очень далеко.

– Спасибо.

За мостом стояла непроглядная тьма, а на этом берегу вдали горели прожектора съемочной группы. Звонок с северного берега. Теоретически оттуда видно все, что происходит на южном.

Каролина переехала через мост и свернула к Фоллс-авеню.

Задний двор Кевина Верлока оканчивался небольшим уступом, за которым был глубокий, ярдов в шестьдесят, обрыв к реке. На берегу, изрезанном овражками и заросшем сорняками, Рэй-Линн Пирс скорчилась в ложбинке, ожидая смерти. В бок впились колючки, ломило затекшие ноги. За спиной журчала вода, словно кто-то наполнял ванну. Рэй-Линн понимала, что река – ее единственный шанс. Уж лучше утонуть, чем снова оказаться в лапах мужика из красного пикапа.

Луч фонарика рыскал по кустарнику. Рэй-Линн зажала рукой рот. Мужик кряхтел, спускаясь по берегу.

– Я знаю, что ты там. – Голос его был странно спокоен, словно все в порядке вещей. – Помнишь меня?

Мужик хотел, чтобы Рэй-Линн завопила и рванула куда глаза глядят. Но она приказала себе замереть. Луч ушел к воде, а потом снова вернулся к кустарнику.

– Девонька, – послышался голос старика. Рэй-Линн казалось, что старик и мужик стоят прямо над ней. По щекам ее катились слезы. – Выходи. Он тебе ничего не сделает.

Мужик рассмеялся:

– Номер не пройдет, пап. Она знает, что к чему. – И крикнул: – Ты ведь знаешь, правда?

– Может, отпустим ее, Кевин? – тихо проговорил старик.

– Иди-ка в дом, пап. Я скоро.

У Рэй-Линн уже сводило ноги. Она изготовилась броситься к реке, но луч вновь прочесал кустарник.

– Следы моих пальцев на горле-то остались, а? Еще чувствуешь мою хватку? – Мужик дышал тяжело. – Кстати, ты не отработала свои деньги. За тобой должок.

Зашумело, как будто мужик упал. Клацнув о камень, фонарик утавил луч в небо.

– Кевин! – вскрикнул старик.

Рэй-Линн хотела вскочить, но словно приросла к земле. Она открыла глаза и прямо перед собой увидела ноги. Мужик только притворился, будто упал. Он поднял фонарик. В другой руке он держал пистолет.

– Все в порядке, пап, – сказал мужик. – Привет, Рэй-Линн. Тебя ведь так зовут, да? Как думаешь, откуда я знаю твое имя? Твоя подружка

сказала. Риса. Помнишь Рису? Я ее подцепил, когда ты слиняла. Хочешь узнать, что я с ней сделал? Я тебе покажу.

Рэй-Линн закусила губу, чтобы не расплакаться в голос. Потом зажмурилась и представила, как вместе с Рисой и Шелли взберется на искусственную гору. Они разопьют бутылку вина, и в кои-то веки мир будет под ногами у них, а не наоборот.

– Кевин! – В голосе старика слышалась тревога. – Кажется, к нам гости.

– Черт. Жди здесь, Рэй-Линн. Сейчас вернусь.

Пыхтя, мужик стал взбираться по обрыву. Рэй-Линн села и обхватила руками колени. Посмотрела вверх – в одной руке Кевин держал фонарик, другую завел за спину и засунул пистолет под брючный ремень.

С заднего двора, до которого было ярдов сорок, донесся женский голос. Рэй-Линн вспомнила о звонке полицейской тетке. Она там одна, что ли?

– Здравствуйте, – сказала женщина. – Вы что-то потеряли?

– Да, – ответил Кевин, выбираясь к краю обрыва. – Собака моя убежала. Отец... прошляпил.

– Да, я недоглядел, – сказал старик.

Все говорили излишне громко – возможно, из-за шума воды, но со стороны казалось, будто троица посредственных актеров что-то изображает на сцене. Рэй-Линн огляделась. Сквозь сорняки и кустарник вились две-три тропинки. Дом не виден, лишь край обрыва освещен его огнями, точно отсветами пожара. Рэй-Линн выглянула из кустов: вон силуэт полицейской тетки, по тропе к ней ковыляет мужик, опираясь на трость, наверху растерянно топчется старик.

Женщина показала значок, подсветив его фонариком:

– Я офицер полиции. Заметила мельканье фонаря и решила проверить, в чем дело.

– Понятно, – сказал Кевин.

– И как ее зовут? – спросила женщина.

Кевин и старик промолчали.

– Собаку.

– А, пса. Косяк. Косяк его зовут.

Старик подошел к краю обрыва, протянул руку – помочь сыну выбраться наверх, однако тот вскарабкался сам. Уступ был почти вровень с его головой, но Кевин сначала забросил трость, а затем влез, подтянувшись на руках. Теперь он и женщина стояли лицом друг к другу, их разделяло футов двадцать.

– Вас еще что-нибудь интересует? – спросил Кевин.
– Возможно. Из вашего дома кто-то позвонил на мой сотовый.
– Да ну? – Голос Кевина дрогнул. Хорошо бы тетка это уловила, подумала Рэй-Линн, подбираясь ближе. – И кто же это?

– Не знаю. Я не успела ответить.

Кевин почесал голову и кивнул:

– Кажется, я знаю, в чем заковыка. У вас какой номер?

Тетка назвала цифры. И вроде бы не те, что набирала Рэй-Линн.

Кевин рассмеялся:

– Надо же! Это номер моей подруги, только две последние цифры другие.

Подобравшись еще ближе, Рэй-Линн спряталась за дерево и теперь на фоне освещенного дома хорошо видела два темных силуэта.

– Все понятно, – сказал Кевин. – Я позвонил ей и сбросил вызов. Видно, ошибся номером.

– Интересно. А почему сбросили вызов?

Кевин опять засмеялся, уже менее натурально.

– Да понимаете... вообще-то Косяк ее пес. Я хотел сказать, что он потерялся, но передумал. Побоялся.

– Ну да, она бы взбеленилась.

– И она таки психанула.

– Вот как? Значит, вы ей все же позвонили?

– Кому? Сьюзан?

– Сьюзан, – эхом откликнулся старик.

– Сьюзан, – повторила тетка.

– Так вышло, что она мне позвонила и я все рассказал. Она психанула.

– Еще бы. Вы же потеряли Косяка.

– Ну да. Отец оплошал.

Оба деланно рассмеялись.

– Что-то в этом роде я и предполагала, – сказала тетка.

Она направила фонарик на Кевина, и тот сощурился. У него за ремнем Рэй-Линн разглядела пистолет, который не видела тетка.

Потом дамочка направила луч на старика.

– Так вы же охранник, – сказала она, будто что-то вспомнив.

– Да.

– Где служите?

Старик глянул на сына, потом ответил:

– Фирма «Полная безопасность», мэм.

– Это моя компания, – сказал мужик.

- Вы работаете в лодочном центре?
- Да, он работает в лодочном центре, – вместо отца ответил Кевин.
- Понятно. Ну, удачи вам с собакой.

Хозяева промолчали, полицейская дамочка направилась к своей машине. Кевин оглянулся на обрыв. В двадцати ярдах от него Рэй-Линн схватилась за голову, пытаясь позвать на помощь. Но не смогла даже пискнуть. Тетка уходила.

Сомнения мелькали, едва успевая толком оформиться. Темно. Далеко. Рука потная, пистолет может выскользнуть. Каролина не сводила взгляда с торца дома. Еще шагов десять – и тень укроет ее от Верлока и старика. Если добраться до машины, по рации или мобильнику можно вызвать подмогу, а затем вернуться. Нет, нельзя упускать его из виду. Каролина отерла правую ладонь о штанину. Еще девять шагов. Так что, сначала позвонить в 911? Или Дюпри? Спайви? Блантону? Осталось восемь шагов. Блин. Замерло время или взбесились мысли? Каролина старалась держаться небрежно. До торца еще будто целая миля. Семь шагов.

Что же она, идиотка, не доложила диспетчеру, прежде чем сунуться к дому? Хоть бы телефон с собой взяла. Но слишком поздно она вспомнила, что когда-то дала свою визитку Жаклин. Потом увидела охранника, и истина ожгла ее, точно пощечина. Шесть шагов. Надо было сразу вернуться к машине.

Каролина спиной чувствовала взгляд человека с тростью. Он вооружен? Пять шагов. Каролина повернула голову и краем глаза увидела, как Верлок вскидывает руку. Обварило страхом. Крикнула женщина. Каролина сперва подумала, что заорала сама.

– Помогите!

Слабый зов, донесшийся из-под обрыва, на секунду отвлек Верлока. Каролина выронила фонарик, кинулась наземь и перекатилась в тень дома. Затем тотчас вскочила и, припав на колено, развернулась. Раздался хлопок, фонарик подскочил и, описав дугу, брякнулся на щебенку. Каролина не вдруг поняла, что это было. В нее еще никогда не стреляли. Верлок повел стволом справа налево, щурясь на яркое венецианское окно. Видимо, не был уверен, что попал.

– Не уходите! – послышался женский голос.

Верлок направил пистолет к обрыву и прошипел:

– Заткнись!

– Оружие на землю! – крикнула Каролина. Привалилась плечом к стене и обеими руками сжала пистолет, прицелившись точно в середину широкой груди Кевина Верлока. Он выстрелил первым. Теперь она имеет полное право его завалить. – На землю, сказано!

– Все кончено, Кевин. – Старик шагнул к сыну. – Опустит пистолет.

Верлок повернулся к дому. Он старался по голосу определить, где

Каролина. Взгляд его обшарил темную стену и остановился на углу. Сам того не ведая, Верлок смотрел прямо на Каролину.

– Оружие на землю! – повторила она. Голос ее был тверд. Я смогу, сказала она себе. Я это уже делала. Каролина зажмурила левый глаз.

Рука, в которой Верлок держал пистолет, чуть дрогнула, словно мышцы уже получили приказ мозга. Каролина глубоко вдохнула, резко выдохнула, изготовилась. Мушка замерла на груди Верлока. Все мысли прочь. Каролина словно предугадывала любое движение цели. *Ты сможешь.* Вот он чуть подался вперед, рука его напряглась...

– Помогите! – снова крикнула девушка.

– Заткнись, сука! – через плечо процедил Верлок.

– На помощь!

Кевин развернулся к реке:

– Молчи! Тварь!

Каролина уже чуть придавила собачку, но заметила, что Верлок поставил трость-треногу слишком близко к краю оврага. Земля под тростью обвалилась, Кевин беспомощно глянул на отца. Калека, он не успел предотвратить падение. Выронив пистолет и фонарик, Верлок раскинул руки, будто пытался взлететь. На лице его застыло изумление. Мотнув головой, он, точно ныряльщик, ухнул вниз. Послышался хруст, словно переломили ветку, глухой удар и вопль. Плаксивый ребячий вопль:

– Па-а-а-ап!

Каролина бросилась к обрыву, на бегу приказав охраннику:

– Лечь!

Но старик кинулся следом:

– Кевин! Кевин!

Верлок лежал ничком. Одна нога его была неестественно вывернута, штанина казалась пустой. Он плакал:

– Папа! Почему ты не выручил?

По круче старик съехал к нему:

– Кевин...

Каролина подобрала фонарик и осветила вниз. Теперь стало ясно, что произошло: падая, Верлок угодил ногой в развилку двух стволов. Сломанная голень прорвала кожу и штанину.

– Сможете его втащить? – спросила Каролина.

Старик кивнул. Он подхватил сына под мышки. Кевин заскулил. Старик протащил его по земле, перевалил через край обрыва и выбрался сам.

– Дальше от края, – сказала Каролина.

Обессилевший старик оттащил сына на несколько футов и рухнул на колени.

– Простите, – проговорил он. Потом посмотрел на берег и повторил: – Пожалуйста, простите.

Каролина шагнула к ним:

– Лечь лицом вниз, руки в стороны.

И тот и другой подчинились.

Каролина подошла к краю обрыва и посветила вниз:

– Как ты там?

– Ничего, – пискнул голос.

– Ты Жаклин? В смысле, Рэй-Линн?

Пауза.

– Да.

– Ты молодец. Ну, вылезай.

– Сначала грохните этого.

– Нельзя. Давай выбирайся. Я помогу.

Заплаканная Рэй-Линн вышла из-за раскидистого дерева. Сейчас она казалась совсем маленькой. Рваные джинсы, желтая майка с солнышком. Босая. По крутой тропке Рэй-Линн медленно поднялась к уступу в кайме высокой травы. Ухватившись за край, безуспешно попыталась подтянуться. Каролина глянула на пленников – те, раскинув руки, лежали ничком. Она бросила фонарик, переложила пистолет в левую руку и, опустившись на колени, правую подала Рэй-Линн. В шестидесяти ярдах внизу шумела река. Как будто еще немного – и Каролина перенесется во времени. Через мост на Монро-стрит они вдвоем с отцом пойдут за рогаликами.

Кевин Верлок уже не скулил.

– Вызовите Кёртиса Блантона, – с ледяным спокойствием сказал он. – Я буду говорить только с ним.

От его голоса Рэй-Линн замерла, уставившись на руку Каролины. Девушка совершенно обессилела. Но потом все-таки ухватилась, и Каролина втащила ее наверх, как ребенка. Рэй-Линн разревелась и рванулась к Верлоку. Каролина легко ее удержала. Весу в ней и девяноста фунтов не наберется.

– Успокойся, – сказала Каролина.

Рэй-Линн кивнула и отерла глаза:

– Я потеряла туфли.

Каролина скинула свои кроссовки:

– Держи.

– Спасибо. – Рэй-Линн обулась. – Велики.

– Окажи мне услугу, – сказала Каролина. – Сможешь?

Девушка снова кивнула.

– Я не хочу оставлять этих без присмотра. Вот что надо сделать. На подъездной дороге моя машина. Карман переднего пассажирского сиденья. Пока все понятно?

Рэй-Линн опять кивнула.

– В кармане наручники. – Каролина глянула на Верлока и старика. – Одни металлические и еще связка пластиковых – такие, вроде зажимов для мусорных мешков. Принеси их сюда. Справишься?

– Да.

Поглядывая на распростертых пленников, Каролина прислушивалась к своему прерывистому дыханию. Посмотрела на реку. На другом берегу ниже по течению виднелись отсветы прожекторов. Значит, телевизионщики все еще снимают. Они что, даже выстрела не слышали? С наручниками прибежала Рэй-Линн.

Каролина бросила старику металлическую пару:

– Наденьте на него.

Пол Верлок встал на колени и взял сына за руку.

– Прости меня, Кевин, – сказал он, защелкнув наручники. Потом лег на живот и, отвернувшись от сына, завел руки за спину.

Держа младшего Верлока на мушке, Каролина коленом придавила его к земле и ту же затянула металлические браслеты. Кевин сморщился и заерзал:

– Где Кёртис Блантон? Я знаю, что он в городе. Он едет? Ему сообщили обо мне?

Сейчас он казался рыхлым и беспомощным. Каролину чуть не стошнило, когда увидела торчащую сломанную кость.

Старику она надела пластиковые наручники.

– Во всем виноват я, – сказал Пол Верлок.

Каролина села на землю, чувствуя, как бухает сердце. Пистолет засунула в наплечную кобуру. Помолчала, слушая шум воды.

– Ладно, Рэй-Линн, – сказала Каролина. – Надо позвонить в 911. Ты поняла?

Но девушка попятилась, не спуская глаз с дома. Каролина проследила за ее взглядом. От стены отделился силуэт рослого широкоплечего мужчины. Еще прежде чем он вышел на свет, она поняла, что это Ленин Райан.

Каролина потянулась за пистолетом, но рука зацепилась за ляжку кобуры, и она невольно отвела взгляд от приближавшейся фигуры. В ту же

секунду Райан прыгнул на нее, ударил в лицо и отбросил в сторону.

Оглушенная, Каролина села. В кобуре пистолета не было, и бог знает, куда он подевался. Теперь Ленин Райан был хорошо виден: похудевший, без бороды, в хаки и черной футболке. Отрастающий ежик высветлен перекисью. Сжав кулаки, он стоял над Кевином Верлоком.

– Рэй-Линн, беги! – крикнула Каролина.

Потеряв кроссовки, девушка рванула к дому. Райан проводил ее взглядом и вновь посмотрел на лежавших мужчин.

– Кто Кевин Верлок? – спросил он.

– Лечь на землю! – Каролина с трудом поднялась. Кружилась голова, во рту вкус крови. – Вы арестованы!

– Тебя это не касается. – Райан даже не взглянул на нее.

Каролина пошарила в траве. Пистолета не было. Рука наткнулась на фонарик старика.

– Я полицейский! Вы арестованы!

Райан наступил Кевину на сломанную ногу. Тот завопил. Казалось, сейчас он вырубится. Райан отошел в сторону и посмотрел на старика.

– Я задал вопрос, – сказал он. – Кто из вас убил мою девушку?

Каролина сделала шаг-другой и со всей силы, аж хрустнуло плечо, ударила его фонариком. Из треснувшего корпуса вылетели батарейки. Ленин покачнулся, но устоял. Он явно изумился, что его атакуют. Пала тишина, которую нарушали только стоны Верлока и журчанье реки. Образовался равносторонний треугольник: Кевин на земле, сопящие Каролина и Ленин. Интересно, знает ли Райан о теории, согласно которой жизнь ходит кругами до тех пор, пока не проживем ее правильно.

– Я не хочу, чтобы ты пострадала, – наконец сказал Райан.

– Вот и хорошо, – ответила Каролина. Голос будто чужой.

Ленин поморщился, словно только теперь почувствовал боль от удара. Потрогал голову и посмотрел на руку. В оконном свете блестела кровь. Райан шагнул к Каролине. Та попятилась и швырнула в него фонариком. Легкая железная оболочка со свистом прорезала воздух. Райан на лету ее поймал и отбросил. И толкнул Каролину отчего та снова грохнулась навзничь, приземлившись рядом со стариком.

Тем временем младший Верлок изловчился перевернуться на спину и, опираясь на скованные руки, чуть-чуть отполз. Райан шагнул к нему, но Каролина вскочила и с разбегу плечом саданула Ленин в поясницу. Оба кубарем полетели с обрыва. Почти в обнимку они прокувыркались с десяток ярдов, потом Райан сумел ухватиться за траву, а Каролина вцепилась ему в ногу. Ленин наотмашь ударил ее раз, другой, и она

отвалилась в сторону. В голове гудел набат, кровавая пелена застила глаза, но Каролина разглядела, как Райан перевалился через край обрыва. Она глубоко вздохнула и стала карабкаться следом.

Поразительно, как со сломанной ногой Верлок сумел отползти фута на два. Каролина подивилась мощи его рук, а потом вспомнила несчастных женщин, которым эти руки ломали шеи. Увидев Ленин Райана, Верлок всхлипнул и забормотал. Каролина подобрала пустой фонарик и, сделав два неверных шага, ударила этой железякой Райана в плечо. Ленин обернулся, удивленный тем, что она все еще пытается сражаться. Потом взгляд его стал пустым и холодным, как тогда на мосту. Ленин выхватил у нее черную железную трубку и вскинул руку, но вдруг замер. И без удара Каролину пронзило болью, колени ее подломились, и она повалилась на землю. Ее вырвало. В ушах пело что-то похожее на далекий вой полицейских сирен. Каролина отползла в высокую траву на краю обрыва.

Ленин тоже слышал сирены. Посмотрел на скулившего Верлока, потом перевел взгляд на Каролину. Похоже, он столкнулся с чем-то непостижимым, вдобавок преподнесенным на чужом языке. Он приехал в Спокан ради мести? Или просто хотел понять, почему лишился своего счастья – единственного человека, которого любил? Если так, он дошел до конца пути, получив лишь никчемные примеры и печальные итоги: собаку на привязи и теленка в овраге. Вдали выли сирены. Прежде чем рассчитаться с Кевином Верлоком, хотелось с кем-нибудь поговорить, объясниться. Опустив бесполезный фонарик, Ленин повернулся к Каролине, но смог сказать только одно:

– Я устал.

– Я тоже. – Каролина подняла окровавленное лицо и, попытавшись сесть в высокой траве, прохрипела: – Вы имеете право хранить молчание...

Райан невольно усмехнулся. Даже сейчас, вся в кровавых потеках, синяках и ссадинах, она пытается его арестовать. Он еще не встречал такой сильной женщины. Был ли кто в его жизни похожий на нее? Одно время казалось, она смахивает на Шелли. Но это не так. Они разные. Волосы похожи, и только. Он так часто о ней думал, так часто вспоминал мост, проулок и тот вечер, когда она вышла из дома и увидела его в машине. Издали получалось вообразить, что она похожа на Шелли. Но сейчас, вблизи, он видел, что она совсем другая. Шелли больше нет.

Каролине удалось сесть. Разбросав ноги, она оперлась на левую руку. И тут правая рука что-то нашарила в высокой траве. Пистолет. Каролина притянула его себе на колени и направила ствол на Райана. До нее футов двадцать, подумал тот. Если броситься на нее, что она сделает? Выстрелит

на сей раз? Похоже, да.

Надо было остаться с Анжелой. До конца дней сидеть на крылечке. Там хорошо. К вечеру жара спадает, тихо журчит ручей, сверкают всполохи молний.

Присев на корточки, Ленни поежился и улыбнулся. Вдруг стало легко, что все наконец завершилось.

– А чего ты босая-то? – спросил он.

От дома ударил луч фонаря. Пересек двор, уперся в Райана. Ленни вскочил и обернулся. Каролина понимала, как все выглядит со стороны: они на краю обрыва, их разделяет всего несколько футов. Райан над ней навис, в руке у него темный предмет. Вдруг возникло ощущение свободного падения. События бешено ускорялись, громоздясь друг на друга.

Из тени на углу дома прилетел мужской голос. Голос Дюпри:

– Брось оружие!

На миг растерявшись, Каролина машинально посмотрела на свой пистолет. Потом подняла взгляд на пустой фонарик в руке Райана. Ясно, чем эта штука выглядит. Ленни тоже посмотрел на фонарик. «Все в порядке, Алан!» – уже почти крикнула Каролина. На секунду она и Райан сцепились взглядами, а потом в воздухе треснуло, раз, другой и третий, словно кто-то рубил дерево, и Ленни рухнул к ее ногам.

От дома донесся истошный вопль Дюпри:

– Каролина!

– Что ты наделал, – прошептала она, подползла к Ленни и взяла за руку.

Веки его дрогнули, он тихонько икнул, словно грудничок. Потом глаза его открылись, и он как будто разглядел Каролину. Но почти сразу веки сомкнулись вновь, а в горле забулькало и захрипело.

Дюпри хотел оттащить Каролину, но она свернулась калачиком, собою накрыв руку Ленни. Вокруг выли сирены, хлопали дверцы машин, орали рации. В этом шуме Каролина пыталась расслышать журчанье реки и шептала:

– Ш-ш-ш, ш-ш-ш, ш-ш-ш...

Уходя во тьму, в себя, Райан ее услышал. Уже не было воспоминаний и боли, но он еще чувствовал пожатие ее руки – крохотное почти счастливое мгновение на пути в небытие.

Райан умер, а Каролина все держала его за руку. Шесть лет назад ей было страшно прикоснуться к мертвому Гленну Риттеру. Той ночью она боялась шевельнуться, словно пресловутая «смертельная зона» могла

сохранить все, во что она верила, уберечь ее и оправдать. Бесконечный тоннель, пропасть, которая, разделяя, оберегает нас и ссужает верой: есть такое, на что мы не способны.

Но сейчас она вдруг поняла, сколь ничтожны эти двадцать четыре фута, насколько все близко. Конечно, убийство ломбардщика и дебошира – разные вещи. Выходит, преступления Ленни Райана и Кевина Верлока тоже различались. Но это означало, что в конечном счете нас разделяет не расстояние, а степень содеянного. За этой истиной скрывалась другая: в жизненной круговерти никто не знает, на что способен.

– Каролина... я... он тебя...

Испуг и растерянность в глазах Дюпри вернули ее в мир живых.

– Все хорошо, Алан, – сказала Каролина и выпустила руку Ленни Райана, в которой теперь был зажат ее пистолет.

Полицейское упр. Спокана
Группа по серийным убийствам
Расшифровка допроса

Пол Верлок
Пленка № 3

Дата: 15 августа, 10.00

СПАЙВИ. Еще кофе?

ПОЛ ВЕРЛОК. Да. Можно сливки? Спасибо.

СПАЙВИ. Так, поставили новую пленку... Все готовы? Хорошо, начинайте.

ПОЛ ВЕРЛОК. Ну вот, значит, поначалу я просто гонял девонек с катеров. Повадились, знаете, особенно в холода. Кевин бесился, что никак их не отвадить. Боялся потерять контракт с Лэндерсом. А раньше я, бывало, водил ему девонек. Сам понимаю, что скверно, но после ранения у него случалась... эта, как ее... дисфук... Ну, когда никак не можешь...

МАКДЭНИЭЛ. Достичь оргазма?

ПОЛ ВЕРЛОК. Во-во. Где-то в феврале он вернулся с собрания и сказал, что объявлена премия.

МАКДЭНИЭЛ. За выдворение проституток?

ПОЛ ВЕРЛОК. Ну да. В следующий раз, говорит, как кого застукаешь за этим делом, сразу звони мне. Ну вот, как-то я шугнул клиента с девоньки и позвонил Кевину. Он приехал и увез ее покататься.

МАКДЭНИЭЛ. Это была Шелли Нордлинг.

ПОЛ ВЕРЛОК. Наверное. В другой раз одна девонька уснула в катере. Кевин и ее увез. Но через полчаса вернулся и сказал, что нужна моя помощь. Подвел меня к пикапу, а там... Кевин сказал, она набросилась на него и он ее придушил. Я знал, что он врет. Понимаете, у него нелады...

СПАЙВИ. Да, вы уже сказали.

ПОЛ ВЕРЛОК. Конечно, это не оправдание, но он... заводился. Мы отвезли труп домой, и Кевин стал показывать эти книжки. Мол, если все сделать как надо, подумают на другого. Как в этих книжках.

МАКДЭНИЭЛ. Кёртиса Блантона.

ПОЛ ВЕРЛОК. У него всякие книжки были. Копы, говорит, будут гадать, а мы, говорит, все так обставим, будто действует серийный убийца. Мол, девоньки струхнут и уберутся. Так и вышло. Мы нарочно чудили – пули вот в голову, в таком роде.

В книжках это называли... как же его... ну когда всего перебор?

МАКДЭНИЭЛ. Избыточность.

ПОЛ ВЕРЛОК. Во, точно. Мол, копы решат, это дело рук психа, который ненавидит баб. Для того Кевин и ногти срывал, и в позы укладывал. Лучше его спросите, я в это не вникал.

МАКДЭНИЭЛ. Как вы доставляли трупы к реке?

ПОЛ ВЕРЛОК. У нас были пластиковые салазки, на траве и земле след не остается. Тело укладывали в промоину, забрасывали ветками. После второго раза Кевин обещал прекратить. Я думал, на этом все. Но он в бинокль видел, как вы нашли первый труп. И разошелся – давай, говорит, туда же подбросим еще один. Вот так оно и вышло...

СПАЙВИ. Вы не пытались его остановить?

ПОЛ ВЕРЛОК. Девоньки-то ходить перестали, и деньги те, премию, мы получили... Видать, я понадеялся, что теперь он уgomонится. А может, я понимал, в какую беду угодил. Жена умерла, у меня никого не осталось, кроме Кевина. Когда его подстрелили, он столько всего натерпелся. Вы небось думаете, что яблочко от яблони недалеко падает?

МАКДЭНИЭЛ. То есть что, все это было... ради нескольких тысяч баксов?

ПОЛ ВЕРЛОК. Поначалу я так думал. Но если честно... По-моему, он со временем вроде как во вкус вошел.

Полицейское упр. Спокана
Группа по серийным убийствам
Расшифровка допроса

Джон Лэндерс
Пленка № 2

Дата: 16 августа, 9.00

ЛЕЙРД. Мы ходим по кругу Никто не утверждает, что вы приказывали Верлоку убивать. Нас интересует лишь общий контекст ваших с ним переговоров.

ДАРРЕН МУР. Повторяю, мой клиент считает, что сейчас не время и

не в его интересах обсуждать природу его бесед с мистером Верлоком, и категорически заявляет, что не имел понятия о преступлениях, якобы совершенных последним.

ЛЕЙРД. То есть вам не показалось странным, что одновременно с вашими выплатами начались убийства проституток?

ДАРРЕН МУР. Послушайте, мой клиент пережил серьезное потрясение. Он согласился сотрудничать с вами, но я не позволю навешивать ему обвинения в какой-то охоте на ведьм!

МАКДЭНИЭЛ. Хорошо, давайте вернемся назад. Не помните, какой была реакция Верлока, когда вы впервые заговорили о премии?

ДАРРЕН МУР. Мой клиент не будет вам отвечать. Я не позволю ему проронить ни единого слова, которое может быть неверно истолковано и использовано для сфальсифицированного обвинения против него. Я требую письменного подтверждения окружного прокурора о безоговорочном освобождении моего клиента от всяких обвинений по данному делу

СПАЙВИ. Пожалуйста, ваш кофе.

Полицейское упр. Спокана
Группа по серийным убийствам
Расшифровка допроса

Кевин Верлок
Пленка № 13

Дата: 17 августа, 19.00

КЕВИН ВЕРЛОК. Да, сорванные ногти – это, пожалуй, явный примитив. Я сознавал, что такая деталь наведет на полицейского, но ничего другого не придумал. А вот трупы в разных местах и вроде как изменение почерка – это я взял из книги мистера Блантона о тexasском деле. И еще о Тихоокеанском мокрушнике. Пожалуй, он-то и послужил образцом. Что касается подготовки трупов... Кое в чем пригодился опыт полицейской службы, а вот сорванные ногти – это, пожалуй, от Тихоокеанского мокрушника. Мистер Блантон появится? Очень хотелось бы кое-что прояснить.

СПАЙВИ. Нет. Мистер Блантон отказался... дальше с нами работать.

КЕВИН ВЕРЛОК. Очень жаль. Но вы покажете ему распечатку допроса? Я думаю, сорок баксов его заинтересуют. Это моя придумка, мой почерк. Раньше-то вы о таком не слышали, правда? Я вот ничего подобного

не встречал – по-моему, это моя личная находка.

МАКДЭНИЭЛ. Да, я впервые с этим сталкиваюсь. Нас интересует, почему вы хранили копии счетов. Почему выставляли их Лэндерсу?

КЕВИН ВЕРЛОК. Я всегда аккуратно веду бухгалтерию. И потом, я не вор, я платил этим женщинам. Я понимал, что, возможно, однажды это пригодится.

МАКДЭНИЭЛ. Каким образом?

КЕВИН ВЕРЛОК. А вот поразмыслите: если убийством заметаешь следы другого преступления – скажем, грабежа, – выходит убийство с отягчающими. Статья на вышку. Но если убийца оставляет деньги на жертве...

МАКДЭНИЭЛ. Черт возьми...

КЕВИН ВЕРЛОК. Нет грабежа. Нет отягчающего обстоятельства. Нет смертного приговора. Просто убийство. Я знал, что вы будете искать психологическую подоплеку. Потому и сунул деньги жертве в рот. Теперь понятно?

СПАЙВИ. Джефф, вам нехорошо?

КЕВИН ВЕРЛОК. Скажите, а что мистер Блантон говорил о прозвище? По-моему, Споканский Сплавщик – не очень. Можно было придумать получше – все-таки сорванные ногти, деньги, подброшенные трупы... Жаль, что не мистер Блантон придумал прозвище. Он это умеет, правда?

Эпилог

Каролина вынесла последнюю коробку с мамиными вещами. Прислонившись к машине, отец разглядывал длинную шелковую перчатку, некогда белую, а теперь серую от пыли. Каролина поставила коробку в багажник.

– Она больше ни разу их не надела? – как будто очнувшись, спросил отец.

– Сберегала для меня, – сказала Каролина.

Поразительно, каким недотепистым бывал отец. Как будто притворялся, что прежней жизни и не было. Каролина посмотрела на коробку, набитую слаксами, джемперами, блузками. Сверху лежала другая перчатка. Сорок лет назад мама надевала эти перчатки на свою свадьбу.

Отец взял вторую перчатку.

– Может, оставим? – Голос его дрогнул.

– Ладно.

Каролина посмотрела на его расплывшееся морщинистое лицо, седые брови. Ему шестьдесят. А когда сбежал в Калифорнию, ему было тридцать шесть, как сейчас ей. Критический возраст, что ни говори.

– Поехали, пап? – Каролина положила руку ему на плечо.

– Ты езжай. А я здесь еще побуду.

Отец пошел к дому, зажав в руке посеревшие перчатки. Каролина медленно отъехала. На каждом перекрестке она притормаживала – еще не привыкла к повязке на левом глазу, ограничивавшей периферийный обзор. Езда превращалась в нервотрепку.

Каролина вспомнила, как после операции очнулась на больничной койке и увидела Дюпри. Он сказал, что вернулся в семью. Потом добавил:

– Я вас так и не поздравил.

– С чем?

– Ну тогда, в коридоре. Вы и Джоэл. Я видел кольцо.

Она потрогала бинты на лице. Общение с Ленин Райаном одарило глубокой раной от лба до скулы. Врач, наложивший швы, сказал, повязка на месяц.

– Вы уже определились с датой? – спросил Дюпри.

– Нет, – не замешкавшись, ответила она. – Еще нет.

Припарковавшись у приюта «Солнечный денек», Каролина взяла коробки с мамиными вещами и позвонила в дверь. Открыла девчонка. Она

вытащила наушники плеера из ушей и уставилась на одноглазую тетку.

– Я тут кое-что привезла для Рэй-Линн Пирс, – сказала Каролина.

Появился тот самый нарколог Крис.

– Вчера вечером Рэй-Линн ушла, – сказал он, глядя на коробки.

Не сильно удивившись, Каролина кивнула:

– Не знаете куда?

Нарколог пожал плечами.

– Давайте я это оставлю? – спросила Каролина. – Может, кому-нибудь...

Нарколог взял коробки, поблагодарил и закрыл дверь.

Благодарности

Над этими страницами ломали головы мои коллеги и друзья – в основном Дэн Баттеруорт, который вдохновлял меня своей увлеченностью и давал бесценные советы. Джим Линч разделял со мной мои писательские страхи, а Терри Морхаус выяснял полицейские вопросы и разок свозил меня покататься на лыжах.

Я глубоко благодарен уважаемому Кэлу Моргану, язвительному и прозорливому редактору, какого еще поискать, и, конечно, Джудит Риган за ее энергию, острый взгляд и терпение к писакам из глубинки.

И наконец, я имею большое счастье быть женатым на своем любимом редакторе. Как и все, что я делаю, эта книга посвящается Энн и детям, которых у меня трое: Бруклин, Ава и Алек.

---

notes

Примечания

1

Хэки-сэк – игра, в которой участники ногами перетасовывают друг другу матерчатый мешочек с бобами. – *Здесь и далее примеч. перев.*

«Чиппендейлы» – американская хореографическая группа стриптизеров, созданная в 1979 г.

Ефрем Цимбалист-младший (1918–2014) – американский актер, снимавшийся в телевизионных сериалах-боевиках.

Строка из 16-го сонета цикла «Сто сонетов о любви» Пабло Неруды:
«Так я ступаю по твоей пылающей плоти, целую тебя, крохотную и
планетарную, мою голубку, мой мир».

Уоллес Стивенс (1879–1955) – американский поэт. Речь о его стихотворении *The Emperor of Ice-cream* (1922).

6

Около 27 °С.

Гомер Пайл – простоватый автомеханик, персонаж телевизионного «Шоу Энди Гриффита» (*The Andy Griffith Show*, 1962–1969).

Гэри Леон Риджуэй (р. 1949), известный как «Убийца с Грин-Ривер», совершил многочисленные убийства женщин в 1980—1990-х. Через двадцать лет ДНК-анализ доказал его виновность. В 2003 г. Риджуэя приговорили к 48 пожизненным срокам без возможности условно-досрочного освобождения.

Джозеф Пол «Джо» Димаджио (1914–1999) – американский бейсболист, один из самых выдающихся игроков в истории бейсбола, трехкратный обладатель награды «Самый полезный игрок».

Джеффри Лайонел Дамер (1960–1994) – американский серийный убийца, в 1978–1991 гг. убил 17 юношей и мужчин, чьи трупы насиловал, а затем поедал. Суд признал его виновным и приговорил к 15 пожизненным срокам; в 1994 г. он был убит сокамерником. Теодор Роберт «Тед» Банди (1946–1989) – американский серийный убийца, насильник и некрофил, действовавший в 1970-х гг. Его жертвами становились девушки и девочки; точное их число неизвестно. Казнен на электрическом стуле. Ганнибал Лектер – серийный убийца и каннибал, персонаж четырех романов Томаса Харриса и их экранизаций: «Красный дракон» (1981, в 1986 г. экранизирован как «Охотник на людей», в 2002 г. под оригинальным названием), «Молчание ягнят» (1988, экранизирован в 1991 г.), «Ганнибал» (1999, экранизирован в 2001 г.) и «Ганнибал: Восхождение» (2006, экранизирован в 2007 г.).

Алберт «Эл» Грин (р. 1946) – американский чернокожий исполнитель соула и госпелов; в 1976 г. принял сан и на некоторое время перестал выпускать записи на «грешные» темы.

«О благодать» (*Amazing Grace*, 1779) – популярный христианский гимн на слова английского поэта и священнослужителя Джона Ньютона, с 1835 г. исполняется на мелодию английской народной песни «Новая Британия» (*New Britain*).

Видимо, имеется в виду роман Ребекки Уэллс «Божественные тайны сестричек Йа-Йа» (*Divine Secrets of the Ya-Ya Sisterhood*, 1996) о женской дружбе и взаимоотношениях матери и дочери.

Персонаж рассказа Джеймса Тёрбера «Тайная жизнь Уолтера Митти» (*The Secret Life of Walter Mitty*, 1939), экранизированного Норманом Маклаудом (1947) и Беном Стиллером (2013), – робкий человек, погруженный в героические мечты.

«Дядя Алберт / Адмирал Хэлси» (*Uncle Albert / Admiral Halsey*, 1971) – песня Пола и Линды Маккартни; куплеты про дядю Алберта посвящены дяде Пола Маккартни.

Стоун Филлипс (р. 1954) – знаменитый журналист, бывший соведущий (1992–2007) криминального шоу *Dateline NBC*.